

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный университет;
С. М. Маркедонов, канд. ист. наук, доц., МГИМО; *А. О. Машовец*, д-р юр. наук,
проф., Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юр. наук, проф., Российский
государственный университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юр. наук,
проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *О. В. Попова*,
д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Е. Р. Россинская, д-р юр. наук, проф., Московская государственная юридическая
академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 09.06.2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Левченко О.В. Проблемные аспекты участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела 5

Ткачева Н.В. Модель производства в суде первой инстанции в уголовно-процессуальной доктрине России 16

История. Исторические науки

Денисов С.А. Символика лояльности к власти Тевтонского ордена у пруссов в XIII – XIV веках 27

Макей А.Д. Эволюция гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII – XIX веках 39

Демичев А.А. Документы личного происхождения российских присяжных заседателей 1860 – 1890-х годов как исторический источник 53

Гудков И.А. Владивостокский торговый порт в первой половине 1920-х годов: экспортная конкуренция и межведомственные противоречия 63

Общество и политика

Кришталь М.И. Поколенческие различия жителей Калининградской области в восприятии региональной истории и историко-культурного наследия 77

Проданцов К.С. Социально-политические настроения жителей Калининградской области как индикатор геополитической безопасности региона 90

Рецензии

Ильинская С.Г. Многоликое единство, или Общее без утраты особенного (размышления о неслучайном исследовании) 107

Errata 112

CONTENTS

State and law

Levchenko O. V. Problem aspects of participation of the prosecutor in the stage of initiating a criminal case 5

Tkacheva N. V. The model of proceedings in the court of first instance in the criminal procedure doctrine of Russia 16

History. Historical sciences

Denisov S. A. Symbolism of loyalty to the power of Teutonic order among the Old Prussians in the 13–14th centuries..... 27

Makei A. D. Evolution of civil promotion in rank in the Russian empire in the 18th and 19th centuries 39

Demichev A. A. Documents of personal origin of Russian jurors of the 1860s – 1890s as a historical source..... 53

Gudkov I. A. Vladivostok commercial seaport in the first half of the 1920s: export competition and interdepartmental contradictions..... 63

Society and politics

Krishtal M. I. Generational differences of the residents of the Kaliningrad region in the perception of regional history and historical and cultural heritage 77

Prodantsov K. S. Socio-political moods of the residents of the Kaliningrad region as an indicator of the geopolitical security of the region..... 90

Reviews

Ilinskaya S. G. Many-faced unity or general without loss of the special (the reflections on a non-random research)..... 107

Errata..... 112

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА
В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Прокуратура Троицкого и Новомосковского административных округов
г. Москвы, Москва, Россия

Поступила в редакцию 20.10.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-1

Для цитирования: Левченко О. В. Проблемные аспекты участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 5 – 15. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-1.

Проведен анализ процессуального положения прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, правовое регулирование которой на современном этапе подверглось существенным изменениям. Участие прокурора в стадии возбуждения уголовного дела ограничено отсутствием у него прав на доказывание, на самостоятельное принятие решений. В результате реализации требования процессуальной самостоятельности органа предварительного расследования прокурор на настоящий момент отстранен законом от непосредственного участия в первой стадии уголовного процесса. Такое положение не соответствует ведущей роли прокурора в противодействии преступности и обеспечении законности. Из концепции обвинительной власти государства во главе с прокуратурой развивается тезис о необходимости расширения прав прокурора в данной стадии уголовного процесса. Предлагаются конкретные меры по превращению прокурора в ведущего участника стадии возбуждения уголовного дела и преобразованию прокурорского надзора в средство процессуального руководства органами предварительного расследования. Обосновывается, что оптимизация стадии возбуждения уголовного дела возможна только путем реализации модели верховенства прокурора в досудебном производстве.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, прокурор, прокурорский надзор, органы предварительного расследования, обвинительная власть

Проблематика участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела имеет давнюю историю исследования и тем не менее не утрачивает актуальности. Актуализируют ее постоянно вносимые законодателем новшества в процедуру первой стадии уголовного процесса [1], а также законопроекты [2], в которых заложены различные векторы развития прокурорского надзора за исполнением законов в этой стадии. Актуальность данной проблематики обострилась в связи с дискуссиями относительно судьбы самой этой стадии — вплоть до предложений о ее ликвидации или о полном исключении прокурора из нее [3, с. 79—81].



Содержание и правовой режим стадии сильно изменились по сравнению с первоначальной моделью, на что повлияло появление новых уголовно-процессуальных производств, прежде всего сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ). Одновременно радикально поменялись место и образ действий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела и система его отношений с ведущими участниками этой стадии.

Несмотря на перемены, ценностно-сущностное ядро концепции прокурорского надзора в обсуждаемой стадии сохранилось: прокурор должен «добиваться» соблюдения законности в стадии возбуждения уголовного дела [4, п. 1.1 – 1.3; 5] и тем самым создавать законную основу для уголовного преследования и проведения предварительного расследования. Необходимость прокурорского надзора обусловлена тем, что беззаконие, допущенное в этой стадии, изначально делает невозможным достижение его назначения. Прокурор должен исключить нарушение закона, которое извращает сущность правосудия и превращает противодействие преступности в его противоположность – произвол. Ничто так не искажает судопроизводство, как незаконное возбуждение уголовного дела, с одной стороны, и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела – с другой.

Мы исходим из того, что, во-первых, стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена в структуре российского уголовного процесса; во-вторых, активное участие прокурора в данной стадии необходимо. Между тем в настоящее время участие прокурора в ней не обеспечено в надлежащей мере правовыми ресурсами.

Правомерное и своевременное возбуждение уголовного дела обеспечивает достижение целей и решение задач как предварительного расследования, так и уголовного судопроизводства в целом [6, с. 59]. И прокурорский надзор, по преобладающему мнению, является гарантией этого [7, с. 5, 7–8]. Мы склонны согласиться с тем, что в генезисе стадии можно усмотреть ее сущность, направление ее оптимизации – в неразрывной связи с участием прокурора в ней [8].

Можно констатировать, что сохраняются как идеология, общая модель прокурорского надзора, круг задач, решаемых прокурором в стадии возбуждения уголовного дела, так и назначение и сущность стадии возбуждения уголовного дела [9, с. 16]¹. Между тем полномочия прокурора, арсенал средств прокурорского реагирования на нарушения законов и содержание правовых отношений прокурора с субъектами уголовного процесса в этой стадии находятся в перманентном преобразовании, которые отошли довольно далеко от первоначальной – классической – модели прокурорского надзора в этой стадии.

По мнению многих исследователей, это негативно сказалось на качестве работы правоохранителей в стадии возбуждения уголовного дела, привело к снижению гарантий прав лиц, вовлеченных в «изобличительную деятельность» [10, с. 125].

Характерные черты сложившейся на данный момент процессуально-правовой модели стадии, в которой реализуется прокурорский надзор, таковы:

¹ В принципе можно согласиться с такой квалификацией прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.



- изменилась система поводов для возбуждения уголовного дела;
- происходит перманентная дифференциация правового режима проверки новообразованных поводов, что делает различной реакцию государства на сигналы о тех или иных преступлениях, а потому и влечет за собой дифференциацию уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступлениям (налоговым, экономическим)²;
- увеличился круг следственных, иных проверочных, процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела;
- установлены новые предельные сроки проверки сообщения о преступном деянии и механизм их продления;
- имеет место дифференциация правовых режимов взаимодействия прокурора с представителями органов дознания и органов предварительного следствия при решении основных вопросов в стадии возбуждения уголовного дела.

Специалисты отмечают в качестве отличительной особенности современной правовой организации участия прокурора в стадии то, что прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания прокурора и органов предварительного следствия реализуется различными средствами [11, с. 114; 6, с. 56].

Согласимся с тем, что главное противоречие правового устройства обсуждаемой стадии, как и в досудебном производстве вообще, состоит в отношениях между прокурором и следователем, руководителем следственного органа, что стало результатом перехода руководящей, контрольно-надзорной функции от прокурора к руководителю следственного органа и, соответственно, стремления прокуратуры к восполнению недостаточности процессуальных полномочий организационными.

В уголовно-процессуальной науке указывается на конкуренцию процессуальных и надзорных полномочий прокурора с полномочиями руководителя следственного органа — как правило, в негативном ключе [12, с. 376—380]. При этом признается снижение меры участия прокурора в стадии, уменьшение возможности по оперативному разрешению прокурором возникающих при этом вопросов [13, с. 56—57]. А это, в свою очередь, ведет к нарастанию формализма в прокурорском надзоре и противопоставлению ведомственного интереса публичному — происходит погоня прокуроров за показателями принятых мер прокурорского реагирования.

Обратимся к отдельным аспектам участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, которые, на наш взгляд, необходимо оптимизировать.

Надзор за соблюдением регистрационной дисциплины, исключение фактов укрывательства преступлений составляет важнейший участок уголовно-процессуальной деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела [14, с. 68]. Предметом прокурорского надзора здесь выступает соблюдение требований п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ст. 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», а также ряда ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность

² Наиболее яркий пример метаний законодателя связан с урегулированием порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, что проявилось в п. 1.1 и 1.3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.



сотрудников дежурных частей, других подразделений правоохранительных органов приема, регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. Задачи прокуроров состоят в том, чтобы обеспечить прием и проверку всех без исключения заявлений (сообщений) о преступлениях, обеспечение прав и законных интересов лиц. В нормативных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации усилился акцент на этом важнейшем участке деятельности прокуроров [4; 5; 15].

Наше предложение заключается в том, чтобы в случае необходимости прокурор мог самостоятельно принимать решение в указанной стадии, не ограничиваясь исключительно требованиями к органам предварительного следствия устранить нарушения законности.

8

Особо надо сказать о таком поводе к возбуждению уголовного дела, как «постановление прокурора» (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). В научной литературе его появление в 2010 г. квалифицировали как возмещение (частичное) прокурору утраченного права на возбуждение уголовного дела [12, с. 351, 352; 16, с. 29] или как последствие трансформации классической модели прокурорского надзора.

Об уникальности правовой природы данного повода исследователи уже писали [17; 18, с. 199]. В частности, указывалось на то, что постановление прокурора не может быть расценено как «классический повод», который всегда трактовался как источник информации о признаках преступления: постановление прокурора нагружено дополнительным требованием к следователю (точнее, даже к органу предварительного следствия) о возбуждении уголовного дела, поскольку предполагает наличие основания для этого [19, с. 101]. Так что непризнание органом предварительного следствия установленного прокурором основания, которое изложено в постановлении, и отказ возбудить уголовное дело порождают противоречие, исход которого разрешается опять-таки через специально изобретенную процедуру, предусмотренную ч. 1¹ ст. 148 УПК РФ (см. об этом: [20, с. 39]), которая оставляет последнее слово в споре за прокурорской властью.

Однако возникает вопрос: зачем все эти изобретения юридической техники, когда в свете классической теории прокурор должен быть главным субъектом стадии возбуждения уголовного дела, наделенным исключительными полномочиями по определению ее исхода?

Ответ напрашивается такой: это инородное образование, противоречащее правовой природе стадии возбуждения уголовного дела, в которой прокурор призван играть роль не просителя, ходатая перед органом предварительного следствия, а органа, которому принадлежит решающее слово в определении судьбы процесса.

По мнению ученых [6, с. 86; 21, с. 112], лишение прокурора данного права входит в противоречие с его дискреционными полномочиями во взаимоотношениях с органами дознания и предварительного следствия. Выступая как орган надзора, прокурор не вправе самостоятельно принять решение о возбуждении уголовного дела, а должен обращаться в орган, за которым он же и осуществляет надзор. Такое положение противоречит самой природе прокурорско-надзорной деятельности. Ученые неоднократно высказывали негативное отношение к такому решению вопроса законодателем, указывая на вытекающее из подобной нормы лишение потерпевших гарантии реализации своих прав [6, с. 86].



Принятые законодателем меры по заполнению пробела, такие как пополнение полномочий прокурора новыми (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) или введение нового «прокурорского повода» с утяжеленным материально-правовым значением (ч. 1¹ и 6 ст. 148 УПК РФ), не могут быть признаны достаточными, в том числе и в части обеспечения законных прав и интересов потерпевшего (заявителя) [22, с. 86], а также лица, в отношении которого проводится проверка [10, с. 22].

Мы исходим из положения об *исключительности полномочий* прокурора на ведение публичного уголовного преследования по отношению к иным правоохранительным органам, относящимся к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ) [13, с. 52–53] во всех стадиях, включая и стадию возбуждения уголовного дела.

Постулат о власти прокурора над досудебным производством по уголовным делам — это классика, альфа и омега понимания норм и институтов уголовно-процессуального права, регулирующих досудебное производство и, в частности, возбуждение уголовного дела. В свете этого постулата, разделяемого рядом исследователей стадии возбуждения уголовного дела [20, с. 42–43], мы выступаем за возвращение прокурору полномочий, которых он был лишен федеральным законом от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ [23]. Прокурор должен властвовать в стадии, где решается вопрос о возбуждении уголовного дела, а не выступать с просьбой, пусть и оформленной в виде постановления, перед следователем, органом предварительного следствия. В этом случае отпадет необходимость и в специальном прокурорском поводе. Поэтому мы предлагаем вернуться к полномочию прокурора возбуждать уголовное дело, равно как и выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, то есть к нормальному правовому режиму первой стадии процесса, полномостным вершителем которой должен быть прокурор.

Руководящее положение прокурора в решении вопроса о возбуждении уголовного дела тем более очевидно, когда постановление выносится в отношении конкретного подозреваемого и тем самым осуществляется акт привлечения к уголовному преследованию, а вместе с тем и начальный этап привлечения к уголовной ответственности. Именно прокурор как главный субъект обвинения должен выносить такое постановление непосредственно или делегировать принятие подобного решения органу предварительного расследования под условием оперативного вмешательства в его принятие.

Итак, мы выявили основную несообразность в правовой организации не только самой стадии возбуждения уголовного дела. То, что прокурор не уполномочен возбуждать уголовное дело, а может только косвенно, как бы со стороны настаивать на том, чтобы это сделал тот или иной участник, указанный в ст. 147 УПК РФ, есть один из главных недостатков не только стадии возбуждения уголовного дела и прокурорского надзора, но самой уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности.

Противники наделяния прокурора дискреционными полномочиями в стадии возбуждения уголовного дела предлагают для разрешения ситуации, в которой следователь вторично (после отмены прокурором) выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела,



наделить прокурора правом на возбуждение уголовного дела [6, с. 87, 88]. Такое предложение не решает проблему оптимизации правового регулирования обсуждаемой стадии.

Мы выступаем за то, чтобы прокурор, во-первых, как процессуальный руководитель мог давать указания любому органу предварительного расследования на возбуждение уголовного дела (привлечение к уголовному преследованию), а во-вторых, сам возбуждал уголовное дело, принимал его к своему производству или передавал для производства следствия или дознания по подследственности, но также и по своему дискреционному усмотрению.

10

Отсюда наш подход к ответам на остальные вопросы, связанные с реагированием прокурора на неправомерный исход стадии возбуждения уголовного дела. Закон (ст. 146, 148 УПК РФ) упоминает только два постановления, подлежащие немедленному направлению прокурору под надзор и реагирование. Между тем прокурор вправе отменить своим решением постановление о направлении материалов проверки по подследственности или подсудности, что на практике и происходит. Тем не менее полагаем необходимым восполнить этот пробел в законе. Кроме того, прокурор уполномочен отменить постановление о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 146 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ, о чем говорится в нормативных актах Генеральной прокуратуры России [4, п. 1.2–1.5; 24, п. 1–11]. Соответственно мы предлагаем предусмотреть в кодексе *право прокурора отменить своим постановлением любое окончательное или промежуточное решение, принимаемое в стадии возбуждения уголовного дела любым органом предварительного расследования.*

Далее выскажемся о проблемах правового урегулирования процедуры принятия решения об отказе в возбуждении дела и осуществлении надлежащего процессуального контроля и прокурорского надзора.

В силу правовых предписаний, содержащихся в п. 5¹ ч. 2 ст. 37 и ст. 148 УПК РФ, условием вступления в законную силу постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является прохождение в течение пяти суток через прокурорский надзор. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вступает в законную силу, если прокурор не отменил его в течение пяти суток после получения. Мы считаем такой срок слишком коротким ввиду большого числа отказных материалов, которые вынуждены проверять прокуроры. Отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может состояться и вне пятисуточного срока, то есть позднее, если оно будет обжаловано заинтересованным лицом в порядке, предусмотренном ст. 124 и ч. 5 ст. 148 УПК РФ [25, с. 303].

Мы предлагаем установить в законе 30-суточный срок для принятия прокурором мер реагирования на неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела. Кроме того, считаем целесообразным предусмотреть в законе годичный ограничительный срок для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого. И ввести по аналогии с процедурой, предусмотренной ч. 1.1 ст. 214 и ст. 214.1 УПК РФ, порядок отмены таких постановлений по истечении года.



Прокурор вправе использовать все принадлежащие ему полномочия, предусмотренные ст. 37 УПК РФ, в том числе получать объяснения от заявителя, запрашивать сведения у организаций. Таким образом, у него есть возможность сформировать свою позицию по делу. Однако настаивать на ней он может различным образом — в зависимости от субъекта предварительного расследования. Мы разделяем мнение о порочности такой дифференциации [26; 27].

Решение прокурора обязательно для органа дознания и не может быть поставлено последним под сомнение и обжаловано. В то же время это постановление может быть предметом обжалования вышестоящему прокурору со стороны руководителя следственного органа. В последнем случае включается процессуальный механизм, предусмотренный ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39, ч. 1¹ ст. 148 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ. Полагаем, что такого быть не должно. Обжалование постановления прокурора представителями органов предварительного расследования как в суд, так и в адрес вышестоящего прокурора должно быть исключено; однако частные лица, заинтересованные в исходе стадии, должны иметь право обращаться с обжалованием решения прокурора в обе эти инстанции.

Мы выступаем за возвращение прокурору не просто надзора, а полного процессуального контроля за отказами в возбуждении уголовного дела. Это означает не только возвращение к прежней модели, в которой прокурор имел положение решающего субъекта, обладавшего всей полнотой процессуальной власти над производством в стадии, на чем настаивает значительная часть научного сообщества [28, с. 31], но и наделение прокурора новыми, дискреционными полномочиями в этой стадии, о чем скажем далее.

Вполне солидарны в том, что без восстановления прав прокурора на дачу письменных, обязательных для исполнения указаний следователю относительно проведения доследственной проверки нельзя вполне обеспечить оперативную защиту прав лиц, участвующих в этой стадии [29, с. 13]. Но и противодействие преступности также без этого невозможно гарантировать в полной мере.

В связи с затронутыми вопросами об отказе от начала уголовного процесса (что можно трактовать, например, по делам частного-публичного обвинения и как отказ от привлечения к публичному уголовному преследованию потерпевшего) надо коснуться и тематики прекращения уголовно-процессуальной деятельности в связи с установлением в стадии возбуждения уголовного дела некоторых из обстоятельств, с которыми кодекс связывает возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, в частности предусмотренному ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ. Речь идет о разрешении уголовно-правового спора в стадии возбуждения уголовного дела по существу.

Особый интерес в связи с этим представляет концепция досудебного разрешения уголовного дела в досудебных стадиях уголовного процесса под руководством прокурора, с которой выступают представители нижегородской школы процессуалистов [30, с. 18]. Сторонники та-



кого нововведения указывают на то, что некоторые из обстоятельств, указанных законом в качестве оснований отказа в возбуждении уголовного дела, являются одновременно еще и «диспозитивными», «согласительно-компенсаторными» основаниями прекращения уголовного дела [30, с. 14, 16, 52]. Так, по мнению В. Б. Шерстнева, к ним надо относить основания, предусмотренные ст. 20 (ч. 2), 28¹, 27 (п. 3 ч. 1) УПК РФ [30, с. 52–53].

Ввиду очевидности и малозначительности преступления, а также возможности немедленного разрешения конфликта мирным путем допускается целесообразным в стадии возбуждения уголовного дела принимать решения о применении альтернативных мер уголовно-правового воздействия. Такого рода процедура была одно время распространена в практике Следственного комитета по делам о налоговых преступлениях [30, с. 240].

В свете очередных изменений, внесенных в порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях Федеральным законом от 09.03.2022 г. № 51-ФЗ, вполне возможно возобновление такой практики.

Мы допускаем возможность прекращения уголовного преследования лица, согласившегося возместить причиненный вред от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела при соблюдении условий, предусмотренных законом применительно к процедурам прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. При этом решающим условием должно быть согласие прокурора на такое решение или вынесение самим прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с урегулированием уголовно-правового конфликта ввиду возмещения ущерба от преступления в полном объеме, например в сфере исполнения налогового законодательства или в сфере предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, прокурор должен утверждать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вследствие урегулирования уголовно-правового конфликта альтернативным способом, то есть при освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. 25, 28, 28¹, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Итак, мы считаем сложившееся положение прокурора в стадии возбуждения уголовного дела концептуально неверным, поскольку оно не соответствует общему назначению и роли прокурора в правоохранительном механизме противодействия преступности. В главных деталях правового механизма стадии возбуждения уголовного дела мера уголовно-процессуального участия прокурора должна быть повышена качественно. Роль прокурора в определении исхода стадии должна быть руководящей по отношению ко всем правоохранительным органам.

Список литературы

1. *О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : федер. закон от 09.03.2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».



2. *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)* : законопроект №550619-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/550619-7> (дата обращения: 17.08.2022).

3. *Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней* / А. С. Александров и др. М., 2015.

4. *Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия* : приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. №544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия* : приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2011 г. №277 (ред. от 19.08.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Даровских О.И., Даровских С.М.* Прокурор в уголовном судопроизводстве : монография. Челябинск, 2020.

7. *Чубыкин А.В.* Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

8. *Ленихин А.А.* Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Отечественная юриспруденция. 2017. №6 (20). С. 93 – 96.

9. *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006.

10. *Николаева Т.А.* Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

11. *Александров А.С., Поспелова Ю.С., Сивин И.А.* Дифференциация форм прокурорского реагирования на неправомерные решения органа предварительного следствия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. №1 (14). С. 110 – 114.

12. *Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции* : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

13. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

14. *Власова Н.А.* Досудебное производство в уголовном процессе : пособие. М., 2000.

15. *Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве* : приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2007 г. №189 (ред. от 19.08.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *Кругликов А.П.* Проблемы процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2011. №10. С. 28 – 31.

17. *Гриненко А.* Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. №11. С. 22 – 24.

18. *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела* : монография / отв. ред. И. С. Дикарев. М., 2012.

19. *Соловьев А.Б., Токарева М.Е.* Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. №4. С. 98 – 104.

20. *Миллер В.Ю.* Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника. М., 2021.

21. *Чурикова А.Ю.* Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе / под ред. Н.С. Мановой. М., 2022.



22. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2011.

23. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ (ред. от 21.07.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 г. №11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2003.

26. Шадрин В. С., Чубыкин А. В. Проблемы прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Криминалист. 2014. №1 (14). С. 28–34.

27. Швефель Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. №3 (48). С. 71–83.

28. Мыцыков А. Я. Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности прокуратуры // Юридический мир. 2011. №12. С. 30–31.

29. Абдул-Кадыров Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. №9. С. 12–15.

30. Шерстнев В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

Об авторе

Олег Викторович Левченко — канд. юрид. наук, прокурор Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы, Москва, Россия.

E-mail: 2923757@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3970-4833>

O. V. Levchenko

PROBLEM ASPECTS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Prosecutor's Office of the Troitsky and Novomoskovsky administrative districts
of Moscow, Moscow, Russia

Received 20 October 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-1

To cite this article: Levchenko O. V. 2023, Problem aspects of participation of the prosecutor in the stage of initiating a criminal case, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 5–15. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-1.

The analysis of the procedural position of the prosecutor at the current stage of initiating a criminal case, the legal regulation of which has undergone significant changes, has been carried out. The participation of the prosecutor in the stage of initiating a criminal case is



limited by the lack of his rights to prove, independent decision-making at this stage. As a result of the implementation of the concept of the procedural independence of the preliminary investigation body, the prosecutor is currently suspended by law from direct participation in the first stage of the criminal process. This situation does not correspond to the leading role of the prosecutor in combating crime and ensuring the rule of law. From the concept of the accusatory power of the state, headed by the prosecutor's office, the thesis is developed about the need to expand the rights of the prosecutor at this stage of the criminal process. Concrete measures are proposed to turn the prosecutor into a leading participant in the stage of initiating a criminal case and to transform prosecutorial supervision into a means of procedural management of the preliminary investigation bodies. It is substantiated that the optimization of the stage of initiating a criminal case is possible only according to the model of the supremacy of the prosecutor in pre-trial proceedings.

Keywords: stage of initiating a criminal case, prosecutor, prosecutorial supervision, preliminary investigation bodies, accusatory power

The author

Dr Oleg V. Levchenko, Prosecutor of the Troitsky and Novomoskovsky administrative districts of Moscow, Moscow, Russia.

E-mail: 2923757@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3970-4833>

Н. В. Ткачева

МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ РОССИИ

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Поступила в редакцию 07.02.2023 г.

Принята к публикации 21.02.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-2

16

Для цитирования: *Ткачева Н.В.* Модель производства в суде первой инстанции в уголовно-процессуальной доктрине России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 16–26. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-2

Актуальность исследования производства в суде первой инстанции определяется необходимостью построения его модели в условиях публичного и состязательного уголовного судопроизводства, назначением которого является защита прав человека. Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие разрешение уголовно-правового спора, нуждаются в систематизации в целях их наиболее эффективного применения. В исследовании применялись диалектический, аксиологический, синергетический методы, а также теория социального действия. Также использовались методы анализа и синтеза информации, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Эмпирическую базу исследования составили законодательство РФ, регулирующее деятельность суда первой инстанции, и данные Судебного департамента при Верховном суде РФ. Результаты исследования позволяют определить цель и задачи производства в суде первой инстанции, его место среди других производств для построения его эффективной модели.

Ключевые слова: судебная власть, суд, производство в суде, состязательность, публичность, защита прав человека

Производство в суде первой инстанции представляет собой соответствующую установленным условиям деятельность, обладающую функциональной принадлежностью участников и направленную на разрешение судом вопроса о невиновности или виновности и назначении наказания подсудимому посредством рассмотрения обстоятельств уголовного дела по существу. Претензия, сформулированная на досудебном производстве и внесенная в суд, становится предметом деятельности суда, результат которой — решение суда, разрешающее спор между стороной обвинения и стороной защиты по выдвинутому обвинительному тезису. Рассмотрение претензии и разрешение спора происходит впервые. Инстанция, в которой ведется данная деятельность, именуется первой.



Производство в суде первой инстанции как осуществляемая впервые деятельность по разрешению уголовно-правового спора исторически сформировалось, как только человеку потребовалось разрешить возникший социальный конфликт. При наличии публикаций, посвященных отдельным этапам производства, в доктрине уголовного судопроизводства не сформирована методологическая позиция, объясняющая смысл, предназначение, которыми обуславливается необходимость этой деятельности. Ученые не подходили комплексно к исследованию сущности производства в суде первой инстанции, формулированию его цели и задач.

Сведения Судебного департамента при Верховном суде РФ указывают на то, что федеральными судами и мировыми судьями в 2021 г. рассмотрено и разрешено 769 948 уголовных дел, а в первом полугодии 2022 г. — 378 450 [1].

Концепция судебной реформы 1991 г. подчеркнула место суда в механизме государственного управления, его роль и статус при производстве по уголовным делам посредством закрепления в законе понятия «уголовное судопроизводство», определив его как досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). При этом толкование понятия «досудебное производство» установлено (п. 9 ст. 5 УПК РФ), а понятие «судебное производство» не получило интерпретации.

Ученые определяют производство в суде первой инстанции как наиболее сложное окончательное производство, в котором законодательство стремится сосредоточить все те процессуальные действия, при помощи которых оно признает достижимым обнаружение материальной истины [2, с. 328], как производство, направленное на результат, разрешающее, разбирающее уголовно-правовой спор [3, с. 429]. Отождествляя производство в суде первой инстанции с судебным разбирательством, авторы называют его главной, ведущей стадией. По мнению И.Л. Петрухина, судебное разбирательство носит публично-исковой характер, поскольку в его рамках решаются вопросы, составляющие основной предмет судопроизводства [4, с. 80]. Выделяя признаки правосудия, Е.В. Рябцева, по сути, перечисляет признаки производства в суде первой инстанции, отмечая, что в основе правосудия как государственной деятельности лежит право суда рассматривать и разрешать конфликт, рассматривая вопрос о виновности или невиновности лица, в результате чего выносится судебное решение [5, с. 13, 136]. Ссылаясь на положение ст. 49 Конституции России, в соответствии с которым виновность лица должна быть доказана в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, Ю.К. Якимович подчеркивает: значение судебного разбирательства состоит в том, что оно является центральной стадией, все предыдущие стадии при этом становятся подготовительными, а все последующие — проверочными [6, с. 36].

Для возникновения производства по уголовному делу требуются определенные предпосылки, то есть наличие преступления, которое



порождает функцию расследования на досудебном производстве. Трансформация функции расследования в функцию обвинения на этапе утверждения обвинительного заключения прокурором приводит к инициации производства в суде первой инстанции и к реализации в полной мере участниками функций обвинения, защиты, рассмотрения и разрешения уголовного дела. Все участники осуществляют при этом коммуникативную деятельность для познания обстоятельств дела в рамках их уголовно-процессуальной функции.

На первый взгляд, назначение производства в суде первой инстанции не представляет сложностей. Любой специалист, да и обыватель, пояснит, что суд нужен для разрешения уголовного дела. Однако деятельность суда связана с рядом особенностей, отличающих ее от обычной человеческой деятельности. На нее накладывается ряд дополнительных условий, рассмотрев которые возможно сформулировать специфическую цель этого органа, осуществляющего правосудие.

В разные исторические периоды целью судебного разбирательства считалось разрешение дела по существу — установление того, было ли событие преступления и имеется ли в действиях подсудимого состав преступления; определение степени и формы его вины, меры должного наказания, которая достигается посредством определения круга участников судебного разбирательства, предоставления им возможности осуществить свои процессуальные полномочия, исследования и оценки доказательств [7, с. 139].

В принципе эта позиция верна. Социально-правовая обусловленность и предпосылки формирования российской модели производства в суде первой инстанции показывают, что суд создается в государстве для разрешения конфликта между государством и человеком посредством уголовно-правового спора, в чем реализуется публичное начало. Однако современная модель производства в суде первой инстанции не ограничивается публичностью. Она содержит наряду с публичностью состязательность и равноправие сторон, ставя в приоритет защиту прав человека. Такая модель способна отвечать потребностям человека, общества и государства.

Построением в суде первой инстанции модели производства, которая бы гарантировала правосудие, Россия была озабочена всегда. Однако только закрепление принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), реализация которого осуществляется посредством общего условия судебного разбирательства — равенства прав сторон (ст. 244 УПК РФ), а также исключение обязанности установления объективной истины судом при использовании им всех возможных способов приблизиться к ней позволили усовершенствовать уголовно-процессуальные функции участников производства в суде первой инстанции и гарантировать защиту прав человека.

Исследование влияния зарубежного опыта на современную модель производства в суде первой инстанции показывает, что Россия заимствовала у зарубежных государств ряд положений, в том числе отказ от



всестороннего, полного, объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела в суде, которое положено в основу установления объективной истины. Данное положение получило реализацию через установление пределов судебного разбирательства, не позволяющих суду выходить за рамки предъявленного подсудимому обвинения и предписывающих разрешать уголовно-правовой спор на основании доказательств, представленных ему сторонами.

Вопрос, устанавливается ли истина в производстве суда первой инстанции и обязан ли устанавливать ее суд, имеет исключительное значение для сущности производства в суде первой инстанции, поскольку является ключевым при построении современной модели производства.

Построение модели производства в суде на началах состязательности и равноправия сторон подразумевает активность сторон, связанную с их коммуникативной, когнитивной (познавательной) деятельностью, которая обусловлена возложенными на них функциями. Под активностью сторон в производстве суда первой инстанции понимается деятельностный процесс по преобразованию доказательств, которыми сторона обладает и пытается использовать для логического обоснования истинности, ложности, правдоподобности своих высказываний, в аргументы. Аргументы активных сторон, согласно психологии убеждения, ложатся в основу внутреннего убеждения суда, что должно привести в итоге к разрешению спора путем вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого окончательного решения по уголовному делу.

Дискуссии по вопросам активности сторон и суда продолжаются, поскольку есть ряд законодательных проблем, а также разнообразный правоприменительный опыт. В большей степени эти дискуссии касаются восполнения пробелов, связанных с доказыванием обстоятельств уголовного дела в суде первой инстанции. В разные исторические периоды существовали разные механизмы устранения пробелов доказывания, допущенных в досудебном производстве. Ученые полагали, что состязательность заключается в споре, в ходе которого достигается истина [8, с. 10], при этом именно суд создает благоприятные условия для установления истины по уголовному делу и принятия справедливого решения [9, с. 250]. Суд наделялся правом требовать дополнительные сведения [3, с. 65], обязанностью по собственной инициативе выяснять обстоятельства, упущенные обвинителем, возможностью рекомендовать восполнить представленные им доказательства [10, с. 221]. Высказывались мнения о том, какими способами можно устранить недостатки предварительного расследования в производстве суда первой инстанции, не посягая на целостность принципа состязательности. Некоторые авторы, рассуждая о силе и слабости стороны (как защиты, так и обвинения), предлагают обязать суд вызывать свидетелей, истребовать предметы и документы, что позволит предотвратить нарушение прав сторон и восстановить их равновесие [11, с. 502]. На такие требования, предъявляемые к приговору, как законность, обоснованность, справед-



ливость, ссылается Л. А. Воскобитова, рекомендуя наделить суд правом требования от сторон предоставления дополнительных материалов в случае невозможности полно исследовать обстоятельства уголовного дела для постановления приговора [12, с. 48]. Суд должен иметь возможность побудить стороны представить недостающие, по его мнению, доказательства, полагает М. К. Свиридов [13, с. 186]. Побуждение может выражаться, по мнению С. Ю. Пашкова, в конкретном указании на те сведения, которых недостает для вывода суда [14, с. 38 – 39].

Деятельность суда по исследованию доказательств должна носить многогранный характер. Многогранность проявляется при исследовании доказательств как стороной обвинения, так и стороной защиты. В основу права суда на истребование дополнительных доказательств, предотвращающих пассивность сторон либо устраняющих существенные нарушения досудебного производства, должна быть положена цель производства в суде первой инстанции. Поскольку цель не связана с восполнением обвинения или оправданием виновного в совершении преступления, то и деятельность суда априори не должна быть направлена на подмену деятельности стороны обвинения или защиты. Права суда, связанные с управлением движением уголовного дела, активным исследованием представленных сторонами доказательств, внутренним убеждением и наличием собственной инициативы, обеспечением надлежащих условий для реализации прав сторонами, проявляют ограниченную активность суда в рамках его уголовно-процессуальной функции. Сторона, выбирая активную или пассивную деятельность, возможно, усматривает в этом элемент своей тактики поведения в суде – сообщает или не сообщает суду обстоятельства, которые считает необходимыми и выгодными для своей позиции. Когнитивная (познавательная) деятельность сторон для суда неочевидна, в отличие от их коммуникативной деятельности в ходе судопроизводства, из которого суд и получает информацию о взаимодействии сторон. Активность суда, связанная с руководящей ролью в условиях принципа состязательности и стремлением полно, всесторонне, объективно исследовать доказательства, направляет его к цели производства в первой инстанции – вынесению справедливого решения.

Полномочия профессиональных участников производства в суде первой инстанции, правильная тактика их деятельности позволяют осуществлять государственное обвинение, защиту и разрешение дела профессионально и эффективно. Суд не обязан устанавливать истину в производстве суда первой инстанции, однако он не является и пассивным наблюдателем, поскольку включен в коммуникативную и когнитивную (познавательную) деятельность сторон, обусловленную как функцией каждого участника, так и своей собственной.

Модель производства в суде первой инстанции в виде интеграции публичности, состязательности и равноправия сторон с приоритетом защиты прав человека приводит к балансу прав участников уголовного судопроизводства, которое неявно проявляется в досудебном производ-



стве. Большие возможности в виде предоставленных законом органам предварительного расследования прав по осуществлению обязанности уголовного преследования по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 21 УПК РФ) уравниваются в производстве суда первой инстанции. Такое равновесие достигается посредством установления пределов судебного разбирательства в виде ограничения его проведения в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, а также возможностью изменения обвинения, если это не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту (ст. 252 УПК РФ).

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно заключить, что производство в суде первой инстанции — это целенаправленная деятельность, осуществляемая в рамках последовательных этапов и в определенных условиях, содержанием которой является функциональная, коммуникативная, когнитивная (познавательная) деятельность участников, направленная на вынесение законного, обоснованного, мотивированного, справедливого итогового решения, являющегося гарантией разрешения социального конфликта в виде уголовно-правового спора, сформировавшаяся вследствие исторических предпосылок и частичной аккультуризации права через фрагментарное заимствование зарубежного опыта.

Основной целью, основным предназначением производства в суде первой инстанции является разрешение спора между государством и человеком посредством опровержения или подтверждения первоначально сформулированного на досудебном производстве обвинительного тезиса путем вынесения судом впервые законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

Основная цель производства в суде первой инстанции достигается при поэтапном решении ряда базовых задач:

1. Создание условий для соблюдения принципов уголовного судопроизводства и общих условий производства в суде первой инстанции, в том числе с использованием информационных технологий и технических средств.

2. Всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела участниками производства, в соответствии с возложенной на них уголовно-процессуальной функцией, когда они не перенимают на себя права и обязанности друг друга ни в каком объеме.

3. Обеспечение функциональной деятельности участников производства в суде первой инстанции при соблюдении прав человека в условиях интеграции публичности, состязательности и равноправия сторон.

4. Обеспечение коммуникативной и когнитивной (познавательной) деятельности участников на всех этапах производства в суде первой инстанции.

Сформулировав понятие, цель, задачи, необходимо определить структуру, в соответствии с которой формируется российская модель производства в суде первой инстанции.



Уголовно-процессуальный закон закрепляет шесть этапов производства в суде первой инстанции, включая подготовку материалов уголовного дела к судебному заседанию, предварительное слушание, подготовительную часть судебного заседания, судебное следствие, прения сторон и последнее слово подсудимого, вынесение приговора. Однако есть основания для иного структурирования производства в суде первой инстанции.

Деятельность суда на этапе общего порядка подготовки материалов уголовного дела к судебному заседанию заключается в выяснении ряда вопросов и принятии одного из предусмотренных решений в зависимости от полученных на них ответов. Сравнивая цель, задачи, сущность данного этапа с целью, задачами и сущностью производства в суде первой инстанции, можно констатировать, что они не совпадают, поскольку на этапе подготовки материалов уголовного дела к судебному заседанию суд обеспечивает возможность качественно и эффективно осуществить деятельность по рассмотрению и разрешению уголовного дела в производстве первой инстанции. Нет сомнений в важности данного этапа производства по уголовному делу, который, как барьер, расположен между досудебным и судебным производствами. В разные исторические периоды контроль над законностью предварительного расследования и предание суду относились к досудебному или судебному производству. Бесспорно, осуществление действий на данном этапе производства по уголовному делу необходимо возлагать на суд и относить его к судебному производству, именовать общим порядком подготовки к производству в суде первой инстанции, не включая в структуру производства в суде первой инстанции.

Предварительное слушание как этап производства по уголовному делу может появиться вследствие принятия судом решения о назначении предварительного слушания на этапе общего порядка подготовки к судебному заседанию. Ранее было выяснено, что на этом этапе обеспечивается возможность качественно и эффективно осуществить деятельность по рассмотрению и разрешению уголовного дела в производстве суда первой инстанции. Очевидно, что решение о назначении предварительного слушания выносится судом при отсутствии такой возможности. Отсюда вывод: предварительное слушание необходимо для устранения препятствий качественно и эффективно осуществить деятельность по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу в производстве суда первой инстанции при отсутствии у суда возможности устранить их без его проведения. Взаимосвязь целей этапов подготовки к судебному заседанию и предварительного слушания несомненна. Этап предварительного слушания безусловно является судебным производством, поскольку проводится судьей, основания его проведения обусловлены задачами этапа подготовки к судебному заседанию, но он не входит в структуру производства в суде первой инстанции.

На этапе подготовительной части судебного заседания создаются условия для беспрепятственного проведения судебного следствия. Конструкция подготовительной части судебного разбирательства пред-



определяет задачи данного этапа, заключающиеся в осуществлении совокупности процессуальных и организационно-подготовительных действий, направленных на проверку условий для проведения судебного следствия. Решение задач обеспечивает достижение цели данного этапа — создает условия для проведения судебного следствия.

Судебное следствие — этап производства в суде первой инстанции, заключающийся в деятельности участников, которая направлена на исследование и оценку доказательств. Проведение судебного следствия в совершенно новых, отличающихся от предварительного расследования, условиях, наделяет его своими специфическими характеристиками. В судебном следствии коммуникативная и когнитивная (познавательная) деятельность участников приобретает кульминационное значение, что позволяет суду последовательно двигаться к справедливому разрешению уголовно-правового спора. Цель судебного следствия, заключающаяся в определении комплекса необходимых и достаточных доказательств, на основе которых суд способен вынести итоговое судебное решение, является промежуточной, поскольку ее достижение необходимо для движения уголовного дела к следующему этапу производства. Решение задач судебного следствия (непосредственное и полное исследование и оценка всего комплекса доказательств, содержащихся в материалах поступившего в суд уголовного дела, а также полученных в ходе судебного следствия посредством представления их сторонами либо истребования дополнительно судом) одновременно становится решением задач производства в суде первой инстанции, поскольку в целом они стремятся к одной цели.

Прения сторон и последнее слово подсудимого — это этап производства в суде первой инстанции, на котором его участники подводят итоги судебного следствия, поскольку переходят к нему по завершении исследования доказательств. Стороны в прениях, вступая в коммуникативный поединок, наделены правом высказываться для обоснования своей точки зрения. Цель этапа судебных прений и последнего слова подсудимого является промежуточной целью по отношению к общей цели производства в суде первой инстанции, состоящей в том, чтобы подвести итоги проведенного исследования фактических обстоятельств дела и способствовать вынесению законного и обоснованного судебного решения. Задача данного этапа заключается в предоставлении сторонам возможности проанализировать собранные доказательства, высказать и обосновать свое мнение по поводу подлежащих разрешению судом вопросов.

Окончательным этапом структуры производства в суде первой инстанции является вынесение итогового судебного решения, которым уголовное дело разрешается по существу.

Установление целей и задач каждого из шести предусмотренных законом этапов производства по уголовному делу, сравнение их с общей целью и задачами производства в суде первой инстанции позволяют сделать выводы.



Цели этапов подготовки материалов уголовного дела к судебному заседанию и предварительного слушания связаны с обеспечением возможности качественно и эффективно осуществить судом деятельность по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу. Задачи данных этапов обеспечивают достижение такой возможности.

Цели подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, вынесения итогового судебного решения — свои, но они являются промежуточными для достижения общей цели производства в суде первой инстанции — решения уголовно-правового спора посредством разрешения уголовного дела по существу. Для достижения общей цели, которой подчинены все указанные этапы, на каждом из них решается определенный блок задач, в своей совокупности выступающих задачами производства в суде первой инстанции. Структура модели производства в суде первой инстанции должна состоять из следующих этапов: подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, вынесения итогового судебного решения.

Существенно определение места производства в суде первой инстанции по сравнению с производством в апелляционной инстанции, поскольку суд апелляционной инстанции вправе рассматривать уголовное дело по существу и выносить в качестве итогового судебного решения приговор. В основу сущности каждого производства заложено его предназначение, выражающееся в цели и задачах. Суд апелляционной инстанции рассматривает уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда. Задачи суда апелляционной инстанции заключаются в проверке законности, обоснованности и справедливости решения первой инстанции. Основанием для проведения такой проверки является наличие жалобы или представления. Несмотря на ряд сходств, производство в апелляционной инстанции существенно отличается от производства в суде первой инстанции.

Производство в суде первой инстанции имеет специфические признаки, обусловленные его целью и задачами, определяющие его место среди других производств в уголовно-процессуальной доктрине России, которая сформировалась как интеграция принципов публичности и состязательности с приоритетом защиты прав человека:

1. Рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции осуществляется впервые после того, как обвинительный тезис был сформулирован на стадии досудебного производства при реализации своей функции органами предварительного расследования.

2. Участники производства в суде первой инстанции, обладая набором прав, обязанностей и ответственности в зависимости от функциональной принадлежности, впервые в полном объеме могут реализовать их в рамках складывающихся между ними правоотношений.

3. Внешним выражением производства в суде первой инстанции является коммуникативная деятельность участников производства, смысл которой состоит в обратной связи между ними в процессе спора.



4. Внутренним содержанием производства в суде первой инстанции является когнитивная (познавательная) деятельность участников, направленная на выявление относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности достаточности доказательств путем их собирания, проверки и оценки при стремлении к установлению истины.

5. Результатом производства в суде первой инстанции является впервые вынесенное судом итоговое решение, обладающее свойствами законности, обоснованности, мотивированности и справедливости.

Список литературы

1. *Сводные* статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год и 1 полугодие 2022 года // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.02.2023).

2. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2: Судопроизводство / под ред. В.А. Томсинова. М., 2008.

3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.

4. *Петрухин И.Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2005.

5. *Рябцева Е.В.* Правосудие в уголовном процессе России. М., 2008.

6. *Якимович Ю.К.* Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке : учеб. пособие. СПб., 2015.

7. *Волколуп О.В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003.

8. *Ларин А. М.* О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК 1997 г. // Российская юстиция. 1997. №9. С. 9–11.

9. *Камардина А.А.* Роль суда в обеспечении состязательности и равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. №5 (49). С. 250–252.

10. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

11. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс : учебник для вузов. 2-е. изд. СПб., 2005.

12. *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

13. *Свиридов М.К.* Установление истины и активность суда в состязательном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства. Томск, 2004.

14. *Пашков С.Ю.* Роль председательствующего в обеспечении всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела // Уголовный процесс. 2009. №10. С. 36–39.

Об авторе

Наталья Викторовна Ткачева — канд. юрид. наук, доц., Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия.

E-mail: tkachevanv@susu.ru



N. V. Tkacheva

**THE MODEL OF PROCEEDINGS IN THE COURT
OF FIRST INSTANCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE DOCTRINE
OF RUSSIA**

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

Received 7 February 2023

Accepted 21 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-2

26

To cite this article: Tkacheva N.V. 2023, The model of proceedings in the court of first instance in the criminal procedure doctrine of Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 16–26. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-2.

The relevance of the study of proceedings in the court of first instance is determined by the need to build its model in the conditions of public and adversarial criminal proceedings, the purpose of which is to protect human rights. The criminal procedural norms regulating the resolution of a criminal legal dispute need to be systematized in order to apply them most effectively. Dialectical, axiological, synergetic research methods were used, as well as the theory of social action. Methods of information analysis and synthesis, comparative legal and formal legal research methods were used. The empirical basis of the study was an analysis of the legislation of the Russian Federation regulating the activities of the court of first instance, data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The results of the study allow us to determine the purpose, objectives of the proceedings in the court of first instance, its place among other proceedings to build its effective model.

Keywords: judicial power, court, proceedings in court, adversarial, publicity, protection of rights

The author

Dr Natalia V. Tkacheva, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia.

E-mail: tkachevanv@susu.ru

С. А. Денисов

**СИМВОЛИКА ЛОЯЛЬНОСТИ К ВЛАСТИ
ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА У ПРУССОВ В XIII – XIV ВЕКАХ**

Институт археологии РАН, Россия
Поступила в редакцию 15.12.2022 г.
Принята к публикации 15.02.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3

27

Для цитирования: Денисов С. А. Символика лояльности к власти Тевтонского ордена у пруссов в XIII–XIV веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 27–38. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3.

Формирование государства Тевтонского ордена в Пруссии, происходившее в XIII – XIV вв., опиралось, помимо военного давления, на отношения с местным населением, в основе которых находилось его инкорпорирование в систему условного землевладения. Данные отношения подразумевали, с одной стороны, репрезентацию власти ордена как коллективного правителя, а с другой – символическое выражение лояльности пруссов в различных сферах социальной коммуникации, таких как язык, ономастика и предметы материальной культуры. Цель статьи – определение способов выражения данной лояльности, которое позволяет охарактеризовать понимание пруссами своего положения в новых политических условиях. Для этого с помощью сравнительно-исторического, типологического и диахронно-синхронного методов были рассмотрены как письменные источники, так и находки из погребений прусских некрополей. Определено, что пруссы выражали лояльность к власти, принимая средневерхнегерманский язык, христианские имена и символы, а также знак Тевтонского ордена. Занимая место в прусской культуре, указанные элементы сосуществовали с традиционными именами, языком и принципами языческого погребального обряда. Подобное сосуществование различных по своему характеру символов стало одной из основ отношений пруссов и Тевтонского ордена, обеспечившей стабильное развитие государства вплоть до 1525 г.

Ключевые слова: символ, пруссы, Тевтонский орден, христианство, лояльность, акты, некрополи

Символ как один смыслообразующих элементов средневековой культуры обладал ключевым значением в политической и социальной коммуникации [7, с. 16–42, 56–102; 13, с. 6–27; 16, с. 27–51], обеспечивая, помимо прочего, процесс репрезентации власти и ее рецепцию представителями различных слоев общества [2; 6; 15, с. 297–362; 18]. Данное положение характерно для идеологии государства Тевтонского

ордена в Пруссии, формирование которого в XIII–XIV вв. было основано на выстраивании отношений с представителями автохтонного населения. В этот период орден, представляя свою власть как власть верховного коллективного правителя [10], наделял землями пруссов, инкорпорируя их таким образом в систему условного землевладения на положение ленников и локаторов [8, с. 143–148; 14; 47, S. 159–180, 387]. По сравнению с получением новых социальных статусов христианизация пруссов проходила более медленными темпами вследствие внимания ордена в первую очередь к политическому господству в регионе. В этом контексте возникает вопрос, каким образом пруссы демонстрировали свою лояльность новой власти. Эта демонстрация охватывала широкий круг сфер (язык, ономастика, предметы материальной культуры), так что целесообразным выглядит определение в настоящей статье основных направлений для решения сформулированной проблемы, требующих затем более детального изучения. Для этого обратимся к письменным свидетельствам и археологическим источникам. К первым относятся Христбургский мирный договор, заключенный 7 февраля 1249 г., акты, фиксирующие условные пожалования в XIII–XIV вв., хроника Петра из Дусбурга, завершенная в 1326 г. Ко вторым – предметы материальной культуры, найденные в погребениях XIII–XIV вв. из некрополей Штангенвальде (быв. нем. Stangenwalde), Гердауэн / Киндерхоф (Gerdauen / Kinderhof), Альт-Велау (Alt-Wehlau), Рувнина Дольна (Unter Plehnen) и Зимонишкен (Siemonischken) (рис. 1).

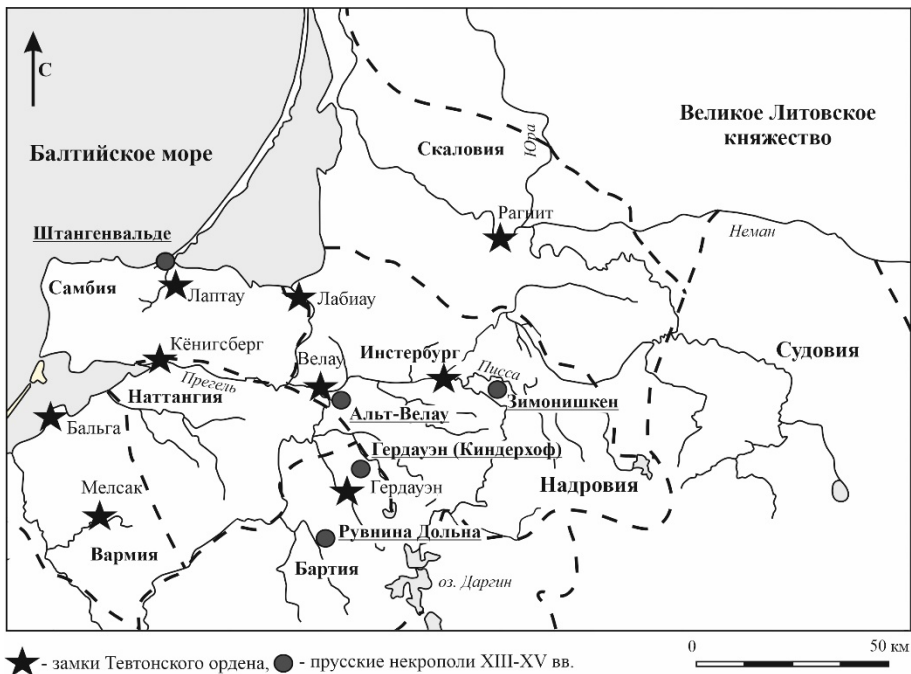


Рис. 1. Некрополи XIII–XV вв. в государстве Тевтонского ордена, где были найдены предметы, содержащие символическое выражение лояльности пруссов к верховной власти



Для решения поставленной задачи рассмотрим перечисленные источники с помощью типологического, сравнительно-исторического и диахронно-синхронного методов, что подразумевает выделение групп символов и их сопоставление друг с другом, а также с традиционными прусскими символами, существовавшими в рассматриваемый период и предшествующее время.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIII – XIV в., от начала покорения Пруссии до оформления социальной системы нового государства [17, с. 134; 21, S. 288 – 290].

Несмотря на свое значение для реконструкции отношений ордена и пруссов, сформулированный вопрос рассматривался в предшествующих исследованиях в контексте изучения системы религиозного синкретизма [3; 4; 9; 48], а также в рамках изучения отдельных предметов одежды и вооружения, демонстрировавших высокий социальный статус индивида в перечисленных некрополях [11; 12], и не получил специального освещения.

Обратимся далее к первому из названных аспектов – языковой сфере, лояльность в которой выражалась в изучении пруссами средневерхненемецкого языка. Этот процесс зафиксирован в хронике Петра из Дусбурга, в которой говорится, что вернувшийся из Магдебурга после завершения своего воспитания прусский нобиль Генрих Монте успешно применил против ордена полученные навыки, став одним из руководителей пруссов на втором этапе Великого восстания 1261–1273 гг. Это утверждение касалось не только умения вести войну, но и знания средневерхненемецкого языка. Разыскивая переселенцев из германских земель, укрывшихся от восставших, Генрих призывал их покинуть убежища, обращаясь к ним на средневерхненемецком языке (лат. *vox Theutonicus*), что ослабляло бдительность беглецов и позволяло пруссам схватить их [32, S. 128–129, №167]. Аналогичным образом поступали другие пруссы, которых братья ордена воспитывали до восстания. В хронике Петра из Дусбурга их имена не названы [Ibid.], однако согласно хроникам Симона Грунау и Луки Давида, созданным соответственно в 1526 и 1575–1583 гг.¹, для воспитания в Магдебург были отправлены следующие прусские нобили, возглавившие позднее восстание вместе с Генрихом Монте: Диване, Ауттуне, Гланде, Глаппе, а также происходивший из судовской знати Скоманд [30, S. 40, 67, 79; 42, S. 248]. Вместе с тем в более ранних источниках данные сведения не приводятся, что требует дополнительных доказательств. Обращение к средневерхненемецкому языку также отмечено в актах, фиксирующих получение пруссами земельных наделов в XIII–XIV вв. [34, S. 232. №347; S. 236–237. №350 etc.; 35, S. 149. №224; S. 540–542. №808, 810 etc.; 36, S. 172–173. №240 etc.; 37, S. 526–527. №643 etc.; 38, S. 567–568. №630 etc.; 39, S. 206–207. №363 etc.; 40, S. 51. №91 etc.; 41, S. 456. №793 etc.]. Использование пруссами одной и той же с завоевателями языковой системы позволяло символически представить себя как часть нового социума, а также имело практическое значение, помогая разобраться в делопроизводстве, фиксировавшем новые условия для использования земельного фонда.

¹ Во втором случае труд остался незавершенным.



Другим отражением лояльности пруссов к новой власти стало принятие ими христианских имен, происходившее по мере распространения новой религии. Наиболее показательным в этом смысле упоминание имен в хронике Петра из Дусбурга и актах, которые фиксировали службу пруссов ордену и церкви. Из 2087 персон, названных в источниках поименно, 537 обладали христианскими именами (Кристиан, Иоганн, Петр, а также измененными в форме именами — Матис от Матиас, Герко от Генрих и т.д.), 1550 — традиционными для пруссов, имевшими балтское происхождение (Гедете, Сантунге, Садлуке и др.) [23; 26; 45]. В упоминании данных имен можно выделить два периода. В 1231—1283 гг. орден покорял Пруссию за счет военного давления, частично привлекая на службу автохтонное население. Тогда раздача условных владений была затруднена военными действиями, в результате которых участки находились под угрозой разорения [8, с. 145—146]. Несмотря на это, в названных источниках упоминаются поименно 112 пруссов, перешедших на сторону ордена. Из них 8 носили христианские [24, р. 102—104. №57; 32, S. 122—123, №148; 34, S. 86—87. №100; S. 189—191. №263; S. 213—214. №314; S. 244—245. №362; S. 244—245. №362; 35, S. 434—435. №651; 46, S. 89—91. №182], а 104 — балтские имена [24, р. 105—107. №59, 60; р. 109—110. №62; 32, S. 63, №24; S. 64, №26; 34, S. 116—117. №140; S. 142. №174 etc.; 36, S. 55—56. №77; S. 183—184. №255; 46, S. 12—13. №46; S. 29—30. №59; S. 33. №63 etc.]. Во второй период 1283—1370 гг., когда после победы ордена происходило наиболее активное инкорпорирование пруссов в новую социальную систему², в источниках упоминается 1975 имен. Число христианских имен на протяжении указанного времени росло постепенно без резких колебаний. Их распределение в наиболее густонаселенных прусских землях отражено в таблице.

Распределение имен в 1283—1370 гг. в прусских землях

Земля	Имена	Число	Ссылки
Помезания	Христианские	52	[34, S. 392—393. №619; S. 433—434. №690 etc.; 35, S. 147—148. №223; S. 262. №351 etc.; 36, S. 128. №179; 37, S. 506. №618; 38, S. 141—142. №157; S. 372. №411 etc.; 39, S. 11—12. №22; S. 54. №95; 40, S. 68. №125; S. 161. №284; 41, S. 419. №737; S. 449—450. №780 etc.]
	Балтские	149	[34, S. 305. №475; S. 312—313. №485 etc.; 35, S. 82—84. №129, №130; S. 86. №133 etc.; 36, S. 55—56. №77; S. 61. №83 etc.; 37, S. 423—424. №552; S. 622. №730 etc.; 38, S. 119—120. №131; S. 198—199. №228 etc.; 39, S. 11—12. №22; S. 54. №95; 40, S. 29. №54; S. 48—49. №86 etc.; 41, S. 449—450. №780; 24, р. 366—368. №214].

² После 1370 г. число новых пожалований пруссам значительно снизилось вследствие сокращения свободных земель и решения ордена использовать наемную армию.



Продолжение табл.

Земля	Имена	Число	Ссылки
Погезания	Христианские	43	[24, p. 412–414. №246; 25, p. 135. №132; 34, S. 419–420. №669, 670; 35, S. 352. №521; S. 390–391. №589; 36, S. 86–87. №120; S. 187. №262 etc.; 37, S. 316–317. №448; S. 526–527. №643; 38, S. 392. №431; S. 541–542. №600; 39, S. 11. №20; S. 16. №29; 40, S. 76. №138; S. 182. №283; 41, S. 315. №565; S. 316. №566].
	Балтские	120	[24, p. 412–414. №246; 25, p. 120–121. №114; P. 135. №132; 34, S. S. 339–340. №539; S. 525–527. №836 etc.; 35, S. 265. №358; S. 300–301. №417 etc.; 36, S. 54–55. №76; S. 83–84. №116 etc.; 37, S. 316–317. №448; S. 526–527. №643 etc.; 38, S. 348. №376; S. 373. №412 etc.; 39, S. 10. №18–20; S. 16. №29; 40, S. 183. №324; 41, S. 315. №564; S. 315. №565; S. 317. №567 etc.].
Вармия	Христианские	150	[24, p. 111–113. №64; P. 118–119. №69 etc.; 25, p. 192–193. №195; P. 249. №251 etc.; 35, S. 375. №561; S. 570–571. №847 etc.; 36, S. 174. №242; S. 182. №254 etc.; 37, S. 552–553. №671; 38, S. 139–140. №153, 154 etc.; 39, S. 347–348. №618, №619; S. 348–349. №621 etc.; 41, S. 310. №554; S. 349–350. №620 etc.].
	Балтские	287	[24, p. 113–115. №65, 66 etc.; 25, p. 100. №96; P. 127. №122; 34, S. 333–335. №530, 531 etc.; 35, S. 414–415. №627; 36, S. 174. №242; S. 182. №254 etc.; 37, S. 310–311. №444; S. 416–417. №544 etc.; 38, S. 137–138. №150, 151 etc.; 39, S. 292. №521; S. 347. №617 etc.; 41, S. 328. №582; S. 352. №625 etc.].
Бартия	Христианские	120	[24, p. 162–163. №93; P. 350–351. №202 etc.; 25, p. 142–143. №141; P. 114–116. №107 etc.; 35, S. 385–386. №580; S. 464. №700; 36, S. 146. №202; S. 179. №248 etc.; 37, S. 323. №461, 462 etc.; 38, S. 285–286. №318, S. 350. №379 etc.; 39, S. 124. №217; S. 125. №220 etc.; 40, S. 13. №22; S. 140. №244 etc.; 41, S. 304–305. №538; S. 306. №543 etc.].
	Балтские	350	[24, p. 116. №67; P. 230–231. №131 etc.; 25, p. 119. №111; P. 120. №113 etc.; 35, S. 371–372. №555; 36, S. 165–166. №228, 229 etc.; 37, S. 307. №441; S. 320–321. №455 etc.; 38, S. 109. №114; S. 116. №125 etc.; 39, S. 126–127. №227; S. 143. №256 etc.; 40, S. 105. №188; S. 179. №318 etc.; 41, S. 305. №540, 541].



Окончание табл.

Земля	Имена	Число	Ссылки
Наттангия	Христианские	71	[35, S. 261. №350; 36, S. 104. №141; S. 177–178. №245 etc.; 37, S. 322. №458; S. 324–325. №464 etc.; 38, S. 138. №152; S. 140. №155 etc.; 39, S. 6. №11; S. 7–8. №13–15 etc.; 40, S. 15. №25; S. 225. №407; 41, S. 299. №528; S. 301. №531 etc.].
	Балтские	173	[35, S. 519–520. №781; 36, S. 133–134. №185; S. 142. №195 etc.; 37, S. 317–318. №449; S. 319. №451–453 etc.; 38, S. 194–195. №221; S. 221–222. №252 etc.; 39, S. 122–123. №212, 213 etc.; 40, S. 25. №47; S. 196. №347 etc.; 41, S. 305. №539; S. 307. №547 etc.].
Самбия	Христианские	100	[34, S. 448. №718; 35, S. 374–375. №559; S. 539–540. №806 etc.; 36, S. 115–116. №159; S. 144. №199 etc.; 37, S. 302. №436; S. 343. №480 etc.; 38, S. 207. №237; S. 278. №312 etc.; 39, S. 102–103. №184; S. 108–109. №192 etc.; 40, S. 126. №219; S. 132. №230 etc.; 41, S. 336. №597; S. 368. №656 etc.; 46, S. 87–88. №179; S. 135. №224 etc.].
	Балтские	466	[34, S. 328. №522; S. 331. №527; S. 341–342. №542 etc.; 35, S. 139–140. №205–207 etc.; 36, S. 126–127. №176, 177 etc.; 37, S. 496–497. №583; S. 528. №644 etc.; 38, S. 126. №139; S. 280–281. №314 etc.; 39, S. 100. №180; S. 108–109. №192 etc.; 40, S. 126. №220; S. 188. №331 etc.; 41, S. 302. №534; S. 368. №656 etc.; 46, S. 104–106. №195, 196 etc.].

Как видно из таблицы, традиционные балтские имена количественно преобладают у землевладельцев над христианскими в соотношении от 1,9:1 до 4,7:1, что говорит об устойчивой традиции имянаречения, сложившейся в период, предшествующий орденскому завоеванию, и медленно менявшейся в течение указанного времени. Данная ситуация была обусловлена тем, что христианизация прусских земель, проявлением которой было распространение соответствующих имен, происходила усилиями церкви, которая смогла приступить к установлению полного контроля за религиозной жизнью в XV в. [5, с. 297–298]. В свою очередь, Тевтонский орден уделял большее внимание политическому господству в Юго-Восточной Прибалтике, начав после покорения Пруссии борьбу с Великим княжеством Литовским за Жемайтию. Эти условия продлили существование в прусских землях традиции имянаречения, сложившейся в доорденский период.

Важным аспектом ономастики того времени является использование христианских и балтских имен внутри одной семьи. В актах зафиксированы 112 подобных случаев [24, р. 285–286. №164; Р. 443–444. №268 etc.; 25, р. 134–135. №131, 132 etc.; 35, S. 268–269. №361; S. 310–311.



№437 etc.; 36, S. 154–155. №215; S. 155–156. №220 etc.; 37, S. 425–426. №554; S. 528–530. №645 etc.; 38, S. 392–393. №431, 432 etc.; 39, S. 11. №20; S. 144. №258 etc.; 40, S. 175. №307; S. 183. №324 etc.; 41, S. 315. №565; S. 317. №569 etc.; 46, S. 181–182. №266; S. 219. №291 etc.]. Как правило, речь идет о братьях, один из которых обладал христианским именем, а другой – балтским, или об отцах и дядьях, носивших традиционные для их социума имена, с одной стороны, и сыновьях, и племянниках, принявших крещение под новыми именами, – с другой.

Следующим проявлением лояльности пруссов была рецепция символов новой власти в материальной культуре. Одним из наиболее ранних событий стало принятие прусским нобилем Гедуне знамен чешского короля Оттокара II Пшемысла (1253–1278) во время его похода в Самбию в 1255 г., совершенного в интересах Тевтонского ордена. Согласно хронике Петра из Дусбурга, король передал нобилю знамена (лат. *vexilla*), которые тот должен был поместить на дома своих родственников, чтобы сохранить им жизнь. Однако Гедуне не успел сделать это, что привело к гибели его брата Рингела с семьей и слугами [32, S. 90–92, №71]. Несмотря на то что нобиль демонстрировал лояльность не ордену, а чешскому королю, указанный случай говорит о способности пруссов к принятию символов новой власти для того, чтобы сохранить жизнь и имущество.

Более регулярно рассматриваемая лояльность представлена на предметах, которые указывали на принадлежность к христианству, трактуемую в контексте покорения Пруссии как принятие стороны ордена. Речь идет прежде всего о кольцевидных фибулах типа «*Ave Maria*» (тип 1.3 по М.Х. Сёвсё [43, s. 185–187]), на внешней стороне которых содержатся христианские надписи на латинском языке. Данные предметы скрепляли разрез на горловине длинной туникообразной одежды и благодаря своему расположению подходили для демонстрации социального статуса и /или религиозных представлений владельца [1, с. 105–107]. В Пруссии такие фибулы, изготовленные из бронзового сплава, найдены в некрополях Штангенвальде (7 предметов) и Гердауэн (2 предмета) в составе инвентаря погребений, совершенных по обряду ингумации. Все фибулы разделяются по размерам и надписям, содержащимся на них. Фибулы из Штангенвальде (4 предмета) имеют диаметр 3,1–4,8 см, ширину рамки 0,6–1 см, толщину 0,1 см и содержат надпись «*AVE MARIA*»³ (рис. 2, 1) [22, S. 259, 293, 294. Abb. 28]. Еще 3 фибулы имели надпись «*AMOR VINCIT*»⁴, однако они не сохранились [22, S. 259]. Фибулы из некрополя Гердауэн имеют диаметр 2,8 см, ширину рамки 0,6–0,7 см, толщину 0,2 см и содержат надпись «*MARIA BE(ATA) G(L)O(RIA) T(IV)I R(EG)INA G(L)O(RIA) T(IV)I*»⁵ (рис. 2, 2) [44, Nr. PM Pr 12746, 12793].

³ «Радуйся, Мария» (лат.).

⁴ «Любовь побеждает» (лат.).

⁵ «Мария, Блаженная, слава Тебе, Царица, слава Тебе» (лат.).

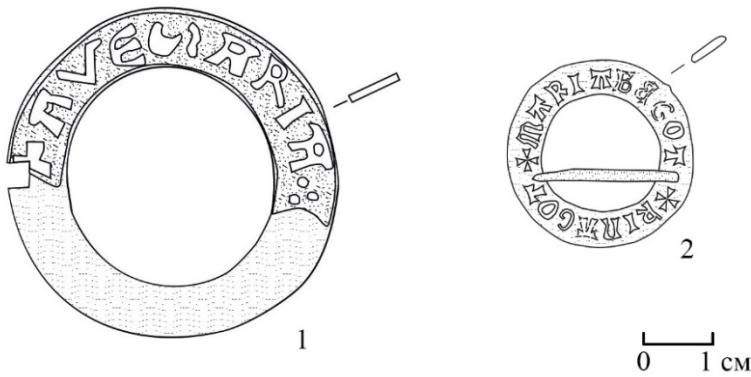


Рис. 2. Фибулы типа «Ave Maria» из некрополей Штангевальде (рис. из [22, S. 329, Taff. 14.1]) и Гердауэн (рис. автора)

Рассматриваемый тип фибул широко распространен в Европе в XIII—XV вв. в городах и погребальных комплексах от Англии до Карпат [19, с. 67; 20, S. 357; 27, р. 255], поэтому его появление в Пруссии можно связать с общей для различных регионов тенденцией к символической демонстрации вероисповедания, получившей в государстве Тевтонского ордена дополнительное значение лояльности верховному магистру. Помимо фибул, принадлежность к новой вере подчеркивалась, возможно, при помощи железных подвесок в виде равноконечных крестов, помещаемых в состав ожерелий из бусин. Такие предметы найдены в 6 женских погребениях: в одном комплексе в Рувине Дольне [31, s. 127, taff. XVII: 9] и 5 погребениях в Альт-Велау [3, с. 108]. Размер подвесок составил $2,7-4,9 \times 0,3-3 \times 0,2-0,4$ см⁶. Изображение равноконечного креста существовало на различных предметах материальной культуры в Юго-Восточной Прибалтике до прихода ордена [12, с. 150], что позволяет рассматривать данный случай как возможное наделение уже известного пруссам символа новым значением принадлежности к христианству.

Наряду с подвесками рассматриваемое изображение содержат пряжки и накладки от поясов, найденные в захоронениях воинов в некрополях Альт-Велау и Зимонишкен. В первом из памятников указанное изображение обнаруживается в трех погребениях: в одном на пряжке размером $10,1 \times 0,4-3,2 \times 0,3-0,9$ см (погребение 225), в другом — на квадратных накладках, прикрепленных к поясу, размер которых составил $2,4-2,5 \times 2-2,2 \times 0,2-0,4$ см (погребение 131) [12, с. 149]. Во втором памятнике равноконечный крест изображен только на квадратных накладках одного пояса. Их размер аналогичен накладкам из Альт-Велау [28, Taff. XIV].

Право носить «рыцарский пояс» (лат. *singulum militare*) зафиксировано в Христбургском договоре, заключенном между орденом и пруссами 7 февраля 1249 г. [33, S. 160.51. №218]. Присутствие на нем христианской символики должно было так же, как и в случае с использовани-

⁶ Здесь и далее размеры приводятся по длине, ширине и толщине.



ем подвесок, подчеркнуть принадлежность его владельца к новой вере. Однако при этом обращает на себя внимание то, что, выражая свою принадлежность к новой религии, пруссы тем не менее придерживались в рассматриваемый период традиции языческого погребального обряда, сопровождая умерших разнообразным инвентарем. Данная ситуация, как и в случае с имянаречением, обусловлена медленной христианизацией прусских земель во второй половине XIII – XIV в.

Более акцентированно отношение пруссов к Тевтонскому ордену обозначило совмещение его знака, черного креста в белом поле, с изображением козла, жертвенного животного прусского верховного бога Перкунаса, сделанное на пряжке «рыцарского пояса» из погребения 161 некрополя Альт-Велау. Размер предмета составил $8 \times 1,9 - 2,8 \times 0,2 - 0,4$ см [11; 12, с. 150]. Это сочетание основывалось на предшествующей традиции помещать изображения животных на деталях одежды, характерной для Западной и Центральной Европы [12, с. 4] и нашедшей выражение в Юго-Восточной Прибалтике в форме изображений сакрального животного, посвященного Перкунасу [3, с. 106, рис. 2.4, 5; 12, с. 149 – 150; 22, S. 255 – 257, 290 – 292. Abb. 25; 29, p. 72, 74, 76 etc.]. В этом контексте сочетание символов, призванное продемонстрировать лояльность нобилей власти Тевтонского ордена и одновременно их приверженность предшествующей традиции, выглядит не только как локальный символический синкретизм, но и как результат контакта новых тенденций в материальной культуре Восточной Европы, затронувших Прибалтику, и традиционной системы представлений.

Таким образом, для большинства рассмотренных способов проявления лояльности характерно сочетание символики — одновременное использование христианских и балтских имен, в том числе внутри одной семьи, расположение фибул с христианскими надписями, подвесок в виде равноконечных крестов и поясов в погребениях вопреки канону, а также совмещение на последних из указанных предметов символики Тевтонского ордена и бога Перкунаса. Этот символический синкретизм не только отражал перемены, происходившие в общественном устройстве и мировоззрении пруссов, но также являлся одной из основ отношений между ними и орденом, обеспечившей стабильное функционирование нового государства вплоть до 1525 г.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№НИОКТР 123011200018-7)».

Список литературы

1. Белай Ю. Кольцевидные фибулы в контексте костюма и мировоззрения высокого и позднего средневековья // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 104 – 113.
2. Бойцов М.А. В шкурах или пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46 – 87.
3. Валуев А.А. Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы балтийской археологии : сб. науч. тр. / науч. ред. Э.Б. Зальцман. Калининград, 2003. С. 104 – 108.



4. *Валуев А.А.* Сохранение элементов языческих традиций в культуре пруссов в орденское время (по материалам археологических раскопок могильника Альт Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области) // Археологические исследования в Калининградской области : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 136–149.

5. *Валуев А.А., Денисов С.А., Скворцов К.Н.* Амулеты-подвески «медвежий коготь» из погребений XIII–XV вв. некрополя Альт-Велау // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 290–306.

6. *Воскобойников О.С.* Репрезентация власти и «Искушение портретом». О нескольких изображениях Фридриха II // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян ; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008. С. 264–300.

7. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

8. *Денисов С.А.* Прусские ленники в государстве Тевтонского ордена в период Великого восстания (1242–1283) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, №3. С. 141–151.

9. *Денисов С.А.* Религиозный синкретизм пруссов в XIII–XV вв. по данным письменных и археологических источников // Новые материалы и методы археологического исследования : матер. VI конф. молодых ученых (Москва, 16–19 марта 2021 года). М., 2021. С. 136–138.

10. *Игошина Т.Ю.* Государь вопреки идеологии: Верховный магистр Немецкого ордена // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 133–156.

11. *Кулаков В.И., Валуев А.А.* Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России. 1999. №6. С. 80–85.

12. *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. №1. С. 147–158. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19012 (дата обращения: 14.11.2022).

13. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / пер. с фр. Е.В. Морозовой ; общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001.

14. *Матузова В.И.* Прусские нобили и Немецкий орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 281–287.

15. *Польская С.А.* Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М. ; СПб., 2017.

16. *Тодоров Ц.* Теории символа / пер. с фр. Б. Нарумова. М., 1998.

17. *Трокаль Т.В.* Государство Тевтонского ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

18. *Федоров С.Е.* Liber regalis и английские королевские инсигнии // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 5–37.

19. *Хорват А.П., Хатхази Г.* Печенеги и куны. Археологическое наследие // Труды Института востоковедения РАН. М., 2018. Вып. 7 : Тюркские кочевники в Азии и Европе: Цивилизационные аспекты истории и культуры / отв. ред. Д.Д. Васильев. С. 8–87.

20. *Ade D.* Die hoch- und spätmittelalterlichen Funde von der Konstanzer Marktstätte // Die Konstanzer Marktstätte im Mittelalter und der Neuzeit: Auswertung archäologischer Grabungsbefunde zur mittelalterlichen Landgewinnung, zum Hafenaufbau, zur Bebauung und zur neuzeitlichen Marktplatznutzung / hrsg. von M. Dumit-rache. Wiesbaden, 2018. S. 269–404.

21. *Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.



22. Biermann F., Hergheligiū, Voigt H., Benz M., Blum O. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung – Auswertung der Materialien im Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2011. Bd. 43. S. 215–345.

23. Blazene G. Altpreußische Eigennamen in den auf Latein und Mitteldeutsch verfassten Quellen // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI (чтения памяти И.М. Тронского) : матер. Междунар. конф., проходившей 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 59–73.*

24. *Codex Diplomaticus Prussicus* / hrsg. von J. Voigt. Königsberg, 1836. Bd. 1.

25. *Codex Diplomaticus Prussicus* / hrsg. von J. Voigt. Königsberg, 1842. Bd. 2.

26. *Dukavičienė I. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų registre* // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2015. T. 72. S. 221–245.

27. Egan G., Pritchard F. Dress accessories, c. 1150-c. 1450. L., 2002.

28. *Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg / Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. Insterburg, 1905. Hft. 9.

29. *Kariauti pratusi tauta. A nation skilled in war: lietuvių karinis elitas XIII–XIV a.* / sudarytojai P. Bugys, S. Venckūnienė, E. Zaveckienė. Vilnius, 2020.

30. *Lucas David's Preussische Chronik* / hrsg. von E. Hennig. Königsberg, 1813. Bd. 4.

31. *Odoj R. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Równinę Dolniej, pow. Kętrzyn 1956 i 1957 r.* // *Rocznik Olsztyński*. 1958. T. 1. S. 117–156.

32. *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21–219.

33. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1881. Bd. 1. Hft. 1 / hrsg. von R. Philippi.

34. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1909. Bd. 1, Hft. 2 / bearb. A. Seraphim.

35. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1932–1937. Bd. 2, Lief. 1–3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke.

36. *Preussisches Urkundenbuch*. Königsberg, 1944. Bd. 3, Lief. 1 / hrsg. von M. Hein.

37. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1958. Bd. 3, Lief. 2 / hrsg. von H. Koeppen.

38. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1964. Bd. 4 / hrsg. von H. Koeppen.

39. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1969–1975. Bd. 5, Lief. 1–3 / hrsg. von K. Conrad.

40. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1986. Bd. 6, Lief. 1 / hrsg. von K. Conrad.

41. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 2000. Bd. 6, Lief. 2 / hrsg. von K. Conrad.

42. *Simon Grunau's Preussische Chronik* / hrsg. von M. Perlbach. Leipzig, 1876. Bd. 1.

43. *Søvsø M. H. Middelalderlige ringspænder. Typologi, datering og brug* // *Kuml*. 2009. Bd. 58. S. 183–211.

44. *Staatliche Museen zu Berlin, Museum für Vor- und Frühgeschichte*. Nr. PM Pr 12746. URL: https://recherche.smb.museum/?language=de&question=%22Gerdauen+%28%C5%BDede%C5%BEenodoroznyj%29%2C+Kaliningradskaja+Oblast%2C+Russland%22&limit=15&controls=none&conditions=AND%2Btitles%2BAve-Maria-chnalle&collectionKey=MVF* (дата обращения: 13.11.2022).

45. *Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen, 1974.

46. *Urkundenbuch des Bisthums Samland* / hrsg. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig, 1891–1905. Hft. 1–3.

47. *Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.–16. Jahrhundert)* / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.



48. *Wadył S.* The sacred sphere of Prussian life in the Early Middle Age // Sacred space in the State of Teutonic order in Prussia / ed. by J. Wenta, M. Koczyńska. Toruń, 2013. P. 39–58.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов — канд. ист. наук, Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

S. A. Denisov

SYMBOLISM OF LOYALTY TO THE POWER OF TEUTONIC ORDER AMONG THE OLD PRUSSIANS IN THE 13–14th CENTURIES

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Received 15 December 2022

Accepted 15 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3

To cite this article: Denisov S. A. 2023, Symbolism of loyalty to the power of Teutonic order among the Old Prussians in the 13–14th centuries, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 27–38. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-3.

Formation of the State of Teutonic Order in Prussia in the XIIIth–XIVth centuries based beside military oppression on the relations with local population supported by the incorporation of them in the system of condition landholding. These relations implied, from the one hand, the representation by the Order its own status as a collective ruler, and from the other hand, symbolic expression of the loyalty of Old Prussians in various spheres of social communication: language, onomastic, objects of material culture. Definition of the ways to express loyalty that is the purpose of the article allows to characterize the comprehension of Old Prussians their own status in new political conditions. For this purpose by the using of the old comparative-historical, typological and diachronous-synchronous methods were researched both written sources and funds from the Old Prussian necropolis. It allows to define that Old Prussians expressed their loyalty by the reception of Middle High German language, Christian names and symbols and sign of Teutonic order. Being included in the culture of Old Prussians these elements co-existed with traditional names, language and principle of heathen funeral rite. The resulting co-existence of the symbols different by their character became one of the basis for the relations between Old Prussians and Teutonic order that provided stable development of the State until 1525.

Keywords: symbol, Old Prussians, Teutonic order, Christianity, loyalty, acts, necropolis

The author

Dr Sergey A. Denisov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

А. Д. Макей

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.10.2022 г.

Принята к публикации 27.02.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4

39

Для цитирования: *Макей А. Д.* Эволюция гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII – XIX веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 39 – 52. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4.

На основании новых данных, полученных из неопубликованных документов Российского государственного исторического архива (РГИА), изучаются правительственные меры по регулированию сферы гражданского чиновничества в Российской империи. Документы позволяют проанализировать роль Табели о рангах Петра I и ее влияние на формирование гражданских чинов в Российской империи. Рассматриваются насущные для XIX в. проблемы неконтролируемого роста бюрократического аппарата и злоупотреблений гражданскими чинами для быстрого продвижения государственных служащих по карьерной лестнице. Сделана попытка ответить на вопрос, почему правительству не удавалось на протяжении всего XIX столетия отменить гражданские чины. Кроме того, в статье исследуются возможные альтернативные пути реформирования системы гражданских чинов, которые могли бы быть приняты правительством Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, гражданское чиновничество, чиновники, бюрократический аппарат, историография

Цель статьи заключается в том, чтобы проследить развитие гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII – XIX вв. и исследовать правительственные меры в сфере регулирования роста бюрократического аппарата.

Систематическое изучение истории государственного управления в России началось в дореволюционное время, однако в работах того времени вопросы, касающиеся личного состава правительственного аппарата, не выступали предметом отдельного исследования и рассматривались лишь в рамках общих тенденций в деятельности центральных и местных государственных учреждений. Наиболее показательные в этом плане исследования И. А. Блинова, А. Д. Градовского, В. А. Евреинова, Е. П. Карновича [4; 7; 11; 16] и др.

В советских исследованиях бюрократического аппарата России поднимались вопросы численного и качественного состава чиновников, а также проблемы функционирования и взаимодействия государствен-



ных органов власти и др. По мнению советских историков, бюрократия в непосредственном смысле этого слова рождается в начале XVIII в. и утверждается в Табели о рангах 1722 г. [18, с. 277]. Среди советских исследователей деятельности бюрократического аппарата в Российской империи можно выделить Б.Б. Дубенцова, Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, А.П. Корелина, Ю.Б. Соловьева, С.М. Троицкого, Л.Е. Шепелева [10; 12–14; 17; 28; 29; 33].

К постсоветским исследованиям государственного управления в Российской империи можно отнести работы П.В. Акульшина и П.А. Вяземского, В.В. Амелиной, И.Е. Барыкиной, М.Н. Лукьянова, А.В. Оболонского, И.А. Федосова и Е.В. Долгих, Д.Н. Шилова [1–3; 19; 21; 31; 34] и др. Современные историки, с одной стороны, расширили границы исследований бюрократического аппарата, проанализировав структуру чиновничества вплоть до начала XX в., с другой — выявили влияние экономических, политических и социокультурных факторов на функционирование правительственных учреждений.

В современной историографии важное место стали занимать региональные исследования чиновничьего аппарата в Российской империи, среди которых можно назвать работы Т.Р. Вакилева, Н.Н. Дрыгиной, И.Г. Мельниковой, Ю.Б. Павлюка, Т.А. Поскачей, И.Ю. Синельникова [6; 9; 20; 22; 25; 27] и др. В данных исследованиях поднимаются проблемы функционирования провинциальных административных органов власти в Нижнем Поволжье, Вятской, Рязанской, Московской, Тверской губерниях и др. Изучение деятельности провинциального чиновничества позволяет дополнить научные знания об особенностях функционирования гражданского чиновничества в отдельных районах Российской империи.

Наконец, следует отметить еще одно исследовательское направление, сформировавшееся в основном под влиянием идей американского историка Р.С. Уортмана [30]. В изучении бюрократического аппарата России он использовал не традиционный политико-правовой подход, а культурологический, что позволило ученому рассмотреть влияние социальных и культурных аспектов на коммуникацию власти и общества. На основе методов культурологии и антропологии появились новые исследования в отечественной историографии. Например, в работе Т.В. Борисенок [5] чиновничество рассматривается как разновидность культуры, особый тип ментальности. Автор стремится выявить ценности, присущие данной социальной группе, а также определить, какие «образы» чиновников сформировались в массовом сознании в изучаемый период.

Таким образом, большинство аспектов развития чиновничьего аппарата в Российской империи XVIII–XIX вв. достаточно полно освещено в историографии. Однако некоторые вопросы до сих пор остаются недостаточно исследованными, что обусловлено выборочным изучением архивных делопроизводственных документов. В частности, это относится к фонду 1200 в Российском государственном историческом архиве [26], который содержит материалы, посвященные деятельности Ко-



миссии по пересмотру «Устава о службе гражданской» 1895 г. Документы, обнаруженные в данном фонде, отражают правительственные инициативы XIX в., связанные с отменой гражданских чинов и введением ограничений на гражданскую службу для лиц недворянского происхождения. Эти материалы крайне важны, поскольку содержат отдельные документы, связанные с деятельностью предыдущих комиссий и комитетов по вопросу отмены чинов, фонды которых не сохранились.

Структура фонда основана на разделении делопроизводственной документации по уровням. Во-первых, это межведомственная документация, сформированная в процессе обсуждения и выработки решений по вопросам реформирования устава о службе гражданской 1895 г. Среди документов сохранились отзывы министра юстиции, главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества канцелярией, военного министра, управляющего делами Комитета министров, государственного контролера, обер-прокурора Святейшего Синода, министра иностранных дел, министра народного просвещения, государственного секретаря и др. Во-вторых, это внутриведомственная документация: в записях журналов заседаний и протоколах зафиксированы сведения и предложения, поступавшие от различных членов Комиссии. В-третьих, это материалы, содержащие замечания отдельных государственных деятелей по вопросам реформирования чиновничества, в фонде отложилась известная записка С.С. Уварова по вопросу о чинах, записка В.В. Плеве и др. В-четвертых, это отдельные статьи повременных изданий Российской империи конца XIX в., которые отражают деятельность последней Комиссии по пересмотру устава о службе гражданской. Кроме того, в архивных документах сохранились извлечения из германского (в том числе прусского) законодательства, датированные 1874 г., которые касаются деятельности «должностных лиц». Материалы были переведены и имеют рукописные правки, что говорит о том, что они могли использоваться при разработке проекта нового устава гражданской службы.

Согласно спискам использования архивных материалов, выдача отдельных документов из фонда проводилась девять раз с 1969 по 2022 г., и среди исследователей были крупные специалисты по вопросам изучения чиновничьего аппарата в Российской империи. Тем не менее многочисленные делопроизводственные материалы данного фонда мало используются исследователями, так что проблема отмены гражданских чинов в XIX в. остается недостаточно раскрытой.

В настоящей статье под *чиновничеством* понимается привилегированное сословие, которое состояло на службе в государственных учреждениях и имело гражданские чины. Издавна лица, оказывающие государству особые услуги, награждались почетным званием – чином, особенно ярко это проявилось в годы правления Петра I. Его преобразования внесли серьезные изменения в государственный строй, в том числе и в систему древнерусского чиновничества, но сохранили при этом само значение чина как почетного звания государственных служащих. Петр I остро нуждался в грамотных специалистах как в воен-



ной, так и в государственной сферах, поэтому уже в 1712 г. подписал указ, согласно которому царь мог принимать на службу выходцев из различных сословий, невзирая на происхождение; в свою очередь, иностранцы получали не только чин, но подданство Российской империи. Позднее, в 1722 г., для создания новой системы функционирования правительственных органов Петр I установил Табель о рангах, которая определяла иерархическую систему воинских, гражданских и придворных чинов по четырнадцати классам, а также их соотношение и порядок прохождения государственной службы в Российской империи. Тем самым с утверждением Табели о рангах происходит оформление юридического статуса государственных служащих и формирование особого общественного слоя в России — чиновничества.

На основании петровского указа поступить на гражданскую государственную службу можно было вне зависимости от родовой принадлежности, причем продвижение по карьерной лестнице расширяло и сословные права чиновника, позволяя ему войти в состав дворянства (с VIII класса). В приложении к Табели о рангах указано, что «служители Российские или чужестранные, которые восьми первых рангов находятся, или действительно были: имеют оных законные дети и потомки, в вечные времена, лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть...» [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1а, ч. 1, л. 1].

Указом Петра I от 7 мая 1724 г. в систему гражданского чиновничества для награждения должностных лиц были введены два чина — действительного статского и статского советников, отнесенные к IV и V классам. Они присуждались царем за особые заслуги перед Отечеством. Кроме того, по примеру Пруссии и Дании император учредил новые награды — чины действительного тайного и тайного советников, также за особые отличия перед Родиной. Петр I и ряд последующих правителей смотрели на гражданских служащих не как на обособленную касту, а как на класс, состоящий из лучших служилых людей страны [Там же, л. 1–2].

При вступлении в систему государственного управления лиц непривлеклированных сословий необходимо было создать условия, которые бы уравнивали их в общественном положении с дворянами, ведь они, согласно старым традициям, являлись потомственными вотчинниками, и правительство стремилось облегчить гражданским служащим условия для достижения различных прав и преимуществ.

В 1767 г. императрица Екатерина II подписала указ об отдельном от должностей повышении в чинах за отличия на гражданской службе, но лишь на один класс. Своим указом 1790 г. она допустила выслугу лет гражданских чинов (до VIII класса включительно) после трех лет службы, при этом для получения чина VIII класса, который предоставлял право потомственного дворянства, сроки службы определялись в 12 лет. Указом императора Павла I от 9 декабря 1799 г. были установлены сроки выслуги до V класса [Там же, л. 3–4].

Несмотря на попытки облегчить прохождение гражданской службы лицам непривлеклированных сословий, предпринятые во второй поло-



вине XVIII в. меры трансформировали систему чиновничьего аппарата и изменили смысл, заложенный в Табели о рангах. Это привело к относительно легкому повышению в классах и чинах гражданской службы и не могло не сказаться на упадке их значения. Таким образом, к концу XVIII в. система чинопроизводства, основанная на Табели о рангах, более не могла в должной мере обеспечивать соблюдение справедливого продвижения по иерархической лестнице, что приводило к росту бюрократического аппарата.

В начале XIX в. проблемы гражданского чинопроизводства лишь обостряются и продолжают беспокоить власть, поэтому уже Александр I принимает знаменательный по своей цели указ от 6 августа 1809 г., направленный на повышение образовательного уровня гражданских служащих. Его суть сводилась к тому, чтобы присуждать чин коллежского асессора и статского советника только тем лицам, кто предоставил университетское свидетельство об успешном окончании специализированного курса. К указу были приложены обширные программы испытательных предметов для тех, кто не обучался в университете [Там же, л. 5–6].

Утверждение этого указа вызвало сильное недовольство среди чиновников разного ранга. В записке «О древней и новой России» Н. М. Карамзин писал: «...правительство желало принудить их к тому и выдало несчастный указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов. Вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные...» [15, с. 68].

С утверждением указа от 6 августа 1809 г. чиновники столкнулись с рядом неудобств, что было связано, с одной стороны, с незначительным числом университетов в России, а с другой — с тем, что вступительные испытания проводились в государственных учреждениях, на местах, что отвлекало чиновников от своих основных дел. Ввиду явных неудобств и постоянных жалоб со стороны различных правительственных ведомств действие указа было постепенно отменено.

Очередная попытка правительства решить проблему гражданского чинопроизводства была предпринята 31 января 1812 г., когда был образован Особый комитет, цель которого заключалась в унификации общих правил прохождения гражданской службы. В рамках деятельности комитета было предложено обязывать всех чиновников сдавать экзамен перед присуждением ему чина того или иного ранга, однако Государственный совет не одобрил данное предложение по тем же причинам [Там же, л. 7].



Между тем вопрос о гражданском чиновничьем производстве продолжал волновать и правительство, и общество, поэтому в 1820-х гг. стало распространяться мнение о том, что лучшим выходом станет отмена гражданских чинов с заменой их на иерархию должностей. Вследствие роста бюрократического аппарата правительство ввело первые локальные меры для устранения проблем, возникавших в сфере гражданского чиновничьего производства.

После воцарения Николай I учредил 6 декабря 1826 г. Комитет о чинах, во главе которого стоял граф В.П. Кочубей. Одной из его ключевых задач было регулирование гражданских чинов. Результатом деятельности Комитета стало предложение «установить порядок службы не на чинах, а на должностях, присвоить каждому месту свойственное ему значение...» [Там же]. Предполагалось прекратить производство во все гражданские чины, а должности разделить на степени по примеру военных чинов. Выработанный комитетом проект был дважды вынесен на рассмотрение Государственного совета и был одобрен, однако утверждения он так и не получил ввиду вмешательства в деятельность комитета великого князя Константина Павловича [26, ф. 1200, оп. 1, д. 6, л. 2]. Документы фонда Комитета от 6 декабря 1826 г. в РГИА не сохранились, однако отдельные отчеты хранятся в фонде Комиссии для пересмотра устава о гражданской службе при Государственном совете от 1895 г. [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1а, ч. 1, л. 1–12; д. 1б, ч. 2, л. 1–9; д. 2, л. 1–5; д. 4, л. 16; д. 6, л. 1–3]. По мнению Б.Б. Дубенцова, причина разобщенности управления коренилась в практике всеподданнейших докладов, когда в обход Государственного совета и Комитета министров главы ведомств оставались наедине с монархом и каждый министр использовал эту ситуацию для утверждения своего собственного предложения, зачастую расходившегося с интересами других ведомств [10, с. 41].

Через двадцать лет, в 1846 г., вновь был учрежден Особый комитет для пересмотра устава о гражданской службе под председательством статс-секретаря А.С. Танеева, затем генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова. Выработанные предложения были подобны решению Комитета от 6 декабря 1826 г. — классы предполагалось с должностями, а чины отменить вовсе.

В отчете Комитета от 6 декабря 1826 г. проблема произвола в системе гражданского чиновничьего производства описана следующим образом: «Несообразность и неблагоприятное действие нашей системы гражданских чинов уже давно обращают на себя общее внимание... По единогласному признанию вредное влияние чинов состоит как раз в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением, касту, которая живет своей особенной жизнью, считает себя выше остального общества и на которую общество смотрит, как на что-то чуждое и враждебное» [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1б, ч. 2, л. 5].

Защитником старых порядков выступил влиятельный представитель высшей бюрократии министр народного просвещения С.С. Уваров, который представил императору Николаю I докладную записку под названием «О системе чинов в России» [Там же, д. 2, л. 1]. В ней он так характеризовал проблему роста чиновничьего аппарата: «В отли-



чие от гражданской жизни всех европейских народов отличие определяется и достигается или родом, или богатством, или дарованием. Там, под всеми формами правительств, только эти три пути ведут к высшим слоям общества, или, лучше сказать, они-то и составляют сей высший слой... Известно, что у нас независимо от рода, от богатства и даже от дарований *гражданское значение* всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти, и что без этой степени никто не пользуется вполне выгодами, предоставляемыми или знатностью рода, или огромным состоянием, или даже дарами ума и таланта» [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1б, ч. 2, л. 1–2]. По мнению С.С. Уварова, отмена гражданских чинов или их ограничение создаст ситуацию, когда новое поколение благородных людей (дворян), имеющих нравственные побуждения, будет искать более достойное место, нежели карьерный путь в гражданской службе, что в свою очередь приведет к появлению в системе управления людей, ищущих выгоды от приобретенного ими положения. Помимо этого он отмечает: «...государственная служба вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие, людей без прошлого и будущего, имеющих свое особое направление и совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования...» [26, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 4]. Можно предположить, что император согласился с мнением С.С. Уварова, поскольку проект об отмене чинов был заморожен.

Но одновременно с этим по инициативе С.С. Уварова правительство попыталось обновить чиновничество за счет притока образованных людей и поднять качество государственной службы, в том числе и общую культуру администрации [32, с. 51–52]. Двадцать пятого июня 1834 г. был утвержден закон «О порядке производства в чины по гражданской службе», установивший три разряда должностных лиц по уровню образования: к первому разряду относились лица, окончившие высшие учебные заведения; ко второму — лица, имевшие аттестат об окончании средних учебных заведений; к третьему — лица, окончившие только низшие училища. Данное постановление предоставляло значительные преимущества лицам, получившим образование в университетах и в соответствующих им учебных заведениях, а также способствовало распространению в Российской империи высшего образования [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1а, ч. 1, л. 6].

Как видно из данных таблицы 1, на 1851 г. доля чиновников, не имевших высшего образования, коррелировала с продолжительностью их трудового стажа. Так, среди чиновников без предварительной службы не имели высшего образования около 4,7 %, среди служащих со стажем от 1 до 3 лет — 5,2 %, со стажем от 3 до 6 лет — более 11 %, со стажем от 6 до 10 лет — около 32 %, а среди чиновников с опытом службы более 10 лет не имели высшего образования почти 72 %. Кроме того, ведомость, представленная главноуправляющим Собственною Его Императорского Величества канцелярией, свидетельствует о том, что из 4339 лиц, определенных на гражданскую службу с 1 ноября 1894 г. по 1 августа 1895 г., 32 % имели высшее образование, 16 % окончили курсы



в средних учебных заведениях, остальные 52 % получили образование в уездных училищах [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1а, ч. 1, л. 7]. Заметно, что с увеличением стажа государственной службы доля чиновников без высшего образования возрастала. Возможно, они рассматривали высшее образование как формальность, поэтому его получение считали необязательным. Кроме того, отчеты правительственных служб показывают, что некоторым ведомствам было сложно привлечь на государственную службу лиц с высшим образованием на небольшие оклады, и поэтому дефицит кадров компенсировался привлечением лиц, окончивших низшие или средние учебные заведения.

Тем не менее во второй половине XIX в. в России наблюдалась общая тенденция к повышению образовательного уровня чиновников. Использование образовательного ценза правительством было направлено на привлечение дворянства в государственный аппарат, однако не все дворяне стремились к государственной службе и к получению высшего образования.

Таблица 1

**Образовательный уровень лиц, занимающих должность
податного инспектора VI класса в 1851 г., чел.**

Числилось на должности	С высшим образованием	Без высшего образования
Без предварительной службы	90	5
Со службой от 1 до 3 лет	230	11
Со службой от 3 до 6 лет	126	16
Со службой от 6 до 10 лет	75	35
Со службой от 10 лет и более	64	163
<i>Всего</i>	585	230

Составлено по: [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1а, ч. 1, л. 6].

В начале царствования императора Александра II вопрос об отмене гражданских чинов вновь приобрел актуальность. Прежде всего были пересмотрены некоторые положения закона 1834 г. В частности, указ от 9 декабря 1856 г. отменял разделение должностных лиц на разряды по образованию и устанавливал для всех служащих одинаковые сроки производства в гражданские чины по службе. В том же году был учрежден Комитет о чинах под предводительством статс-секретаря графа Д.Н. Блудова. В отчете Комитета вновь звучали призывы об отмене производства в гражданские чины отдельно от должностей, тем не менее было выражено сомнение относительно своевременности данного преобразования. А.А. Половцов, входивший в состав Комитета, говорил, что «чины отвлекают от деловой деятельности, особливо из провинции, умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний...» [24, с. 201]. Помимо этого, в Комитете было принято предложение об увеличении



материального вознаграждения служащих соразмерно должности и положению в обществе, что не только не решало проблему роста чиновничьего аппарата, а лишь усугубляло ее [14, с. 240]. П. А. Валуев отмечал: «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опереться» [8, с. 325]. Таким образом, вопрос о чинах в царствование Александра II оставался нерешенным.

Еще более насущным он стал в период правления Александра III, который в 1883 г. повелел учредить Особое совещание о преобразовании порядка прохождения гражданской службы под председательством статс-секретаря С. А. Танеева. В процессе разработки проекта положения о новом порядке прохождения гражданской службы камнем преткновения вновь оказалось прежнее предложение об отмене гражданских чинов.

На дискуссионность и сложность решения этой проблемы на протяжении всего XIX в. обратил внимание сенатор П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль, известный своими трудами по социологии. По его мнению, смысл Табели о рангах заключался в соединении чина с соответствующей должностью, поэтому разъединение их, с уничтожением первых лишь сохранило бы искусственное развитие иерархии чиновничества [26, ф. 1200, оп. 1, д. 16, ч. 2, л. 1–2]. П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль подчеркивал:

...главной задачей следует признать в настоящее время возвращение к первоначальной мысли Петра Великого: к установлению непосредственной связи между чином и должностью, с заменой лишь иностранных названий для чинов, русскими... По всем сим соображениям я полагаю бы провести предполагаемое преобразование с сохранением чинопроизводства на следующих основаниях: 1) установить полное соответствие между разрядами должностей и чинов с разделением тех и других на одиннадцать классов... 2) установить строгую последовательность в прохождении службы от низших должностей к высшим, с назначением трехлетнего срока... 3) совершенно отменить производство в чины за выслугу лет... 4) сохранить за чинами связанные с ними ныне преимущества, служебные и сословные... 5) устранить всякое производство в чины за заслуги неслужебные... 6) ...нынешние чины переименовать в новые... 7) ...установить соответствие между военными и гражданскими чинами по новому разделению их на разряды... [Там же, л. 3–9].

Предложения П. Ф. Лилиенфельда-Тоаля стали предметом дискуссии в деятельности Особого совещания о преобразовании порядка прохождения гражданской службы при разработке устава о службе гражданской.

П. А. Зайончковский приводит следующие данные об итогах деятельности Особого совещания при Александре III:

Из числа лиц, помещенных в официальных списках чинов 1883–1884 гг. IV класса, не более 60% занимают должности, соответствующие своему классу, их чину или стоящие на одну степень выше или ниже сего последнего... Стремление к получению высоких чинов столь велико, отмечалось в



докладе, что, «незвизрая на все принятые в продолжение последних 15-ти лет мер к ограничению числа наград и затруднению условий получения оных, число тайных советников с 1858 по 1884 год увеличилось почти втрое, а число действительных статских советников почти в три с половиной раза» [14, с. 46–47].

Из данных таблиц 2 и 3 можно увидеть тенденцию роста бюрократического аппарата в 1858–1884 гг. на примере чинов III и IV классов. Если в 1858 г. чинов III класса насчитывалось 178, то в 1874 г. уже 449, а к 1883 г. — 519. В 1858 г. чинов IV класса числилось 674, в 1874 г. уже 1,591, к 1883 г. их число возросло до 2,297. Лишь в 1880 и 1884 гг. отмечалось незначительное снижение роста чиновничьего аппарата, что могло быть связано с неточностями при обновлении статистики в базе данных [26, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 1–2].

Таблица 2

**Постепенное увеличение числа чинов III и IV классов
в 1858–1875 гг.**

Числилось чинов	1858	1860	1865	1870	1871	1872	1873	1874	1875
III класса	178	200	260	343	373	390	453	449	477
IV класса	674	805	996	1,210	1,264	1,391	1,530	1,591	1,706

Составлено по: [26, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 1–2].

Таблица 3

Постепенное увеличение числа чинов III и IV классов в 1876–1884 гг.

Числилось чинов	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884
III класса	505	518	538	543	540	520	507	519	530
IV класса	1,740	1,804	1,945	2,070	2,040	2,097	2,137	2,297	2,266

Составлено по: [26, ф. 1200, оп. 1, д. 2, л. 1–2].

Статистические данные, представленные Особым совещанием 1883 г. в Записке по проекту основных начал преобразования порядка прохождения гражданской службы, отражали определенную динамику роста бюрократического аппарата, что не могло не вызывать беспокойства в правительстве. Это повлияло на содержание итогового доклада Совещания, в котором, при согласии Александра III, было принято решение о «ликвидации иерархии гражданских чинов» в России. Однако последовавшие отрицательные отзывы министров и отдельных государственных ведомств вновь не позволили одобрить данный законопроект [Там же, л. 11–12].

Тем временем стремление чиновников приобрести чин выше занимаемой должности вызывало все большую путаницу в правительствен-



ном аппарате. Например, число действительных статских советников в 1892 г. составляло 2536 человек, причем из них должности четвертого ранга (согласно классу) занимали лишь 283, то есть не более 11%. Вследствие такого порядка нередко случались серьезные практические неудобства. В отчете Особого совещания 1883 г. отмечалось: «Назначают, например, губернатора, с производством в действительные статские советники или даже статским советником, и он в своей губернии иногда находит вице-губернатора, управляющего казенную палатую и управляющего государственными имуществами, не только действительными статскими советниками, но уже и украшенными иногда Анненскими лентами» [Там же, д. 4, л. 16].

Таким образом, в XIX в. можно было наблюдать стремительный рост чиновничьего сословия: если к концу XVIII столетия чиновничий аппарат насчитывал примерно 30 тыс. чел., то к концу XIX в., по разным оценкам исследователей, их численность могла достигать порядка 500 тыс. [23]. Тенденция к росту бюрократического аппарата не могла не беспокоить правительство, которое всячески стремилось к урегулированию данного вопроса. Гражданский чин более не мог считаться мерой справедливого определения служебного и общественного положения лица с учетом возможностей облегченного получения чина.

При Николае II, в 1895 г., создается последний в позапрошлом столетии Комитет по пересмотру «Устава о службе гражданской», в рамках деятельности которого поднималась проблема отмены гражданских чинов, однако, в отличие от предыдущих, этот Комитет впервые выступил за сохранение чинов, так как стремился решить более практические вопросы, связанные с реформированием устава о гражданской службе [26, ф. 1200, оп. 1, д. 6, л. 1–2]. Так система гражданского чиновничества просуществовала в Российской империи вплоть до 1917 г.

С момента принятия Петром I Табели о рангах начался новый этап развития государственного управления в Российской империи, однако уже к XIX в. система чиновничества устарела и не соответствовала условиям правительственной деятельности того времени. В результате чины стали объектом злоупотреблений среди служащих недворянского происхождения, которые стремились получить личное или потомственное дворянство. Изменение чиновничьего аппарата, численность которого к концу XIX в. выросла пятикратно, путем отмены гражданских чинов, оказалось невозможным [26, ф. 1200, оп. 1, д. 1 б, л. 8]. Для полной трансформации бюрократического аппарата необходимо было бы проводить кардинальные реформы, что заняло бы не один десяток лет. Земская реформа Александра II, которая потребовала колоссальных усилий, не смогла бы сравниться в масштабах с реформой гражданского чиновничества. Правительство это понимало и поэтому пыталось решить существующую проблему путем принятия полумер, создавая различные преграды для повышения чиновников мелкого и среднего ранга, вводя образовательный ценз, медленно повышая уровень их материального благосостояния, сокращая служащих отдельных



ведомств и т. д. Изучение материалов правительственных комитетов и комиссий не оставляет сомнений в том, что основным препятствием для отмены гражданских чинов было то, что такая реформа негативно повлияла бы на сословный статус чиновников, не изменяя при этом ни принципы функционирования бюрократического аппарата и не создавая новую кадровую основу для государственного управления.

Список источников и литературы

1. Акульшин П. В., Вяземский П. А. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.
2. Амелина В. В. Государственная служба в Российской империи (первая половина XIX века). Новосибирск, 1995.
3. Барыкина И. Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб., 2016.
4. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
5. Борисенко Т. В. Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века : дис. ... канд. культурологии. М., 2001.
6. Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017.
7. Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1907. Т. 7 : Начала русского государственного права. Ч. 1 : О государственном устройстве.
8. Дневник Валуева П. А., министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2 : 1865 — 1876 гг.
9. Дрыгина Н. Н. Исторический опыт формирования регионального аппарата государственного управления в Нижнем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2010.
10. Дубенцов Б. Б. Самодержавие и чиновничество в 1881 — 1904 гг.: (политика царского правительства в области организации государственной службы) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
11. Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России : ист. очерк. СПб., 1887.
12. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
13. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.
14. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
15. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
16. Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.
17. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. М., 1979.
18. Курочкина Е. Н. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 276 — 280.
19. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907 — 1914. Пермь, 2001.
20. Мельникова И. Г. Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010.



21. *Оболонский А.В.* На государевой службе: бюрократия в старой и новой России. М., 1997.
22. *Павлюк Ю.Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
23. *Писарькова Л. Ф.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. 2004. №2 (16). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=833> (дата обращения: 21.09.2022).
24. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. М., 2005. Т. 1 : 1883 – 1886 гг.
25. *Поскачей Т. А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: на материалах Рязанской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006.
26. *Российский* государственный исторический архив.
27. *Синельников И. Ю.* Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861–1917 гг.: на материалах Рязанской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.
28. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.
29. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
30. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I.
31. *Федосов И.А., Долгих Е.В.* Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX в. М., 2000. Т. 2 : Власть и культура. С. 10–101.
32. *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
33. *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981.
34. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917 гг. : биобиблиогр. справочник. СПб., 2002.

Об авторе

Артём Дмитриевич Макей — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: artem.makej@bk.ru

A. D. Makei

EVOLUTION OF CIVIL PROMOTION IN RANK IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18th AND 19th CENTURIES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad Russia.

Received 14 October 2022

Accepted 27 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4

To cite this article: Makei A. D. 2023, Evolution of civil promotion in rank in the Russian empire in the 18th and 19th centuries, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 39–52. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-4.



The author studies governmental measures to regulate the sphere of promotion in rank in the Russian Empire analyzing new data obtained from unpublished documents of the Russian State Historical Archive (RGIA). Documents demonstrate the role of the Table of Ranks of Peter I and its influence on the development of civil ranks in the Russian Empire. The issues of uncontrolled growth of the bureaucracy and abuse of civil ranks for the rapid career advancement of civil servants are seen to be essential for the XIX century. The article attempts at answering the question why the government failed to abolish civil ranks throughout the entire 19th century. In addition, the article explores possible alternative ways of reforming the system of civil ranks that could be adopted by the government of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, civil bureaucracy, officials, bureaucracy, historiography

The author

Artyom D. Makei, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: artem.makej@bk.ru

А. А. Демичев

**ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
РОССИЙСКИХ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 1860 – 1890-х ГОДОВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Научный центр Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию 04.11.2022 г.

Принята к публикации 15.02.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-5

53

Для цитирования: Демичев А.А. Документы личного происхождения российских присяжных заседателей 1860–1890-х годов как исторический источник // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 53–62. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-5.

Рассмотрены документы личного происхождения присяжных заседателей Российской империи как комплекс исторических источников, содержащих уникальную информацию о ходе судебного процесса и работе суда присяжных. Источники личного происхождения представлены дневниками и мемуарами. Выявлено и охарактеризовано два документа дневникового и восемь документов мемуарного характера присяжных заседателей. Проведена внешняя критика этих источников: установлены их авторство, цель, место создания. Охарактеризована информативность и когнитивная ценность изучаемых документов. Отмечено, что рассмотренные в статье мемуары обладают чертами, свойственными большинству мемуарных произведений второй половины XIX – начала XX в.: они изначально были ориентированы на публикацию и предназначались в первую очередь современникам; временной разрыв между происшедшими событиями и «воспоминаниями» о них был достаточно коротким (от нескольких месяцев до нескольких лет). Характерно, что за редким исключением рассмотренные документы личного происхождения принадлежат присяжным заседателям, участвовавшим в заседаниях столичных окружных судов, что ограничивает представление исследователей о работе суда присяжных в Российской империи в XIX в. столичными губерниями.

Ключевые слова: исторический источник, документы личного происхождения, дневники, мемуары, суд присяжных, присяжные заседатели

Введение

Суд присяжных появился в Российской империи в результате судебной реформы Александра II. Двадцатого ноября 1864 г. император в Царском Селе подписал Судебные уставы, практическая реализация которых началась только в 1866 г. Первыми в России 17 апреля 1866 г. были открыты Санкт-Петербургская судебная палата и Санкт-Петербур-



бургский окружной суд; 23 апреля того же года открылись Московская судебная палата и Московский окружной суд. Однако первый процесс с участием присяжных заседателей прошел только 26 июля 1866 г. в Санкт-Петербурге.

Суд присяжных был, пожалуй, самым радикальным институтом судебной реформы Александра II. Именно по этой причине он вызывал бурные дискуссии не только среди юристов-профессионалов, но и среди публицистов и просто образованных и равнодушных к происходящим в стране процессам подданных Российской империи.

Неудивительной в этой ситуации стала саморефлексия лиц, которым довелось исполнять в российских пореформенных судебных учреждениях обязанности присяжных заседателей. Всеобщий интерес к суду присяжных, активная борьба на страницах периодических изданий между его сторонниками и противниками стимулировали не только написание, но и публикацию в журналах, газетах и в качестве отдельных изданий документов личного происхождения о суде присяжных.

Цель данного исследования состоит в общей характеристике документов личного происхождения российских присяжных заседателей 1860–1890-х гг. как исторического источника. Ранее попыток такого рода в научной литературе не предпринималось.

Как известно, работа с любым историческим источником предполагает его внешнюю и внутреннюю критику. В данной статье, исходя из ее цели, основное внимание уделяется внешней критике документов личного происхождения, принадлежавших перу присяжных заседателей.

Цель документов личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных

Из трех основных видов документов личного происхождения (письма, дневники, мемуары) до нас дошли только дневники и мемуары (воспоминания) присяжных заседателей. Несомненно, лица, бывшие присяжными заседателями в Российской империи, обменивались своими впечатлениями о суде присяжных в переписке с родственниками, друзьями, знакомыми. Однако в силу специфики личной переписки такого рода письма, как правило, не публиковались и не сохранились до нашего времени.

Всего удалось выявить десять документов личного происхождения, оставленных девятью присяжными заседателями о суде присяжных. Два из них носят дневниковый характер. Это «Дневник» А. В. Никитенко [13–16] и «Заметки о судебных заседаниях, в которых он присутствовал в качестве присяжного» В. И. Герье [20].

Как и большинство дневников, изначально дневниковые записи А. В. Никитенко, видимо, не предназначались для публикации. Однако впоследствии они редактировались, готовились к печати как самим автором, так и, несколько позже, его дочерями. В «Дневнике» А. В. Никитенко рассказывал в лаконичной форме о происшедшем с ним, а также излагал свои рассуждения на различные темы. Что касается участия



в судопроизводстве в качестве присяжного заседателя, то для него это всего лишь любопытный жизненный эпизод, незначительный новый опыт. Обратим внимание, что собственно в суде автор «Дневника» присутствовал всего пять дней (1, 3, 6, 10 и 15 июня 1867 г.), о чем остались краткие записи.

В отличие от «Дневника» А.В. Никитенко, «Заметки о судебных заседаниях, в которых он присутствовал в качестве присяжного» В.И. Герье не опубликованы и хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) в личном фонде В.И. Герье [20]. По характеру это датированные записи дневникового характера, сделанные всего на семи небольших листах размером 19 × 12 см. Заметки писались сразу же после происходящих событий. В отличие от классических дневников, в которых обычно описывается все происходящее, здесь речь шла исключительно об увиденном в судебных заседаниях.

Оба рассмотренных выше источника личного происхождения схожи по своей цели. Они писались не для читателя, не на потребу публике, а для себя, чтобы потом, возможно спустя много лет, восстановить в памяти когда-то имевшее место в прошлом. Соответственно авторы дневниковых записей не пытались донести свои мысли до кого-либо, не собирались кого-то в чем-то убеждать, в том числе и в том, что касалось института присяжных.

Остальные восемь документов личного происхождения присяжных заседателей [1; 6–9; 11; 18; 19] носят мемуарный характер. Анализ формы и содержания всех этих произведений приводит нас к выводу, что, несмотря на использование разных слов в заголовках или подзаголовках («наблюдения», «воспоминания», «заметки», «впечатления», «записки»), мы во всех случаях имеем дело с таким видом исторического источника, как воспоминания. Причем они обладают характеристиками, свойственными большинству мемуарных произведений второй половины XIX — начала XX в.: они писались не для себя, а изначально ориентировались на публикацию, временной разрыв между происходящими событиями и «воспоминаниями» о них был достаточно коротким (от нескольких месяцев до нескольких лет), они сразу предназначались не для потомков, а для современников.

В условиях активной борьбы сторонников и противников суда присяжных в России, которая шла во властных кругах, в научном сообществе, среди практиков и освещалась на страницах периодической печати, авторы воспоминаний о суде присяжных не скрывали цели их написания — апологетики российского суда присяжных, обоснования его необходимости и целесообразности. Авторы пытались на эмпирическом материале доказать противникам суда присяжных, что этот институт полностью оправдывает себя в Российской империи и что, несмотря на некоторые недостатки, это наиболее справедливая и оптимальная форма судопроизводства.

Не стоит забывать не только об общественно-политической цели публикаций воспоминаний присяжных заседателей, но и о цели вполне прагматичной. Поскольку произведения, касавшиеся суда присяжных,



в 1870–1890-х гг. были востребованы обществом, их охотно публиковали на страницах журналов и газет, а также в отдельных изданиях в виде брошюр, и авторы мемуаров получали гонорары.

Источник опубликования и авторство документов личного происхождения о суде присяжных

Из десяти известных нам документов личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных девять были опубликованы, а один («Заметки...» В. И. Герье), как отмечалось выше, отложился в виде рукописи. «Дневник» А. В. Никитенко впервые был опубликован в журнале «Русская старина» в 1888–1892 гг., а потом трижды выходил отдельными изданиями в 1893, 1905 и 1955–1956 гг. [13; 15; 16]. Кроме того, в постсоветский период «Дневник» был переиздан [14] без каких-либо изменений по сравнению с последним изданием, поэтому в источниковедческом плане какой-либо ценности не имеет (см. подробнее об этом дневнике как источнике: [3]).

Из оставшихся восьми произведений два были опубликованы отдельными брошюрами. Это сочинение П. П. Егорова «Записки присяжного заседателя: заседание Рязанского окружного суда в Касимове, с 3-го по 15-е июня 1871 г.» [7] и анонимное издание «Заметки присяжного заседателя» [8]. Брошюра П. П. Егорова была напечатана в 1871 г. типографии Дома призрения малолетних бедных в Санкт-Петербурге, специализировавшейся на издании книг популярного характера, интересных широкому кругу читателей. В условиях высокого общественного интереса к суду присяжных нет ничего удивительного, что воспоминания провинциального присяжного были опубликованы в столичном издательстве. Воспоминания анонимного автора вышли в свет в 1884 г. в издательстве «Общественная польза», публиковавшем широкий спектр произведений — от художественной литературы до серьезных научных трудов.

Сочинение Г. А. Джаншиева «Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя)» впервые появилось в качестве приложения в публицистической апологетической работе «Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и “Гражданина”», изданной отдельной брошюрой в 1896 г. [6]. В 1914 г. эти же воспоминания под названием «Из воспоминаний присяжного заседателя» были напечатаны в посмертно вышедшем сборнике статей Г. А. Джаншиева [5].

Оставшиеся произведения были опубликованы в периодических изданиях, а именно: в журналах «Отечественные записки» [18; 19], «Исторический вестник» [11], «Вестник Европы» [9] и газете «Право» [1].

Перейдем к вопросу об установлении авторства мемуарных сочинений присяжных заседателей. В некоторых случаях такой проблемы не существует. Речь идет о ситуациях, когда автор произведения прямо указан при его опубликовании. Правда при этом иногда требуется выяснить минимальные биографические сведения о нем.

Так, авторство «Дневника» принадлежало Александру Васильевичу Никитенко (1805–1877) — известному российскому филологу, специа-



листу в области истории литературы, действительному члену Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности, цензору, профессору Императорского Санкт-Петербургского университета и ряда других учебных заведений [12].

Григорий Аветович Джаншиев (1851–1900) был одним из наиболее известных общественных деятелей, журналистов-юристов и публицистов пореформенного периода [4], ярчайшим апологетом судебной реформы 1864 г. в целом и суда присяжных в частности. Автором двух произведений, вышедших в 1871 и 1876 г. в «Отечественных записках» [18; 19], являлся Виктор Никитич Никитин (1839–1908) – писатель, историк и публицист, много писавший по судебной и пенитенциарной тематике [17]. Владимир Иванович Герье (1837–1919) – известный историк, профессор всеобщей истории Императорского Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, организатор Московских высших женских курсов [2].

Еще одним присяжным заседателем, прямо указавшим свое имя в оставленных воспоминаниях («Записки присяжного заседателя: Заседание Рязанского окружного суда в Касимове, с 3-го по 15-е июня 1871 г.»), был Петр Прохорович Егоров (1813–1872). Как установлено нами, надворный советник П.П. Егоров на момент написания сочинения служил уездным почтмейстером Касимовского уезда Рязанской губернии [21, с. 80].

Два присяжных заседателя оставили свои воспоминания под псевдонимами, а именно: «И. Иванович» и «Н. Н. О». Однако личности тех, кто скрывался под ними, хорошо известны. «И. Иванович» – это псевдоним писателя-беллетриста Ивана Ивановича Сведенцова (1842–1901) [22], а «Н. Н. О» – псевдоним историка и археографа Николая Николаевича Оглоблина (1852 – после 1919) [10, с. 226].

Авторство двух документов личного происхождения присяжных заседателей нам установить не удалось. Во-первых, речь идет об анонимных «Заметках присяжного заседателя» [8]. Анализ стиля и содержания сочинения приводит нас к выводу, что его писал человек, хорошо знакомый с юридической литературой и правоприменительной практикой того времени. Более того, складывается ощущение, что с научными работами, написанными в подобном стиле, мы встречались ранее. Тем не менее авторство указанного произведения мы установить не можем. Во-вторых, пока неясно, кто скрывается под псевдонимом «Г. С. Н.» [1]. Полагаем, что это реальные инициалы автора. В то же время никто с такими инициалами среди ученых, публицистов, общественных деятелей, активно «занимавшихся» судебной тематикой, нам не известен.

Интересным, на наш взгляд, является вопрос о социальном происхождении авторов воспоминаний о суде присяжных. Если на момент создания произведений все это были люди образованные и социально активные, достигшие определенного положения в обществе, то их происхождение было разным. Из установленных нами семи авторов только двое были дворянами, причем выходцами из местного регионального дворянства: И.И. Сведенцов родился в семье нижегородских дворян, а П.П. Егоров, судя по всему, был представителем рязанского дворянства.



Все остальные происходили из непривилегированных слоев населения: Н. Н. Оглоблин родился в семье киевского протоиерея, Г. А. Джаншиев — в семье проживавших в Тифлисе армянских макалаков (аналога мещанского сословия), В. И. Герье — в немецкой семье незнатного происхождения, А. В. Никитенко — в семье крепостных крестьян, В. Н. Никитин — в еврейской семье, причем в детстве он был отдан в кантонисты в Нижний Новгород и крещен. То, что эти люди достигли определенных высот в обществе, пользовались в нем авторитетом (одним из свидетельств этому является и то, что в составе присяжных заседателей их неоднократно избирали старшинами), стало следствием не только их личной активности, но и Великих реформ Александра II, в ходе которых существенно трансформировалось социальное устройство и заработали новые «социальные лифты».

Информативность документов личного происхождения о суде присяжных

Хотя мы и оговаривали во введении, что основные усилия сконцентрируем на внешней критике источника, тем не менее обзорно коснемся вопроса об информативности документов личного происхождения о суде присяжных.

Когнитивная ценность анализируемых документов заключается в том, что это *единственный* источник, позволяющий получить информацию о том, что происходило внутри совещательной комнаты, куда удалялись присяжные заседатели для обсуждения и вынесения вердикта. Никто, кроме самих присяжных заседателей, не владел и не мог владеть информацией о том, что происходило в совещательной комнате. Статья 677 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [23] прямо устанавливала тайну совещания присяжных заседателей. За ее разглашение предполагалось денежное взыскание в размере от десяти до ста рублей. Гарантировалась тайна совещания присяжных и тем, что в соответствии со статьей 806 того же Устава во время обсуждения вердикта совещательная комната охранялась стражей. Вход туда когонибудь, включая судей, прокуроров и адвокатов, был воспрещен, а сами присяжные заседатели без разрешения председателя суда не могли выйти из нее никуда, кроме как в зал судебного заседания.

Несомненно, личность автора, его социальный статус, род деятельности, общественно-политическая позиция и другие факторы прямо влияли на подачу материала о заседаниях суда с участием присяжных заседателей. Вполне естественно, что в документах личного происхождения не только изложены факты, но и дана их авторская интерпретация. В ряде случаев она была ангажированной. Во всех мемуарных произведениях явно прослеживается симпатия авторов к суду присяжных: от скромного признания его целесообразности до яркой апологетики, спора с противниками этого института и утверждения, что суд присяжных — самая справедливая, гуманная и оптимальная для Российской империи форма судопроизводства. Не стоит забывать, что вос-



поминания присяжных заседателей (наиболее яркий пример – «Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя)» Г. А. Джаншиева) были одним из аргументов в полемике сторонников и противников суда присяжных в России.

Обратим внимание и на то, что двое авторов – В.Н. Никитин и И.И. Сведенцов – были профессиональными писателями. Это заставляет задуматься над тем, насколько точно они излагали факты, не искажали ли их в силу своего писательского мировосприятия, присутствовал ли, хотя бы отчасти, в их сочинениях присущий писателям литературный вымысел, не корректировалось ли содержание в силу требований формы, не были ли выдуманы или литературно обработаны приведенные в тексте диалоги.

Знакомство с художественным творчеством В.Н. Никитина и И.И. Сведенцова приводит нас к выводу, что стилистически их художественные произведения практически не отличаются от мемуарных. Отсюда и доверия к фактической стороне их мемуарных произведений у нас несколько меньше, чем в случае воспоминаний других присяжных заседателей.

Более объективны в силу специфики жанра дневниковые записи. Причем у А.В. Никитенко просто излагаются факты (относительно участия в суде присяжных), а у В.И. Герье имеются некоторые, хотя и достаточно сухие, комментарии.

Наконец поставим вопрос, насколько дошедшие до нас документы личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных репрезентативны, насколько отражают картину по всей России в целом. Данная проблема требует специального изучения. Пока лишь отметим, что нам удалось установить, что девять из десяти документов личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных касаются событий, произошедших в столичных окружных судах (Санкт-Петербургском или Московском). Только воспоминания П.П. Егорова касаются деятельности суда присяжных в провинции – в уездном городе Касимове Рязанской губернии. Также в воспоминаниях анонима «Заметки присяжного заседателя» есть сведения о том, что автор в какой-то момент был присяжным заседателем «в маленьком уездном городе» [8, с. 3], однако основная часть произведения посвящена его «присяжничеству» в столице (правда, не совсем понятно, в Москве или Санкт-Петербурге) [8, с. 4].

Таким образом, доступные нам воспоминания присяжных заседателей о суде присяжных в своей массе характеризуют функционирование этого института в столицах и мало отражают его специфику в провинциальной России.

Заключение

Завершая работу, отметим, что известные нам десять документов личного происхождения присяжных заседателей Российской империи представляют собой интересный и весьма ценный комплекс историче-



ских источников, в котором содержится уникальная информация о том, что и как происходило в совещательной комнате при обсуждении вердиктов присяжными заседателями. Такого рода информация в силу специфики законодательства изучаемого периода не могла содержаться более ни в каких других источниках. Однако подходить к анализу содержания документов личного происхождения присяжных заседателей о суде присяжных нужно только с учетом их авторства, цели создания и репрезентативности.

Список литературы

1. Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. №34. С. 1599–1605.
2. Герье (Владимир Иванович) // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1893. Т. 16 : Германия – Го. С. 574.
3. Демичев А.А. «Дневник» А. В. Никитенко как источник изучения суда присяжных в пореформенной России // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. №2 (71). С. 18–24. doi: 10.37724/RSU.2021.71.2.002.
4. Джанишев (Григорий Аветович) // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1893. Т. 20 : Десмургия – Домициан. С. 524.
5. Джанишев Г.А. Из воспоминаний присяжного заседателя // Джанишев Г.А. Сборник статей. М., 1914. С. 439–454.
6. Джанишев Г.А. Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя) // Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина»). 2-е изд., доп. М., 1896. С. 151–179.
7. Егоров П.П. Записки присяжного заседателя: заседание Рязанского окружного суда в Касимове, с 3-го по 15-е июня 1871 г. СПб., 1871.
8. Заметки присяжного заседателя. СПб., 1884.
9. Иванович И. В зале суда и в совещательной комнате. Из воспоминаний присяжного заседателя // Вестник Европы. 1891. Кн. 12. С. 577–603.
10. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1957. Т. 2.
11. Н.Н.О. Из заметок присяжного заседателя // Исторический вестник. 1898. Т. 74, №10. С. 185–210 ; №11. С. 639–663.
12. Никитенко, Александр Васильевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11 : Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 296–305.
13. Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. / подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 1 : 1826–1857 ; М., 1955. Т. 2 : 1858–1865 ; М., 1956. Т. 3 : 1866–1877.
14. Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. М., 2004.
15. Никитенко А.В. Записки и дневник (1826–1877) : в 3 т. СПб., 1893.
16. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.) / под ред., с примеч. [и предисл.] М.К. Лемке. 2-е изд., испр. и доп. по рукоп., с алф. указ. : в 2 т. СПб., 1905. Т. 1 : [Записки. 1804–1824 гг. ; Дневник. 1826–1860 гг.] ; Т. 2 : [Дневник. 1861–1877 гг.].
17. Никитин (Виктор Никитич) // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1897. Т. 41 : Нибелунги – Нэффцер. С. 79.



18. Никитин В. Петербургский суд присяжных (Наблюдения и воспоминания присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. Май. С. 201 – 224 ; июнь. С. 367 – 402.

19. Никитин В.Н. Суд присяжных в Петербурге (Заметки присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1876. Т. 227, №8. С. 279 – 320.

20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 70 (В.И. Герье). П. 33. Ед. хр. 59. («Заметки о судебных заседаниях, в которых он присутствовал в качестве присяжного».)

21. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868.

22. Сведенцов (Иван Иванович) // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1907. Доп. Т. 4 : Пруссия – Фома. С. 603.

23. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2. №41476.

Об авторе

Алексей Андреевич Демичев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, проф., Научный центр Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия; Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: aadem@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

A. A. Demichev

DOCUMENTS OF PERSONAL ORIGIN OF RUSSIAN JURORS OF THE 1860s – 1890s AS A HISTORICAL SOURCE

Scientific center of Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia
Received 4 November 2022
Accepted 15 February 2023
doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-5

To cite this article: Demichev A. A. 2023, Documents of personal origin of Russian jurors of the 1860s – 1890s as a historical source, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 53 – 62. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-5.

The article studies the private documents of jurors of the Russian Empire such as diaries and memoirs and analyses them as a complex of historical sources containing unique information about the course of the trial and the work of the jury. The pool of documents included two diaries and eight memoirs. The author evaluated the authorship, purpose, place of creation of these documents as well as their content and cognitive value. It is noted that the memoirs under the study share the features which are characteristic of most memoirs of the second half of the 19th – early 20th centuries: they were originally aimed at publication and intended primarily for contemporaries; the time gap between the original events and the



"memories" of them was relatively short (from several months to several years). The selected documents are primarily the ones belonging to jurors who participated in the metropolitan district courts trials. This fact narrows our understanding of the work of jury in the Russian Empire in the 19th century down to metropolitan provinces.

Keywords: historical source, documents of personal origin, diaries, memoirs, jury trial, jurors

The author

Prof Aleksey A. Demichev, Scientific center of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: aadem@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

И. А. Гудков

**ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1920-х ГОДОВ: ЭКСПОРТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
И МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Поступила в редакцию 15.12.2022 г.

Принята к публикации 15.02.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-6

63

Для цитирования: *Гудков И. А.* Владивостокский торговый порт в первой половине 1920-х годов: экспортная конкуренция и межведомственные противоречия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 63–76. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-6.

Статья посвящена проблеме развития Владивостокского торгового порта в начале 1920-х гг. Первая четверть XX в. стала временем тяжелых испытаний для всей России в целом и Дальнего Востока в частности – Первая мировая война, Гражданская война, иностранная интервенция. Все это время Владивостокская гавань, по сути, была единственным источником внешних контактов отдаленного региона. Будучи крупнейшим российским портом на Тихом океане, Владивосток исторически являлся своеобразным центром притяжения как в социально-экономическом, так и в военно-политическом аспекте. Однако разрушенные логистические цепочки и колоссальный ущерб, который принесла с собой эпоха политической нестабильности, лишили его первенства в борьбе за рынки Тихоокеанского побережья. В основу данной публикации легли архивные документы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Автор ставит задачу продемонстрировать ключевые мероприятия центральных и местных властей, направленные на возвращение конкурентоспособности Владивостокского торгового порта в «маньчжурском транзите» – его своеобразной «визитной карточке» еще с начала столетия. Сделан вывод о том, что, несмотря на кардинальную смену вектора политического и экономического развития страны после 1917 г., порт Владивостока сумел сохранить за собой статус российского «окна в Азию». Ключевым средством осуществления этих планов становилось учреждение в порту Транзитной части, ставшей логическим результатом обобщения и применения колоссального дореволюционного опыта в вопросе функционирования «свободных экономических зон».

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортная система, Владивостокский порт, транзитный экспорт, вольная гавань, транзитная часть

После завершения Гражданской войны и освобождения Дальнего Востока от иностранной интервенции первостепенной задачей властей стало восстановление экономики региона. Историческая отдаленность тихоокеанских рубежей от центра страны, усугубленная разрывом едва



ли налаженных в предыдущем десятилетии логистических и производственных цепочек, как никогда ранее становилась реальной угрозой для выживания населения.

Пока молодая советская власть была занята проблемами в центре и на западных окраинах, вопрос о включении Дальнего Востока в единое экономическое пространство откладывался на неопределенный срок. В этой связи местной администрации единственно возможным методом восстановления народного хозяйства виделось возвращение прежних экономических связей и встраивание региона в «Азиатско-Тихоокеанскую» экономику. В этом, вопреки коренным политическим и социально-экономическим различиям систем, политика досоветской и советской властей на Дальнем Востоке была идентична: и та, и другая стремилась использовать дальневосточные порты как «точки» экономического роста. В первую очередь это касается Владивостока — главного российского порта на Тихом океане.

Несмотря на колоссальную значимость Владивостокской гавани в экономической жизни всей Тихоокеанской России, история ее развития слабо отражена в современной историографии. Большая часть публикаций посвящена деятельности порта в периоды войн — Первой мировой, когда он превратился в главный ввозной порт России [3; 4], и Великой Отечественной, когда порт стал дальневосточными воротами ленд-лиза [8; 22], а также экономическим проблемам, так или иначе связанным с портом как частью транспортной системы Дальнего Востока [2; 14; 24]. Вопросы развития портовой инфраструктуры и моделей его управления в различные периоды по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей.

Проблемой функционирования Владивостокского торгового порта в первой половине 1920-х гг. автор занялся в силу научных интересов, связанных с изучением истории транспортной инфраструктуры региона. В статье предпринимается попытка продемонстрировать на основе анализа работы портового хозяйства Владивостока особенности осуществления политики по укреплению его роли как центра торговли и мореплавания на Тихом океане в сложных условиях восстановления экономики первых лет советской власти, а также выявить трудности на пути к реализации этих замыслов.

Исторически большое значение для деятельности Владивостокского торгового порта имели транзитные перевозки. До событий 1917—1922 гг. Владивосток играл одну из ключевых ролей в так называемом «североманьчжурском транзите»¹. В период Первой мировой и Гражданской войн его роль в этом виде грузоперевозок значительно сократилась: он стал портом ввозным, через который следовали в Россию грузы, предназначенные главным образом для военных нужд. Тогда на первый

¹ Североманьчжурский транзит — внутрипортовая грузопереработка сельскохозяйственной продукции Северо-Восточного Китая и Монголии (соевые бобы, жмыхи, растительное масло) с целью дальнейшей отправки морем или железной дорогой на внешние рынки и в обратном направлении (бытовые товары промышленного производства).



план вышел давно конкурировавший с Владивостоком порт Дайрена (Далянь / Дальний) — его работа в этом направлении активно поддерживалась кредитами японских банков, льготами по портовым расходам, облегченным процессом оформления документов [16, с. 83]. Так, в 1913 г. через Владивосток прошло 21 703 тыс. пудов транзитных маньчжурских грузов, а через Дайрен — 739 тыс. пудов (3,4%), однако уже в 1920 г. Владивосток переработал всего лишь 6,5 тыс. пудов [25, с. 126].

Помимо объективных политических факторов, порт Дайрена имел определенные технико-экономические преимущества:

...он хорошо оборудован перевалочными приспособлениями, обладает большим капиталом, имеет приспособления для переработки продуктов вывоза (соевых бобов), что дает ему возможность не только экспортировать подвозимое сырье, но и самостоятельно его закупать, перерабатывать и рассылать на рынки всего мира или помогать своими капиталами таким оборотам, а также помогает снизить все расходы по перевозкам до возможного минимума. У Владивостока имелось лишь одно объективное преимущество — большая, чем у Дайрена, близость к центру всех маньчжурских отправок² — Харбину, то есть его географическое положение [17, с. 44].

65

Необходимость возвращения Владивостоку пальмы первенства в маньчжурском транзите после завершения на Дальнем Востоке Гражданской войны и постепенного налаживания мирной жизни не вызвала сомнений у местного руководства и представителей торгово-промышленного класса советского Приморья и полностью вписывалась в концепцию так называемой «Тихоокеанской экономики» [1; 10], которую пытались продвигать первые советские руководители.

Для успешного соперничества с Дайреном за североманьчжурский транзит уже с конца 1922 г. велась разработка всевозможных мероприятий. Повесткой на многочисленных совещаниях, инициированных представителями Уссурийской железной дороги и Владивостокского торгового порта с местными предпринимателями и властными структурами, стало изучение реальных потребностей экспортеров и возможностей устранения недостатков в организации транспорта.

Одной из первых мер стало открытие во Владивостоке товарной биржи, работа которой была направлена на развитие как местного приморского товарообмена, так и маньчжурского транзита — после учреждения на ее базе специальной экспортной секции, в задачи которой входило изучение и прогнозирование развития экспортных отношений тихоокеанского бассейна [11, с. 34].

Вместе с тем большинство первоначальных усилий по совершенствованию деятельности Владивостокского торгового порта было направлено исключительно на сухопутную составляющую и, в большин-

² Расстояние от Харбина до Владивостока на 147 верст меньше, чем до Дайрена. Перевозка груза до Дайрена занимала около 80 часов, включая 12-часовую остановку в Кауньченцзах или Чаньчуне. Нормальный же пробег груза от Харбина до Владивостока в 1921 г. составлял до 60—64 часов, включая 12-часовую остановку на ст. Пограничной [15, с. 36—37].



стве случаев, сопряжено с затратами денежных средств на техническое оборудование. При этом морская сторона грузоперевозок не привлекала к себе особого внимания – вероятно, из-за того, что в подавляющем большинстве суда, занятые экспортно-импортными перевозками, были судами иностранного происхождения. Учитывая, что вопрос о предпочтении одного из двух конкурирующих портов Владивостока и Дайрена решался по суммированию всех расходов экспортера от станции погрузки соевых бобов до порта их назначения, отсутствие необходимого объема «отечественного» тоннажа приводило к тому, что Владивосток терял все свои вышеописанные преимущества.

Характерно, что показатели грузооборота Владивостокского торгового порта с начала 1920-х гг. указывают на его экспортный характер с постоянно растущим расхождением между ввозом и вывозом (табл.).

**Грузооборот Владивостокского торгового порта
по заграничному плаванию, тыс. пуд.**

Год	Импорт	Экспорт	Общий грузооборот	В том числе маньчжурский транзитный экспорт
1913	58377	31340	89717	22589
1918	12849	16110	28960	2368
1922	3877	36175	40053	32389

Составлено по: [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 1; 25, с. 125].

Данные в таблице демонстрируют метаморфозы грузооборота порта в течение 1913–1922 гг., когда из преимущественно импортного он превратился в экспортный.

Быстрый рост маньчжурского транзита в указанный период объясняется закономерным возвращением его естественных величин после искусственного отклонения грузопотока на южное Дайренское направление в 1917–1922 гг. Так, уже к 1922 г. маньчжурский экспорт составлял 88 % всего экспорта и 71 % от общего грузооборота порта [5, с. 155].

Явный перекося грузооборота в сторону экспорта порождал негативные тенденции. Во-первых, это значительная перегрузка частей порта, специализировавшихся на его переработке, при одновременном простое остальных; во-вторых, одностороннее направление движения морского транспорта приводило к заведомо невыгодному положению, вызывавшему удорожание фрахтовки судов, а также трудности в создании постоянных пароходных линий, что естественным образом блокировало возникновение новых рынков сбыта и развитие транзитных операций. До тех пор, пока во Владивосток приходили пароходы без загруженного тоннажа³, морские тарифы Дайрена были для перевозчиков куда более выгодными.

³ По данным на 1925 г., из общего числа прибывавших во Владивостокский торговый порт судов 57 % приходило без груза и 12,5 % уходило без груза [18, с. 104].



Так, сравнение Владивостока с Дайреном показывает, что в последнем возникали новые направления для экспорта — Нидерландская Индия и Америка, тогда как во Владивостоке сохранялись лишь издавна установившиеся европейское и японское направления [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 1об—2об.]. В значительной степени это явление объясняется именно тем, что отправки через Владивосток были возможны лишь для крупных экспортеров, фрахтовавших целые пароходы независимо от того, существовала ли постоянная пароходная линия для данного направления. Более того, осложняло ситуацию, несмотря на наличие ряда благоприятных условий на владивостокском направлении, то, что маньчжурский транзитный импорт (в отличие от экспорта) появлялся в порту лишь случайно, а не систематически.

Виной всему была излишняя бюрократизация: импортные транзитные операции во Владивостокском порту были обременены постоянно менявшимися различного рода правилами, исполнение которых требовало практически постоянного присутствия представителя импортера. Даже облегчение таможенных формальностей и увеличение сроков хранения грузов, введенные на заре советской власти, не могли улучшить ситуацию. Требовалось кардинальное решение — предоставление импортеру прав распоряжаться своими грузами, что по своей сути было равносильным полной отмене таможенных формальностей.

Грузы импорта (в основном продукты обрабатывающей промышленности, направлявшиеся из Европы, Америки и Японии) имели достаточно высокую ценность и большую продолжительность грузопереработки, поэтому порядок их пропуска через порт должен был носить устойчивый характер, дававший импортерам отдаленных пунктов отправления уверенность в том, что итоговые расходы на перевозку не будут изменены различными нововведениями в тарифно-таможенной политике.

Ведущие экономисты того времени видели решение подобных проблем и перспективу завоевания рынка Северной Маньчжурии в учреждении во Владивостоке вольной гавани для представления грузовладельцам максимума удобств путем установления гарантий устойчивости требований, устранения неудобных издержек, а также приближения условий общего характера работ Владивостокского порта к дайренским — установление на товарной бирже стандарта для хлебных и лесных грузов, для льняного семени, привлечение иностранных капиталов к финансированию экспортных и других предприятий, установление тесного контакта с Китайской восточной железной дорогой и финансовыми кругами крупнейших центров Маньчжурии и т. п. [12, с. 51].

Подобные идеи были отнюдь не беспочвенными. В течение без малого полувека Владивосток развивался в режиме порто-франко, а после его полной отмены в 1909 г. идея возвращения беспощинной торговли в интересах развития региона на протяжении нескольких десятилетий в той или иной форме присутствовала в управленческом дискурсе советской власти.

Съезд начальников морских торговых портов в феврале 1923 г., на котором был рассмотрен целый ряд насущных вопросов возрождения

портового хозяйства и будущего его отдельных отраслей, признал целесообразным и своевременным учреждение вольных гаваней (в форме мощных объединенных баз для внешней торговли) в наиболее приспособленных портах Советского Союза [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 8]. Ожидались следующие результаты: сокращение до минимума стеснений и накладных расходов, выпадавших на морское судоходство и торговлю; приближение рынка для торговых сделок непосредственно к хозяйственной периферии; создание в портах экстерриториальной базы для приема, хранения, торговых и промышленных манипуляций с привозимыми товарами до отправки их во внутрь страны или для реэкспорта и снижения стоимости импортируемых товаров.

На Дальнем Востоке в качестве такой гавани был рекомендован порт Владивостока, а наиболее жизнеспособной формой ее организации с точки зрения развития транзитных операций считалось выделение в порту района для вольных завозных складов (эта идея фигурировала и в ранее обсуждавшихся проектах).

Технически Владивосток был подготовлен к учреждению в нем вольной гавани — начиная от входа в порт на северном берегу бухты Золотой рог вдоль обрывистого берега расположена естественно ограниченная рельефом искусственно образованная территория, имевшая на 1924 г. 5 глубоководных (28 футовых) причалов, 1200 кв. саженей пакгаузов (складов) вблизи набережных и 2800 кв. саженей в некотором отдалении; для нее были характерны хорошо оборудованные железнодорожные пути и дороги [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 6 об.] (рис.).

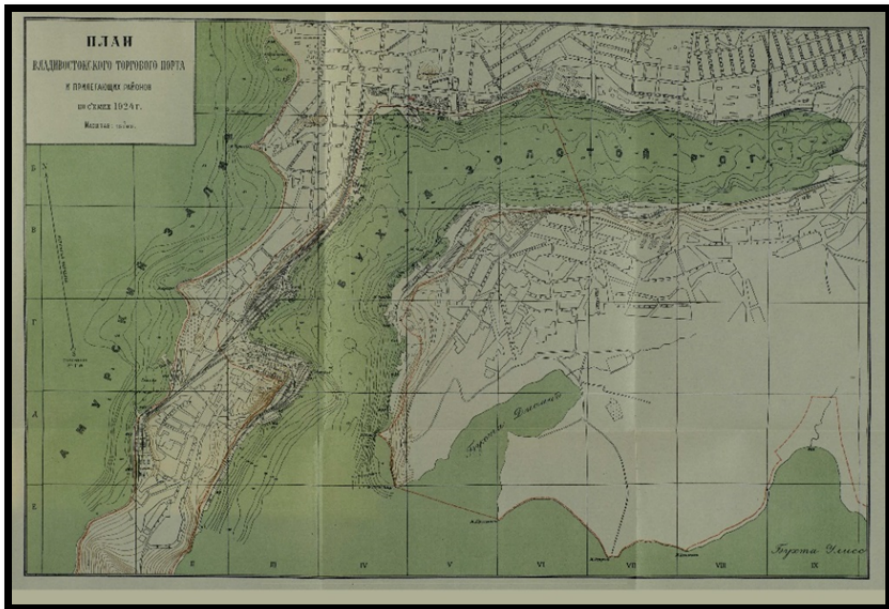


Рис. План Владивостокского торгового порта и прилегающих районов по съемке 1924 г. [26, с. 57]



Заметим, что возможность создания «вольной гавани» для развития, а по сути реанимирования, Владивостока как международного порта серьезно рассматривалась и в центре. В апреле 1924 г., обращаясь к наркому внешней торговли Л.Б. Красину, возглавлявший Наркомат путей сообщения Я.Э. Рудзутак приводил ряд веских доводов в пользу устройства во Владивостоке вольной гавани: «Ввиду отсутствия во Владивостоке собственной промышленности и оторванности от сельского хозяйства представляется целесообразным направить все усилия в сторону развития посреднических операций, и, следовательно, на облегчение и улучшение обслуживания транспортно-транзитных нужд иностранцев, пользующихся Владивостокским портом, компенсируя себя оплатой ими транспортных услуг» [19, ф. Р-2422, оп. 1, д. 767, л. 25]. Однако эта идея рассматривалась исключительно как перспективная. Пока же Наркомат путей сообщения в лице своего руководителя считал возможным ограничиться созданием во Владивостоке варрантно-транзитных складов, уже оправдавших себя в других государствах. Именно в таком ключе Таможенно-тарифным комитетом совместно с секцией внешней торговли Госплана осенью 1924 г. был подготовлен проект открытия во Владивостоке «транзитных складов», куда товары могли бы поступать без «лицензионных и таможенных формальностей». Это, по мнению авторов проекта, должно было обеспечить транзитный экспорт и транзитный импорт через Владивосток [20, л. 44].

Важной вехой в развитии Владивостокского торгового порта стало принятие постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 29 сентября 1924 г. о выделении из общей сухопутной и водной площади порта так называемой Транзитной части [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 9].

Открытие Транзитной части было намечено на первую половину 1925 г., в связи с чем в течении короткого времени Приморским губернским исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был разработан проект постановления «О порядке пользования транзитной частью Владивостокского торгового порта», утвержденный Дальневосточным революционным комитетом (ДРК) 13 января 1925 г., а уже в первых днях февраля было организовано ее Управление [Там же, л. 14, 30].

Согласно постановлению, Транзитная часть Владивостокского торгового порта представляла собой изолированный и охраняемый район от 2-го до 18-го причалов (юго-восточная часть мыса Эгершельд) со всеми находившимися в нем набережными и складами, железнодорожными путями и другими сооружениями береговой полосы [Там же, л. 30].

Суда, прибывавшие для погрузки или разгрузки транзитных грузов, а также сами грузовые операции на складах в пределах района не должны были подвергаться таможенному досмотру. Для экспортеров устанавливался годичный срок хранения грузов на складах транзитной части; предоставлялось право переупаковки, сортировки, перекладки товаров, выборки образцов, а также принятия различных мер к сохранению грузов от порчи. Тарифный сбор за хранение грузов на складах Транзитной части взимался в пониженном (в три раза) размере. К про-



пуску допускались все виды товаров, за исключением оружия, боеприпасов, а также наркотических веществ — опия, морфия и их препаратов [6, с. 101].

Несмотря на то что Транзитная часть была организована в форме вольных завозных складов, предусматривалась возможность (по согласованию с Народным комиссариатом внешней торговли) изменения первоначального назначения поступивших в порт транзитных грузов и направления их на внутреннее потребление или фабричную переработку — однако тогда они на общем основании подвергались таможенным процедурам [15, с. 55].

70

Третьего апреля 1925 г. ДРК утвердил Временное положение об управлении Транзитной части Владивостокского торгового порта. Во главе Управления Транзитной части становился начальник (Ф.И. Дриго), назначавшийся непосредственно Народным комиссариатом путей сообщения по согласованию с ДРК, при котором состояло особое Совещение из представителей торгового порта и Уссурийской железной дороги [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 14, 71].

Важно отметить, что, несмотря на полное единодушие местных властей по вопросу необходимости создания Транзитной части во Владивостокском порту, вопрос о форме ее организации был предметом ожесточенных дискуссий. В частности, Дальневосточная краевая рабоче-крестьянская инспекция (ДВК РКИ) отмечала нецелесообразность создания отдельного управления Транзитной части как возможного источника будущих противоречий и дублирования полномочий [7, л. 21]. Аналогичной позиции придерживалось и Управление Владивостокского торгового порта, достаточно часто обращавшее внимание на неопределенность в разграничении пользования собственностью и строениями на территории Транзитной части, а также на коллизии в регламентации строительных работ на портовой территории [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 118].

Поистине «ахиллесовой пятой» Транзитной части была структура организации ее управления. Вышеупомянутое Временное положение об управлении Транзитной части Владивостокского торгового порта возлагало на начальника полномочия по установлению внутреннего распорядка, использованию сооружений и складов, приему и расстановке судов, регистрации и охране грузов. По существу, все эти обязанности ранее выполнялись Управлением порта или Коммерческим агентством Уссурийской железной дороги, то есть положение о Транзитной части не вводило практически никаких новых функций, необходимых для создания отдельного управления. Даже вызываемые новым порядком пропуска транзитных грузов изменения по большому счету относились к кругу ведения Владивостокской таможни и частей пограничной охраны [Там же, л. 113–114].

При этом устанавливалась противоречивая иерархия между Управлением Транзитной части и Управлением Владивостокского торгового порта — так, начальник Транзитной части, согласно Временному положению, был заместителем начальника Владивостокского торгового



порта (но лишь на территории Транзитной части). Подобная структура вызывала путаницу в распределении полномочий и текущей работе как порта в целом, так и Транзитной части в частности. Обращая внимание Центрального управления морского транспорта на эту искусственно созданную ситуацию, начальник Владивостокского торгового порта М.П. Владимиров подчеркивал, что предоставление начальнику Транзитной части полномочий заместителя начальника порта (пусть лишь в пределах Транзитной части) нарушает постановление Совета труда и обороны (СТО) «Об управлении морскими торговыми портами Республики» от 27 апреля 1921 г., поскольку:

Предоставляя начальнику Транзитной части права «заместителя» начальника Владивостокского торгового порта, каковым по закону является Помощник Начальника порта по технической части, временное положение, вопреки постановлениям СТО «Об Управлении Морскими торговыми портами Республики» от 27 апреля 1921 г., ограничивает Начальника Владивостокского Торгпорта в его правах по отношению к части территории, отведенной для транзитных операций и входящей в границы Владивостокского торгового порта и в то же время не слагает с него обязанностей предусмотренных ст. 6 «положения об управлении портами»... не устанавливая какой-либо соподчиненной связи между начальником Торгпорта и начальником Транзитной части и не давая прав контроля первому, временное положение тем самым ставит наравне с Начпортом, ответственным за всю совокупность работ порта, равно — властного ему «Заместителя», распоряжения которого к тому же в некоторых случаях являются для Начпорта обязательными [Там же, л. 78–79].

Межведомственные противоречия, связанные с организацией Транзитной части и подготовкой к началу ее функционирования, значительно сдвигали сроки начала ее эксплуатации.

В отчетах за февраль 1925 г. ДВК РКИ, проводившей разбирательство по вопросу задержек в организации работы Транзитной части, отмечалось, в частности, что, несмотря на официальное опубликование информации об организации Управления Транзитной части в газете «Красное знамя» от 22 февраля 1925 г. [13, с. 5], и ее открытия 1 февраля того же года, вопрос о согласовании разграничения территории так и не был решен с Управлением Владивостокского порта [7, л. 3–4].

Вышеназванные вопросы нормативного и технического характера порождали проблему своевременного и доступного опубликования точных сведений о месте и времени открытия Транзитной части и правил транзитных перевозок для заинтересованных импортеров, что безусловно ударяло по имиджу Владивостокского порта в целом.

Окончательное открытие Транзитной части было запланировано приурочить к празднику 1 мая 1925 г. Тогда же оно и состоялось, несмотря на то что не все работы по ограждению района к этому времени были закончены [19, ф. Р-114, оп. 1, д. 18, л. 169].

Вопреки всем организационным трудностям и противоречиям, с самого начала своего функционирования Транзитная часть оказала значительное влияние на общие показатели грузооборота порта. В этот



период основное значение для него окончательно приобрели операции по транзиту грузов из Северной Маньчжурии за границу и обратно. Так, если в 1922 г. импорт из Маньчжурии во Владивосток составил 144 тыс. пуд., в 1924 г. — 420 тыс., а в 1925—1926 гг. — уже 3218 тыс. пуд. (превзойдя показатель 1913 г. — 3150 тыс. пуд.). Маньчжурский экспорт через Владивосток уже значительно превышал довоенные показатели: 1922 г. — 32575 тыс. пуд., 1924 г. — 45482 тыс. пуд., 1926 г. — 44364 тыс. пуд., тогда как в 1913 г. он составлял всего 22589 тыс. пуд. Таким образом, что за первый год существования Транзитной части импорт в Северную Маньчжурию возрос более чем в три раза по сравнению с 1924 г., а за 10 месяцев 1926 г. — более чем в семь раз [26, с. 55]. Общий нарастающий итог по операциям транзита с 1913 по 1926 г. составил 346,8 % (378 % — экспорт и 122,8 % — импорт) [9, с. 250].

Для того чтобы Владивосток не оставался исключительно передаточным пунктом транзитных грузов, на местном уровне было принято решение о создании собственного хлебного рынка. С этой целью была организована «Эгершельдская Транзитная хлебная биржа» — акционерное общество, наиболее крупными учредителями и пайщиками которого выступили государственные предприятия — Уссурийская железная дорога, Дальгосторг и Дальбанк. К котировке на бирже принимались соевые бобы, жмыхи, масло, а также гаолян, пшеница, мука, просо, другие хлебные продукты и сопутствующие товары (например, тара). Процедура сделок для привлечения внимания иностранных предпринимателей была чрезвычайно упрощенной [16, с. 85]. Образцом для нее стал опыт Фуцзянской биржи в Харбине с сетью комиссионерских контор в местах заготовки экспортного зерна. Главной ее задачей виделось регулирование цен хлебных экспортных грузов, выявление выгод и удобств перевозки транзитных грузов через Владивостокский порт, то есть создание условий наибольшего благоприятствования для китайских торговцев зерном и бобами [23, с. 28—29].

Учитывая, что транзитный товароборот по сути являлся товарооборотом иностранных рынков и не должен был подвергаться налогообложению для внутрисоветского товарооборота, большим вкладом в совершенствование транзитных операций во Владивостоке стало постановление СНК СССР 11 марта 1926 г. «О льготах по промысловому налогу для предприятий, производящих импортные и экспортные операции через Транзитную часть Владивостокского торгового порта» [26, с. 56—58]. Его принятие позволило в значительной степени облегчить и удешевить транзитные грузоперевозки и, в некоторой мере, обособить их от директивного вмешательства советских внешнеторговых структур.

Введение столь значительных льгот для экспортеров имело ключевое значение в реализации замысла по созданию во Владивостоке вольной гавани. Как отмечалось выше, до 1925 г. существовало множество препятствий как экономического, так и административного характера для разворачивания массового транзита на Владивосток. Однако благо-



даря освобождению экспортеров и импортеров, работавших через Транзитную часть, от налогов, уравнительного и гербового сборов открытие Транзитной хлебной биржи (не только освобождавшей экспортеров от множества операций по импортно-экспортным делам, но и гарантировавшей исправное выполнение заключенных на бирже сделок и дававшей полную уверенность, что товары будут доставлены по назначению и вовремя) создавало во Владивостоке крайне благоприятный климат для привлечения грузоотправителей.

За четыре полных года работы Транзитной части Владивостокского торгового порта (1924/25–1927/28) его грузооборот увеличился в два раза — с 1,2 до 2,4 млн т. Ведущее место в нем занимали именно маньчжурские транзитные грузы, за счет которых и произошло основное увеличение этого показателя (94,8 % грузооборота приходилось на экспорт и «маньчжурский транзит») — 0,8 и 1,6 млн т соответственно [9, с. 249–250].

Постепенно решались и многие технические проблемы Транзитной части Владивостокского торгового порта. К 1928/29 хозяйственному году она располагала 16 причалами. Общая площадь пакгаузов составляла 95 тыс. м². Были выстроены соле- и нефтебазы; сооружены 6 утепленных цилиндрических баков для бобового масла вместимостью 8 тыс. т, обеспечена механическая подача масла на пароходы. Погрузку соевых бобов и жмыхов обеспечивали 6 электрических конвейеров [21, с. 492–493].

Таким образом, первые итоги деятельности Транзитной части Владивостокского торгового порта позволяют сделать вывод о том, что выбор модели функционирования порта с акцентом на развитие экспортно-импортных операций оказался верным. Владивосток не только вернул утерянный за годы потрясений статус важнейшего транспортно-логистического узла региона, но и стал надежной основой для решения самых сложных экономических проблем Дальнего Востока.

Опыт, наработанный региональными управленцами за годы существования во Владивостоке в начале XX в. различного рода «свободных экономических зон», был колоссальным. Как отмечалось ранее, в основу Транзитной части лег крайне удачный дореволюционный опыт «маньчжурского транзита», основанного на сотрудничестве основных субъектов экономической деятельности (железной дороги и порта) при поддержке таможенного ведомства.

Однако, несмотря на схожесть методов решения проблем, наблюдались и кардинальные различия в основе экономических и политических моделей развития России до 1917 г. и после. В начале века проекты, направленные на стимулирование экспортно-импортных операций, выстраивались на основе согласования интересов частного бизнеса и государства. В советское время на смену идее «тихоокеанской экономики» пришла жесткая реальность государственной монополии внешней торговли, что во многом определило печальную судьбу Транзитной части Владивостокского торгового порта.

Ответы на вопросы об особенностях функционирования и трудностях, с которыми столкнулись руководители Транзитной части, а также



о том, насколько живучими оказались элементы либерального регулирования в условиях укреплявшейся административно-командной системы и усложнявшейся международной обстановки, могут быть найдены в ходе дальнейшей разработки проблемы.

Список источников и литературы

1. Баранникова А. О. Интеграция Дальнего Востока в экономическое пространство СССР в 1922–1925 гг. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. №4. С. 11–16.

2. Беляева Н. А. Опыт взаимодействия таможенного ведомства и железной дороги в организации «маньчжурского транзита» // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. №4. С. 34–43.

3. Виноградов П. В. Значение Владивостокского порта в стратегических грузоперевозках в годы Первой мировой войны (на примере обработки железнодорожных грузов) // История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история Русской эмиграции : матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2021. С. 42–47.

4. Виноградов П. В. «...пришлось совершенно неожиданно сделаться единственным открытым для внешней торговли портом Российской империи»: Владивосток в годы Первой мировой войны // Современная научная мысль. 2017. №4. С. 29–37.

5. Владивостокский морской торговый порт: описание порта, экономический обзор и отчетные данные за 1923/24 год. Владивосток, 1925.

6. Внешняя торговля и экспортные возможности Дальневосточного края : сб. ст. М., 1926.

7. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 20.

8. Гудков И. А. Владивостокский морской торговый порт в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. №2. С. 64–73.

9. Дальневосточный край в цифрах : справочник. Хабаровск, 1928.

10. Долгов Л. Н. Идея тихоокеанской экономики в планах развития Дальнего Востока России в 20-е годы // Исторический опыт освоения восточных районов России : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 20–22 сентября 1993 г. Владивосток, 1993. Кн. 3. С. 70–74.

11. Знаменский С. А. Маньчжурский экспорт через Владивосток // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1–2. С. 32–42.

12. Кларк И. С. К вопросу об организации вольной гавани во Владивостоке // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1–2. С. 48–51.

13. Красное знамя. 1925. 22 февр. №44 (1359).

14. Курбенков В. А. Порт как фактор освоения и развития экономической жизни Владивостока и областей России с период с 1862 по 1920 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. №11. С. 37–42.

15. Любимов Н. Н. Экономические проблемы Дальнего Востока: Восточная Китайская железная дорога. М., 1925.

16. Медведева Л. М. Владивостокский порт в 20-е годы XX века // Россия и АТР. 2000. №2. С. 83–88.

17. Никольский Л. Порты и гавани Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. №5. С. 42–51.

18. Никольский Л. Работа Владивостокского торгового Порты // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. №3–4. С. 102–105.



19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
20. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 14. Д. 232.
21. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред. М.К. Азадовского, А.А. Ансона, М.М. Басова [и др.]. М. ; Новосибирск, 1929. Т. 1.
22. Ткачева Г.А. Транспорт Дальнего Востока СССР в обеспечении экономического сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Военно-техническое сотрудничество России: история и современность : матер. работы науч. конф., 25 октября 2012 г. СПб., 2013. С. 184 – 194.
23. Троицкая Н.А. Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №2. С. 22 – 29.
24. Устюгова О.А. Дальний Восток России в системе внешнеторговых связей накануне и во время революций 1917 г. // Россия и АТР. 2017. №3. С. 25 – 35.
25. Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925.
26. Шаблинский П.А. Порт Владивосток // Вестник Маньчжурии. 1926. №11 – 12. С. 55 – 66.

Об авторе

Илья Артурович Гудков – ассист., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2967-4354>

I. A. Gudkov

VLADIVOSTOK COMMERCIAL SEAPORT IN THE FIRST HALF OF THE 1920s: EXPORT COMPETITION AND INTERDEPARTMENTAL CONTRADICTIONS

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Received 15 December 2022

Accepted 15 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-6

To cite this article: Gudkov I.A. 2023, Vladivostok commercial seaport in the first half of the 1920s: export competition and interdepartmental contradictions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 63 – 76. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-6.

The article is devoted to the problem of the development of the Vladivostok commercial port in the early 1920s. The first quarter of the XX century was a time of severe trials for the whole of Russia in general and the Far East in particular: World War I; Civil War; foreign intervention. All this time, the Vladivostok Harbor was in fact the only source of external contacts of the remote region. Being the largest Russian port on the Pacific Ocean, Vladivostok has historically been a kind of center of attraction, both in socio-economic and military-political aspects. However, the destroyed logistics chains and the colossal damage that the era of political instability brought with it deprived him of the primacy in the struggle for the markets of the Pacific Rim. This publication is based on archival documents, many of



which are being introduced into scientific circulation for the first time. The author sets himself the task of demonstrating the key activities of the central and local authorities aimed at restoring the competitiveness of the Vladivostok commercial port in the «Manchurian transit» – its distinctive «Visiting card» since the beginning of the century. The author concludes that despite the cardinal change in the vector of the country's political and economic development after 1917, the port of Vladivostok managed to retain the status of the Russian «Window to Asia». The key means of implementing these plans was the establishment of the so-called «Transit harbor» in the port, which became the logical result of generalization and application of the colossal pre-revolutionary experience in the functioning of «free economic zones».

Keywords: Far East, transport system, Vladivostok port, transit export, free harbor, transit harbor

The author

Ilya A. Gudkov, Assistant Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2967-4354>

УДК 316.65

М. И. Кришталь

**ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ЖИТЕЛЕЙ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

77

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 08.11.2022 г.
Принята к публикации 15.02.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-7

Для цитирования: Кришталь М.И. Поколенческие различия жителей Калининградской области в восприятии региональной истории и историко-культурного наследия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 77–89. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-7.

На современном этапе в условиях геополитической напряженности активно применяются технологии, оказывающие манипулятивное воздействие на историческую память населения. Особенно сильное влияние оказывается на молодежь. Цель статьи состоит в изучении восприятия населением Калининградской области региональной истории и историко-культурного наследия. С опорой на теорию поколений выявлены значительные расхождения в специфике исторической памяти поколенческих групп. Обнаружены различия в степени их интереса к разным периодам истории региона. У младших поколений интерес вызывает преимущественно немецкий период, у старших наряду с ним также советский. Следствием этого становится то, что среди младших поколений (особенно среди поколения Z) пользуется заметно более высокой поддержкой идея восстановления полуразрушенных объектов довоенного наследия и возрождения полностью разрушенного Королевского замка.

Ключевые слова: историческая память, теория поколений, поколение Z, миллениалы, историческое прошлое, региональная история, Калининградская область

Введение

В условиях геополитической нестабильности исследование исторической памяти обрело дополнительную значимость, поскольку фальсификация истории стала активным политико-психологическим инструментом, позволяющим в своих интересах воздействовать на обще-



ственное мнение [21, с. 308]. Столь высокое внимание к исторической памяти в рамках информационного противостояния связано с выполнением ею ряда важных социальных функций. Среди них можно выделить регулятивную (формирует поведенческие ориентиры), оценочную (определяет отношение к историческим событиям) [18, с. 10] и интегрирующую (содействует объединению или дезинтеграции социальных групп) [2, с. 40; 24, с. 5] функции. Таким образом, историческая память является важным фактором, влияющим на многие аспекты социально-политических настроений и социально-политического поведения.

В этой связи возникает необходимость мониторинга исторической памяти жителей России и ее отдельных регионов. Специфика развития Калининградской области и исторического прошлого ее территории создали предпосылки для возникновения у жителей российского эксклава специфических черт исторической памяти. Это связано с тем, что калининградская субкультура, не являясь естественной преемницей немецкой культуры, развивается на территории бывшей Восточной Пруссии и неизбежно вступает тем самым во взаимодействие с сохранившимися элементами ее наследия [1, с. 37–38]. Эта региональная особенность стала почвой для развертывания как внутри Калининградской области, так и за ее пределами дискуссий относительно исторической тематики. В частности, в ряде литовских СМИ спекулируется тема этнографического района «Малая Литва», охватывавшего ранее восточную часть современной Калининградской области [20, с. 49–51]. В то же время в калининградских СМИ время от времени поднимается вопрос о возможном переименовании областного центра [16, с. 85]. Особенностью Калининградской области в сравнении с большинством других российских регионов является и ее нахождение на линии непосредственного соприкосновения с западной цивилизацией. Поэтому в условиях нынешнего геополитического противостояния население эксклава может стать объектом для информационной манипуляции в рамках продолжающихся «войн памяти» и непрекращающихся разговоров о якобы имеющей место «германизации» жителей региона. Под последней понимается распространение среди населения региона германской идентичности и немецкой культуры. В связи с этим целью данного исследования является изучение отношения жителей Калининградской области к региональной истории и историко-культурному наследию региона.

Обзор исследований

Тема исторической политики Калининградской области находится на пересечении двух тесно связанных научных сфер: политической истории, комплексно изучающей проводимую политику памяти, и *memory studies*, исследующих историческую память социальных групп населения. Ученые в рамках первой сферы выявили существенные изменения в проводимой региональными властями политике памяти начиная



с образования Калининградской области в 1946 г. В сталинский период она осуществлялась под лозунгом «изгнания прусского духа» [10, с. 87], поэтому немецкие памятники ассоциировались с «темным» прошлым, от которого необходимо было избавиться [11, с. 62]. Этому «изгнанию» активно способствовал сконструированный миф о Калининградской области как о «древней славянской земле» [6, с. 242], освобожденной спустя столетия советскими войсками. Под влиянием этой политики и тяжелых жизненных условий первые переселенцы, не ощущая исторической связи территории с Россией, не испытывали особого уважения к немецкому историческому наследию. В результате борьба с нацистскими символами переросла в борьбу с памятью о Восточной Пруссии [9], что порой проявлялось в разграблении сохранившихся во время войны исторических объектов [3, с. 97–98]. Наряду с дилеммой о сохранении немецкого историко-культурного наследия в сталинский период возник вопрос о топонимах региона. Руководство РСФСР выступало за русификацию, а литовские политики поддерживали идею возвращения литовских названий на карту бывшей Восточной Пруссии. В итоге одержала верх идея русификации [6, с. 235].

В период Оттепели в научных кругах стал преобладать взгляд на пруссов как на балтское племя, что автоматически разрушало сталинский миф об «освобождении славянской территории» Восточной Пруссии от немцев. В отношении сохранившихся немецких объектов архитектуры наметилась либерализация политики: их стали добавлять в списки памятников, фиксировался образ прогрессивных немцев (в частности, И. Канта, Ф. Шиллера и др.) [6, с. 244]. Немецкие церкви, напротив, подвергались разрушениям в рамках проводимой по всей стране антирелигиозной политики. Изменение политики памяти вновь оказало воздействие на отношение тогдашних жителей региона к его историческому наследию. Общественность Калининградской области, в особенности представители интеллигенции, стала нередко выступать против действий региональных властей, направленных на разрушение досоветских памятников архитектуры [10, с. 85]. Ярким примером такого конфликта стала дискуссия во второй половине 1960-х гг. о руинах Королевского замка [7, с. 184], когда часть общественности высказалась за их сохранение.

В период «застоя» доминирование военных мемориалов сменила коммеморация трудовых достижений калининградцев, практически перестали возводить памятники идеологической направленности [5, с. 49]. На судьбу объектов немецкого наследия в этот период повлиял личностный фактор: благодаря главе Калининградского горисполкома в 1972–1984 гг. В. В. Денисову, благоволившему довоенному наследию, стали прикладываться усилия по реставрации и использованию в культурных целях некоторых старых немецких сооружений [10, с. 86]. В то же время в экскурсионной деятельности в тот период преобладали негативные оценки немецкого прошлого региона [17, с. 79].

Последовавшая в период Перестройки политическая либерализация запустила процесс реабилитации немецкого наследия в СМИ и по-



пулярной литературе. По этой причине произошел рост интереса к довоенному историко-культурному наследию со стороны широких общественных кругов Калининградской области [7, с. 205–207]. Впоследствии, уже в постсоветский период, это стало предпосылкой для восстановления некоторых довоенных памятников архитектуры.

После распада СССР в общественное сознание жителей региона через СМИ активно внедрялся тезис об ужасах Второй мировой войны, которые испытало мирное население Восточной Пруссии. В сфере формирования исторической памяти стали заметно активнее действовать иностранные акторы. В частности, публикации немецких, польских и литовских СМИ, фильмы, а также оригинальная и переводная литература акцентировали внимание жителей региона на социальных аспектах сражений в Восточной Пруссии – страданиях мирного населения, разрушениях и т.д. [12, с. 261–262]. В 2000-е гг. региональными властями проводилась активная политика по продвижению в Калининградской области русской, в частности православной, культуры, что проявлялось не только в строительстве церквей и храмов, но и в передаче исторических зданий в собственность РПЦ [14, с. 38]. Действия по передаче объектов наследия не встретили общественного консенсуса, вызвав протест среди части местного населения¹. Изучая мероприятия, проводимые в рамках политики памяти на современном этапе, можно выделить несколько особенностей. Центральное внимание в ней уделяется сохранению памяти о Великой Отечественной войне², а также о событиях, связанных с «русским присутствием» на территории Восточной Пруссии. В русле этой политики в Калининградской области стали возводить памятники в честь известных российских исторических деятелей, лишь косвенно связанных или вовсе не связанных с историей региона (к примеру, Ф.М. Достоевский, Александр Невский и др.). Порой этот процесс происходил в условиях замещения «чужих» мест памяти. В 2021 г. власти приняли решение переименовать сквер А. Мицкевича в сквер Ф.М. Достоевского, там российскому писателю и был установлен памятник. В 2022 г. в Советске (бывший Тильзит) была демонтирована мемориальная доска литовскому писателю Видунасу. На ее месте предполагается установить доску в честь героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова.

Вторая группа исследований посвящена изучению различий и особенностей исторического сознания различных социальных групп Калининградской области. В рамках него были выделены три типа жителей региона согласно их отношению к его истории и историко-культурному наследию: «прусофилы» (часть интеллигенции и молодежь),

¹ «НГ-Регионы»: Кирхи раздора. В Калининградской области передача РПЦ МП старинных католических и лютеранских церквей обернулась скандалом. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=237&ELEMENT_ID=3042 (дата обращения: 08.11.2022).

² Проекты по сохранению исторической памяти России: итоги 2020. URL: <https://gov39.ru/press/227944/> (дата обращения: 08.11.2022).



«советофилы» (более старшая категория населения, а также прокоммунистически и националистически настроенная молодежь) и часть населения, для которой не свойственна глубокая рефлексия об историческом прошлом региона [4, с. 107].

Некоторые исследователи, опираясь на результаты проведенных фокус-групп, обнаружили, что для восприятия молодежью региона советского периода характерна менее эмоциональная окраска и менее позитивная оценка в сравнении с представителями старших возрастных групп. Также было выявлено, что уровень знаний представителей всех поколений о региональной истории оказался ниже, чем об истории страны. Однако если в случае молодежи это связано с невысоким уровнем преподавания региональной истории в школе, то недостаток знаний старших поколений обусловлен тем, что его представители зачастую являлись уроженцами других регионов [8, с. 16–18].

Анализируя отношение миллениалов и представителей реформенного поколения (об этой классификации см. ниже), проживающих в Калининградской области, к архитектурным объектам региона, исследователи выявили, что построенный в XIV в. и восстановленный из руин в постсоветский период Кафедральный собор является для представителей этих поколений главным архитектурным символом региона. В то же время миллениалы значительно реже удостаивали позитивными оценками объекты советского и современного периода на предмет их выбора в качестве уникального символа региона [14, с. 40].

При этом и в среде молодежи Калининградской области фиксируются существенные различия в отношении к историческому прошлому. В частности, особенности восприятия молодежью Великой Отечественной войны различаются в зависимости от отношения к И. В. Сталину. Молодежь, отрицательно относящаяся к советскому руководителю, чаще делает акцент на трагических событиях войны, воспринимая 9 мая как день скорби о павших, а также как день памяти о том, что пережил народ в военные годы (см. подробнее: [13]).

С учетом существенных изменений в политике памяти начиная с образования Калининградской области в 1946 г., а также различий исторической памяти у представителей разных возрастных групп методологической основой данного исследования была выбрана теория поколений.

Методология исследования

Теория поколений была предложена в 1991 г. Н. Хоувом (*N. Howe*) и В. Штраусом (*W. Strauss*). Они определяют поколение как совокупность людей, рожденных в промежуток времени, составляющий около 20 лет, или одну фазу их жизни [25]. Поколение идентифицируется согласно трем критериям: его представители живут в одну историческую эпоху, придерживаются схожих убеждений и моделей поведения и разделяют



чувство принадлежности к своему поколению. В исследовании используется классификация поколений В. В. Радаева, составленная в соответствии с особенностями исторического развития России [22, с. 18]. С опорой на нее в сентябре 2021 г. Социологическая лаборатория БФУ им. И. Канта провела массовый опрос представителей четырех поколений, проживающих в Калининградской области: поколения застоя (1947–1967 годы рождения), реформенного поколения (1968–1981), миллениалов (1982–2000) и поколения Z (2001 г. и позднее). Поскольку поколение миллениалов неоднородно по множеству социальных признаков, с учетом исследований В. В. Радаева были выделены две возрастные группы. Первая – старшие миллениалы (1982–1990 годы рождения). Их взросление проходило в наиболее благополучный период экономического развития России. Вторая – младшие миллениалы (1991–2000). Их взросление произошло уже во время спада российской экономики, а также в период массового распространения новых цифровых пользовательских сервисов и технологий. В силу этих факторов младших миллениалов также называют миллениалами 3С (от слов «смартфоны», «социальные сети» и «спад экономики») [23, с. 34]. Молодежь сегодня выступает центральным объектом для манипулятивных технологий по вопросам исторической памяти [19, с. 135]. Поэтому акцент в исследовании делался на поколенческих различиях в структуре исторической памяти этой возрастной группы (поколение Z и обе группы миллениалов), а также на их различиях со старшими поколениями (реформенное поколение и поколение застоя). Выборочная совокупность исследования составила 1069 респондентов (доверительная вероятность – около 95 %, доверительный интервал – примерно ± 3 %). Из них мужчины составили 45,4 %, женщины – 54,6 %. Поколенческая структура выборки выглядит следующим образом: поколение Z (16,6 %), миллениалы 3С (26,1 %), старшие миллениалы (25,6 %), реформенное поколение (9,2 %) и поколение застоя (22,5 %). Принадлежность респондента к поколенческой группе выступала в исследовании в качестве индикатора, отражающего особенности исторической памяти.

Результаты исследования

В ходе опроса выявлены значительные межпоколенческие различия в степени интереса к различным историческим периодам (табл. 1; респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа). Среди поколения Z и миллениалов 3С высокий интерес вызывает главным образом немецкий период истории. Старшим миллениалам, представителям реформенного поколения и поколения застоя присущ также значительный интерес к советскому периоду. В случае со старшими поколениями это, вероятно, связано с ностальгией по времени их взросления. Кроме того, для них чаще характерно отсутствие интереса к истории региона. Это скорее всего обусловлено тем, что среди представителей реформенного поколения и поколения застоя заметно выше доля пере-



селенцев из других регионов. Интерес к российском периоду фиксируется на самом низком уровне у представителей всех рассматриваемых поколений.

Таблица 1

Какой период истории Калининградской области вызывает у вас наибольший интерес? (%)

Вариант ответа	Поколение Z	Миллениалы 3С	Старшие миллениалы	Старшие поколения
Немецкий	40,2	48,6	37,4	42,3
Советский	24,2	29,5	34,5	45,5
Российский	25	22,4	19,9	28,3
Не интересуюсь историей региона	21,2	15,2	20,9	33,3

83

Представители всех поколений в большинстве своем считают, что в школьном курсе регионоведения какой-то исторический период (или периоды) должен быть освещен подробнее других (табл. 2). При этом представители поколения Z вновь отдают приоритет немецкому периоду, остальные, и в особенности старшие поколения, — советскому.

Таблица 2

Должен ли какой-то период истории Калининградской области быть освещен подробнее других в школьном курсе регионоведения, и если должен, то какой? (%)

Вариант ответа	Поколение Z	Миллениалы 3С	Старшие миллениалы	Старшие поколения
Не должен	22,8	25,6	32,3	38,5
Немецкий	44,7	33,3	29	33,5
Советский	27,2	44,4	39,2	52,9
Российский	23,7	24,4	23,1	37,7

Более высокий интерес к немецкому периоду истории среди младших поколений отразился на их более сочувственном отношении к пострадавшему довоенному архитектурному наследию региона (табл. 3). Примерно две трети миллениалов и три четверти поколения Z считают, что полуразрушенные объекты должны быть полностью восстановлены. Для сравнения, среди старших поколений аналогичного мнения придерживается только половина респондентов. Кроме того, среди них наиболее высока доля тех (15,2%), кто считает, что эти здания должны быть снесены. Позиция, согласно которой данные сооружения оставались бы в прежнем виде, не пользуется поддержкой ни у одного из поколений.

Таблица 3

Если бы у вас была возможность решить судьбу полуразрушенных зданий немецкого архитектурного наследия в Калининградской области, каким было бы ваше решение? (%)

Поколение	Вариант ответа				
	Здания были бы восстановлены в оригинальном виде	Здания были бы восстановлены, но их внешний вид был бы изменен	Здания были бы оставлены нетронутыми	Здания были бы снесены	Затрудняюсь ответить
Поколение Z	76,4	14,4	3,4	3,4	2,3
Миллениалы ЗС	66,2	19,1	5,5	3,3	5,9
Старшие миллениалы	60,2	19,7	5,9	4,8	9,3
Старшие поколения	50	11,9	1,2	15,6	21,3

84

Более сочувственное отношение к довоенному наследию у младших поколений (в особенности у поколения Z) проявилось и в вопросе восстановления в областном центре главного символа Кёнигсберга – Королевского замка: чем младше респонденты, тем выше среди них поддержка данной идеи. При этом для всех рассматриваемых поколений характерно преобладание позитивного отношения к восстановлению замка, что также подтверждается результатами массового опроса населения региона, проведенного ранее [15, с. 122] (табл. 4).

Таблица 4

Отношение к восстановлению Королевского замка в Калининграде (%)

Поколение	Вариант ответа				
	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Поколение Z	64,9	17,8	8,6	1,7	6,9
Миллениалы ЗС	57	21,3	10,7	1,5	9,6
Старшие миллениалы	45,9	24,6	14,9	2,2	12,3
Старшие поколения	39,6	26,8	10,1	5,5	18

Среди младших поколений доминирует точка зрения, что в Калининградской области необходимо устанавливать памятники деятелям из разных исторических периодов (табл. 5). В то же время представители старших поколений чаще полагают, что регион не нуждается в новых памятниках.



Таблица 5

Памятники историческим личностям какого периода необходимо преимущественно устанавливать в Калининградской области? (%)

Поколение	Вариант ответа				
	Немецкий	Советский	Российский	Все перечисленные периоды	Регион не нуждается в новых памятниках
Поколение Z	3	9,1	5,5	63,4	18,9
Миллениалы 3С	4,1	19,3	3,7	60,7	12,3
Старшие миллениалы	3,8	16,9	5,1	50,4	23,7
Старшие поколения	0,9	18,3	5,7	35	40,1

85

Респонденты разных возрастов в большинстве своем поддерживают решение о переименовании Кёнигсберга в Калининград в 1946 г. (табл. 6). В то же время среди поколения Z, а также миллениалов выявлена достаточно высокая доля тех, кто высказывается за возвращение исторического названия города. В свою очередь среди респондентов старших поколений несколько выше доля тех, кто поддерживает переименование, но при этом считает, что городу нужно было дать другое название.

Таблица 6

Как вы относитесь к переименованию Кёнигсберга в Калининград в 1946 году? (%)

Поколение	Вариант ответа		
	Отрицательно	Положительно	Нужно было дать городу другое название
Поколение Z	24,8	71,9	3,3
Миллениалы 3С	20,2	74	5,8
Старшие миллениалы	19,7	72	8,4
Старшие поколения	14,2	74,9	10,9

Выявлены значительные межпоколенческие различия в отношении того, что в Калининградской области некоторые рестораны, отели и магазины носят немецкие названия (табл. 7). Среди младших поколений (особенно у поколения Z и миллениалов 3С) заметно преобладает позитивное отношение. Обратная ситуация зафиксирована в случае представителей старших поколений, которые нейтрально относятся к этому. Также среди них высока доля тех, кто негативно воспринимает немецкие названия (26,2%).

Таблица 7

Как вы относитесь к тому, что в Калининградской области некоторые рестораны, отели и магазины имеют немецкие названия? (%)

Поколение	Вариант ответа					
	Положительно	Скорее положительно	Нейтрально	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Поколение Z	60,3	10,9	21,8	2,9	0,6	3,4
Миллениалы 3С	53,3	14,2	24,1	2,9	1,1	4,4
Старшие миллениалы	40,5	16,4	28,6	2,6	6,3	5,6
Старшие поколения	15,5	11,3	37,2	10,7	15,5	9,8

Выводы

Исследование с опорой на теорию поколений позволило выявить существенные различия в оценках населения Калининградской области ее исторического прошлого и историко-культурного наследия. Обнаружено, что в значительной степени высокий интерес у младших поколений вызывает только немецкий период истории региона, в то время как старшие проявляют также существенный интерес к советскому периоду. Эти поколенческие различия отразились на отношении к историко-культурному наследию региона. Среди представителей младших поколений (особенно среди поколения Z) значительно более популярна идея восстановления объектов архитектуры довоенного периода, в частности полностью разрушенного Королевского замка. В вопросе отношения к переименованию Кёнигсберга в Калининград в 1946 г. разные поколения солидарны в том, что это было верное решение. При этом среди младших поколений заметно выше доля тех, кто выступает за возвращение исторического названия города. Также для младших поколений характерно значительно более позитивное восприятие существующих немецких названий отелей, магазинов и ресторанов, в отличие от представителей старших поколений, относящихся к этому преимущественно нейтрально.

Выявленная специфика отношения младших поколений не позволяет говорить о наличии у них каких-либо пронемецких настроений. Так, по их мнению, в регионе следует устанавливать памятники деятелям различных исторических периодов, а в школьном курсе краеведения должно доминировать изучение советского периода. Хотя относительно последнего вопроса представители поколения Z вновь проявили



специфику, преимущественно назвав немецкий период. Нельзя констатировать и наличие сугубо антинемецкого восприятия истории старшими поколениями, поскольку среди них, хотя и в меньшей степени, популярна идея восстановления довоенных архитектурных объектов, включая Королевский замок, и достаточно высок интерес к немецкому периоду.

Особенность исторической памяти старших поколений, проявляющаяся в большем интересе к советскому периоду, связана, вероятно, с тем, что они являются его непосредственными свидетелями. Кроме того, возможно, некоторое влияние на ее специфику оказала политика памяти в регионе, проводившаяся в советские годы и в той или иной степени описывавшая немецкую эпоху в темном свете.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» («Моделирование социально-политических и социокультурных факторов геополитической безопасности эксклавного региона России»).

Список литературы

1. Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М. Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ): монография. Калининград, 2011.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
3. Вендина О.И. Калининград: планирование будущего и запросы молодежи // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2015. №4. С. 95–106.
4. Дементьев И.О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №2. С. 104–112.
5. Дементьев И.О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. №3. С. 40–61. doi: 10.36343/SB.2020.23.3.003.
6. Дементьев И.О. Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде // Калининградские архивы. Калининград, 2015. Вып. 12. С. 233–250.
7. Дементьев И.О. «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х – 1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2014. №6. С. 175–218.
8. Зимовина Е.П., Проданцов К.С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. 2022. №2. С. 7–27.
9. Костяшов Ю., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.
10. Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, №4. С. 79–102. doi: 10.5922/0207-6918-2016-4-7.
11. Кретинин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. №12. С. 61–66.



12. Крети́нин Г.В. Проблема формирования и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Калининградской области России // Путь к Великой Победе: история и современность : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2020. С. 259–263.

13. Кришталёв М.И. Восприятие молодежью Калининградской области региональной истории и Великой Отечественной войны в контексте отношения к фигуре И.В. Сталина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2022. Т. 24, №4. С. 883–903. doi: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-883-903.

14. Кришталёв М.И., Щекотуров А.В., Зимовина Е.П. Геополитические и социокультурные компоненты образа Калининградской области в представлениях реформенного поколения и поколения миллениалов // Псковский региональный журнал. 2019. №4. С. 34–47.

15. Кришталёв М.И., Щекотуров А.В. Методология и методика анализа социально-политических настроений : учеб. пособие. Калининград, 2021.

16. Макарычев А.С., Сергунин А.А. «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // Россия и современный мир. 2013. №1. С. 73–89.

17. Маслов В.Н. Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №4. С. 77–84.

18. Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18, №1. С. 9–19. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19.

19. Неверов А.Я. Формирование исторической памяти как способ манипулирования общественным сознанием // Социум и власть. 2018. №1. С. 134–139.

20. Носович А.А. «Малая Литва». Кто и зачем пытается «оторвать» Калининградскую область от России? Калининград, 2021.

21. Пономарева Е.Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, №2. С. 307–322. doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322.

22. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №3. С. 15–33. doi: 10.7868/S0132162518030029.

23. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, №3. С. 30–63. doi: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.

24. Ретина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 3–37.

25. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N.Y., 2000.

Об авторе

Михаил Игоревич Кришталёв — канд. геогр. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>



M. I. Krishtal

**GENERATIONAL DIFFERENCES OF THE RESIDENTS
OF THE KALININGRAD REGION IN THE PERCEPTION
OF REGIONAL HISTORY AND HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 8 November 2022

Accepted 15 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-7

89

To cite this article: Krishtal M.I. 2023, Generational differences of the residents of the Kaliningrad region in the perception of regional history and historical and cultural heritage, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 77 – 89. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-7.

At the present stage, in conditions of geopolitical tension, technologies are actively used that have a manipulative effect on the historical memory of the population. The impact is especially strong on young people. Therefore, the purpose of the article is to study the perception of the regional history and historical and cultural heritage by the population of the Kaliningrad region. Based on the theory of generations, significant differences in the specifics of the historical memory of generational groups were revealed. Differences were found in the degree of their interest in the periods of the history of the region. The younger generations are mainly interested in the German period, while the older ones, along with it, are also interested in the Soviet period. The consequence of this is that among the younger generations (especially among generation Z) there is a markedly higher support for the idea of restoring dilapidated pre-war heritage sites and reviving the completely destroyed Royal Castle.

Keywords: historical memory, generation theory, generation Z, millennials, historical past, regional history, Kaliningrad region

The author

Dr Mikhail I. Krishtal, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

К. С. Проданцов

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНДИКАТОР
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 12.11.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-8

90

Для цитирования: *Проданцов К. С.* Социально-политические настроения жителей Калининградской области как индикатор геополитической безопасности региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 90–106. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-8.

В статье рассматривается такой индикатор геополитической безопасности, как социально-политические настроения. Выявляются социальная неудовлетворенность, политическое доверие, политическая активность, миграционные установки жителей Калининградской области. Исследование опиралось на теоретические и эмпирические результаты работы ФНИСЦ РАН по изучению социально-политических настроений и социальных напряжений в российском обществе. Основной метод – личное полуструктурированное интервью населения старше 18 лет (n=915). В ходе исследования установлено, что значимыми проблемами Калининградской области для жителей региона продолжают оставаться проблемы, связанные с экономической безопасностью: низкий уровень доходов населения, высокие цены на продукты и товары первой необходимости, высокие тарифы на услуги ЖКХ. Подтверждена гипотеза о том, что в условиях геополитической напряженности увеличивается доверие граждан к местным и федеральным органам власти, президенту и армии. Политическая активность населения чаще всего сводится к обсуждению политических событий с друзьями, товарищами по работе при личном общении, а также к голосованию на выборах. Большинство калининградцев не рассматривает возможность переезда из области. Сделан вывод о том, что уровень социального напряжения в Калининградской области находится на приемлемом уровне, признаки его перерастания в социальный конфликт отсутствуют.

Ключевые слова: геополитическая безопасность, социально-политические настроения, социальные напряжения, Калининградская область

Введение

В России вопросами геополитической безопасности занимаются не только представители государственной власти, но и ученые из разных наук – философы, политологи, социологи, историки, математики и др. Актуальность современных исследований обусловлена осложнением геополитической ситуации в мире, появлением новых центров силы, усилением глобализационных процессов, военно-политической неста-



бильностью во многих регионах мира, неконтролируемой миграцией больших масс населения в Европу [23, с. 212], противостоянием между Западом и Россией, созданием условий для дальнейшего развития новой «холодной войны» [4; 25, с. 4], событиями на Украине, присоединением Крыма к России [35], распространенностью терроризма [43] и угрозами экономической безопасности [39], в частности энергетической [3; 24; 34], а также информационной [24] и др. При этом авторы связывают свой научный интерес со стремлением сохранить целостность границ России, улучшить качество жизни населения, способствовать развитию страны.

На сегодняшний день значимость изучения геополитической безопасности России продиктована новым этапом международной напряженности, обусловленной началом Специальной военной операции на Украине (далее – СВО), политикой отмены российской культуры, выходом нашей страны на первое место по количеству введенных против нее санкций [55].

Важность исследования регионального аспекта геополитической безопасности России состоит в том, что каждый субъект обладает определенной спецификой географического положения, этноконфессиональной структуры населения, характера социокультурных, экономических, политических процессов, что делает некоторые регионы более подверженными информационному [49] и, в частности, манипулятивному [18; 50; 29] воздействию на население. Отдельные территории обладают статусом площадок для дипломатического сотрудничества [33; 47], что усиливает их стратегическое значение и требует создания комплексной системы региональной безопасности.

Интерес к изучению геополитической безопасности Калининградской области вызван тем, что территория области находится в непосредственной близости к европейским странам. Современное население области – это переселенческое сообщество, которое сформировалось после Великой Отечественной войны в регионе, для которого характерно переплетение разных культур. В связи с этим имеются определенные особенности электоральной специфики [27], исторической памяти [16], территориальной идентичности [52].

Геополитическая безопасность непосредственно связана с обеспечением экономической, социокультурной, политической, военной, миграционной, экологической, информационной и прочих безопасностей [15]. Исследователями выделяются объективные критерии, которые позволяют осуществлять экспертизу состояния геополитической безопасности в различных сферах. Так, военная безопасность определяется с помощью таких индикаторов, как численность вооруженных сил и финансов, которые на них выделяются. Экономическая безопасность исследуется на основе анализа производственной сферы, оценки уровня жизни населения и финансового состояния. Экологическая безопасность определяется экспертами в этой области по шкале от 1 до 3, где 1 – нормальная экологическая ситуация, 2 – предкризисная, 3 – кризисная. Индикаторами социальной безопасности являются доля расходов государства на социальную сферу, количество населения с высшим образованием и т. д. [4, с. 122]. Вместе с тем значимым индикато-



ром, указывающим на наличие угроз геополитической безопасности, могут быть социально-политические настроения, которые исследуются при помощи различного рода опросных методов [45]. Наибольший интерес к социально-политическим настроениям проявляется во время подготовки и проведения важных политических мероприятий, в период глубинных трансформационных преобразований политических институтов, когда важна реакция общества на планируемые и происходящие изменения [44, с. 204].

Мониторинг социально-политических настроений населения является перспективным способом изучения возникновения, становления и усиления социальных напряжений. С.В. Устинкин и П.И. Куконков утверждают, что исследование социального напряжения необходимо «превратить в реально наблюдаемый и замеряемый процесс, результаты которого могут послужить методологической и эмпирической основой описания и анализа пространства, за пределами которого может возникнуть реальная угроза неконтролируемых, непредсказуемых процессов, ведущих к усилению кризисных тенденций» [48, с. 384 – 385].

Цель настоящей статьи — выявить социально-политические настроения жителей Калининградской области.

Социальные напряжения и социально-политические настроения

С.В. Устинкин и П.И. Куконков в результате обобщения существующих методик измерения социальных напряжений выделяют следующие показатели: состояние уровня неудовлетворенности условиями жизни; социальная идентификация с социальными группами, деление на «своих» и «чужих»; готовность к протестным действиям, характеристика этой политической активности (мотивы, выраженность в сознании) и степень включенности элементов деструкции в протестное поведение, черты потенциала деструктивной активности. Отмечается, что фактором социальных напряжений нередко выступают властные структуры, социальное напряжение имеет очаговый характер и его нужно исследовать в динамике, а период становления является в наибольшей степени благоприятным для вмешательства и устранения конфликта [48].

В связи с наличием различного рода аспектов геополитической безопасности и с опорой на существующие индикаторы измерения социальных напряжений, а также с учетом обострения международной напряженности, связанного с событиями на Украине, автор статьи фокусируется на следующих аспектах социально-политических настроений: социальная неудовлетворенность, политическое доверие, политическая активность, миграционные установки.

Д.В. Ольшанский связывает процесс формирования политических настроений с социальным дискомфортом, недовольством. Неудовлетворение потребностей индивидов приводит к конкретным политическим действиям, чтобы достигнуть желаемого результата [36, с. 200 – 204]. Под социальной неудовлетворенностью понимается «недовольство собственным положением, состоянием общества и ходом преобразований»



[8, с. 32]. Чтобы измерить социальную неудовлетворенность, респондентам опроса, проведенного автором статьи, был задан вопрос «Какие из перечисленных проблем Калининградской области вызывают лично у вас наибольшее недовольство?» и предложены варианты ответов, выбор которых продемонстрирует, какой из составляющих геополитической безопасности на данный момент нужно уделять большее внимание (результаты опроса см. ниже).

Политическое доверие означает «уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» [21, с. 81]. В настоящей статье политическое доверие рассматривается с точки зрения разделения его на личное и институциональное [7; 51]. В качестве оперантов институционального доверия выступили различные общественно-политические институты: правительство, парламент, церковь, вооруженные силы, СМИ, вузы (государственные и частные), полиция, банки, правозащитные организации, лечебные учреждения (государственные и частные) и суды. Оперант личного доверия — федеральные и региональные чиновники. Индикатором являлась оценка доверия каждому социальному институту и политическому деятелю. А степень политического доверия к конкретным действиям политических и государственных акторов измерялась на основе одобрения населением СВО.

Политическую активность мы рассматриваем на индивидуальном уровне и определяем как «совокупность проявления тех или иных форм жизнедеятельности отдельной личности, в которых выражено ее стремление активно участвовать в политических процессах, отстаивать свои политические права и интересы» [2, с. 365]. В соответствии с этим индикатором выступили формы участия респондентов в политической жизни.

Термин «миграционная установка» исследователи соотносят с понятием «социальная установка», введенным У. Томасом и Ф. Знанецким. Особенность социальной установки состоит в том, что она направлена на объект; в частности, миграционная установка — на место жительства [41, с. 40]. С. К. Лычко и Н. Л. Мосиенко определяют миграционные установки как «сформированное (в разной степени) представление о том, где человек хотел бы проживать» [32, с. 162]. Существует большое количество теорий миграции, в которых анализируются причины перемещения населения с территории на территорию [1]. Нами для определения миграционных установок были выделены такие индикаторы, как степень готовности к переезду, представление о желаемом месте и субъективные причины для эмиграции.

Социально-политические настроения жителей России

Результаты многолетних исследований позволяют ученым определить устойчивый характер социально-политических настроений российского общества. Недовольство жителей страны из года в год связы-



вается с ростом цен, бедностью, коррупцией, безработицей, социальной незащищенностью, избыточным неравенством, снижением качества здравоохранения [9, с. 237; 54].

Если говорить о доверии к общественно-политическим институтам, то высокий уровень устойчиво удерживается по отношению к армии, президенту, церкви, а низкий — к прессе, парламенту, банкам и политическим партиям [12, с. 170; 30, с. 166]. Исследователи отмечают, что доверие к государственным структурам (президенту, армии, парламенту) возросло во время российско-грузинского конфликта 2008 г., «крымской весны», последующей «войны санкций» и событий в Сирии [30, с. 169]. С начала СВО социологические центры ВЦИОМ [13] и Левада-центр¹ [14] фиксируют рост доверия к местным и федеральным органам власти, президенту и армии.

Для россиян характерен невысокий уровень интереса к политике, распространенность мнения, что от обычного гражданина ничего не зависит [12, с. 225; 40, с. 153]. В связи с этим в настоящее время ключевыми формами политической активности являются участие в выборах в роли избирателя и обсуждение политических событий с друзьями и коллегами. Фиксируется крайне низкая степень участия в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора; в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т. п.); в деятельности правозащитных организаций; в работе политических партий; органов местного самоуправления и др. [10, с. 52].

Ученые-демографы утверждают, что «Россия — одна из немногих стран, которая последние два века щедро разбрасывала своих людей за границы отечества. Из них в страны нового зарубежья (бывшие советские республики) к 1991 г. переселилось, по ряду оценок, более 10 млн человек. И чуть менее 10 млн человек — в страны дальнего зарубежья (США, Франция, Австралия и др.). Согласно другим оценкам, только в дальнем зарубежье на начало 90-х гг. насчитывалось около 20 млн наших соотечественников» [31, с. 33]. В 2018 г. эмигрировало в 2,3 раза больше россиян, чем в 2010 г. [42, с. 141]. Из страны уезжают высококвалифицированные кадры, что, по мнению большинства исследователей, создает проблему национальной безопасности [37]. К самым популярным направлениям для эмиграции из России относятся Германия, Канада, Китай, Латинская Америка, Израиль, Турция [5, с. 71]. Что касается перемещений населения внутри страны, то чаще всего переезжают в Москву, Санкт-Петербург, Московскую, Ленинградскую и Тюменскую области. Население увеличивается в Ханты-Мансийском автономном округе, Чечне, Дагестане, Адыгее и Ингушетии [6, с. 120]. По данным ВЦИОМ, за период наблюдений в 1991 г. и с 2011 по 2022 г. минимальная доля желающих уехать за границу на постоянное место жительства составила 10 % (2017, 2018, 2022 гг.), а максимальная — 17 % (2019 г.). В качестве причин эмиграции россияне чаще всего отмечают, во-первых, недовольство политикой российских властей, а во-вторых, более

¹ Левада-центр внесен Министерством юстиции РФ в реестр НКО, выполняющих функцию иностранного агента.



благоприятные условия страны, куда планируют переехать (высокий уровень жизни, соблюдение законов, социальная защищенность, уровень медицины) [53]. При этом они выделяют такие мотивы переезда в другой населенный пункт России, как семейные обстоятельства, трудовую мобильность, учеба, брак, стремление к повышению качества уровня жизни [38].

Социально-политические настроения жителей Калининградской области

Исследования, проведенные в Калининградской области, по данным на 2002 (Циркон) [20], 2014–2015 (ФОМ) [22] и 2020 гг. (Социологическая лаборатория БФУ им. И. Канта) [28] устанавливают, что наиболее значимыми проблемами были и остаются рост цен на товары и услуги, высокие цены на услуги ЖКХ, низкий уровень зарплат, ситуация в сфере здравоохранения, неудовлетворенность состоянием жилищно-коммунального хозяйства. При этом, по результатам исследования Социологической лаборатории в сравнении с данными Циркон и ФОМ, прослеживается высокая доля недовольных низким уровнем пенсий, стипендий, пособий и не фигурирует в качестве значимой такая проблема, как неудовлетворенность состоянием жилищно-коммунального хозяйства. Вместе с тем следует отметить: если в 2002 г. жителей региона в достаточной мере беспокоило девиантное поведение (наркомания, рост преступности, алкоголизм), то к настоящему моменту эти проблемы перестали быть настолько актуальными (кроме наркомании и алкоголизма) и вместо них появились такие, как недоступность и дороговизна жилья, коррупция и взяточничество в органах власти.

В оценке деятельности федеральных институтов и политиков (2014–2020) самый высокий показатель доверия – у президента России. Наибольший процент зафиксирован в 2015 г. (86,4 %), а в 2020 г. он снизился практически до 40 %. Оценка деятельности председателя Правительства России также снижается после пика в 2015 г. и к 2020 г. составляет менее 20 %. Тенденция на понижение рейтинга касается также Правительства РФ, Государственной думы РФ и Совета Федерации РФ. Среди региональных политических институтов наибольший уровень доверия фиксируется по отношению к губернатору Калининградской области. Степень доверия к общественным институтам выше у Вооруженных сил РФ, церкви, университетов, государственных организаций, благотворительных фондов [26, с. 83–98].

Из различных форм политической активности калининградские исследователи обращают внимание на протестные настроения. За 2014–2020 гг. самая низкая (79 %) готовность принять участие в акции протеста фиксируется в 2017 г., а высокая – в 2014 г. (55,3 %) и в 2020 г. (51,4 %). Самой распространенной формой протеста для жителей Калининградской области является сбор подписей в поддержку какой-либо инициативы [26, с. 113].

Что касается миграционных установок населения Калининградской области, на 2017 г. 2 % хотели бы уехать в другой регион России, 0,5 % –



эмигрировать из страны [19, с. 516]. По данным Социологической лаборатории БФУ им. И. Канта, в том же году планировали и точно решили переехать 0,1 % респондентов, а планировали, но еще не решили, куда и когда — 7,2 % [28]. В 2019 г. число точно решившихся переехать из области в ближайшие 6 месяцев составляло уже 1,5 % калининградцев в возрасте от 19 до 51 года. Задумывались о переезде 43,9 % респондентов, не задумывались — 47,6 %. В качестве причин для переезда жителями области чаще всего выделялись низкий уровень заработной платы, низкое качество здравоохранения [17].

На основе результатов многолетних исследований ФНИСЦ РАН констатирует, что «социокультурные основания, определяющие общий склад сознания российских граждан, изменяются достаточно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надежную трансляцию базовых ценностных ориентаций. Смысложизненные установки, которые выделяются среди доминант массового сознания, характеризуют типичного россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями» [9, с. 240]. Прослеживается высокий интерес россиян к международным событиям и процессам, затрагивающим интересы страны, который «поднимается до уровня общественного внимания, проявляющегося обычно к событиям и процессам внутренней жизни» [11, с. 19]. С середины 1990-х гг. в сознании россиян утвердилось мнение, что западный путь развития России не подходит. Стало переоцениваться отношение между «Мы» и «Они», меняться понимание внешнеполитических задач страны. Прослеживается негативное отношение к блоку НАТО, США и американской политике. Таким образом, в массовом сознании большинства россиян сложилась антизападная установка: Запад представляет собой угрозу и занимает недружественную позицию по отношению к России [11, с. 19–20].

Основываясь на положениях о плавном изменении российского социума, высоком интересе к внешней политике, негативном отношении к Западу и с учетом тенденций на повышение уровня доверия к институтам «вертикали власти» во время нестабильной геополитической обстановки, автор сформулировал следующие гипотезы:

1. К числу значимых проблем Калининградской области жители региона будут относить агрессивное поведение европейских стран.
2. Увеличится уровень доверия к местным, федеральным органам власти, президенту и армии.

Методика исследования

Методом исследования явилось личное полуформализованное интервью жителей Калининградской области старше 18 лет. Итого было опрошено 915 человек (мужчин — 45,2 %, женщин — 54,8 %) в период с 27.09.2022 по 14.10.2022. Доверительный интервал — 95 %, погрешность +/- 5 %. Выборка — двухступенчатая, квотная для каждого городского округа и муниципалитета. Стратификация генеральной совокупности производилась по двухмерному признаку: пол и возраст.



Результаты

Сравнивая полученные результаты с данными прошлых лет, можно увидеть, что в числе наиболее значимых проблем Калининградской области, по мнению жителей, все также остаются низкий уровень доходов населения, высокие цены на продукты и товары, высокие тарифы на услуги ЖКХ. Но при этом появляются новые значимые очаги недовольства — агрессивное поведение европейских стран; недоступность, дороговизна жилья; транзит грузов в Калининградскую область (рис. 1). Таким образом, наша гипотеза о том, что к числу важных проблем жители Калининградской области будут относить агрессивное поведение европейских стран, подтвердилась. Соотнести уровень значимости для жителей региона проблемы качества здравоохранения с остальными из списка, к сожалению, в данном исследовании не получилось, так как не был нами представлен соответствующий вариант ответа в анкете. Тем не менее респонденты чаще всего (43,8 %) упоминали эту проблему в варианте ответа «Другое» вместе с другими поводами для недовольства: мобилизация (12,3 %); события на Украине, геополитическая напряженность (9,6 %); проблемы в газификации (3,9 %).

97

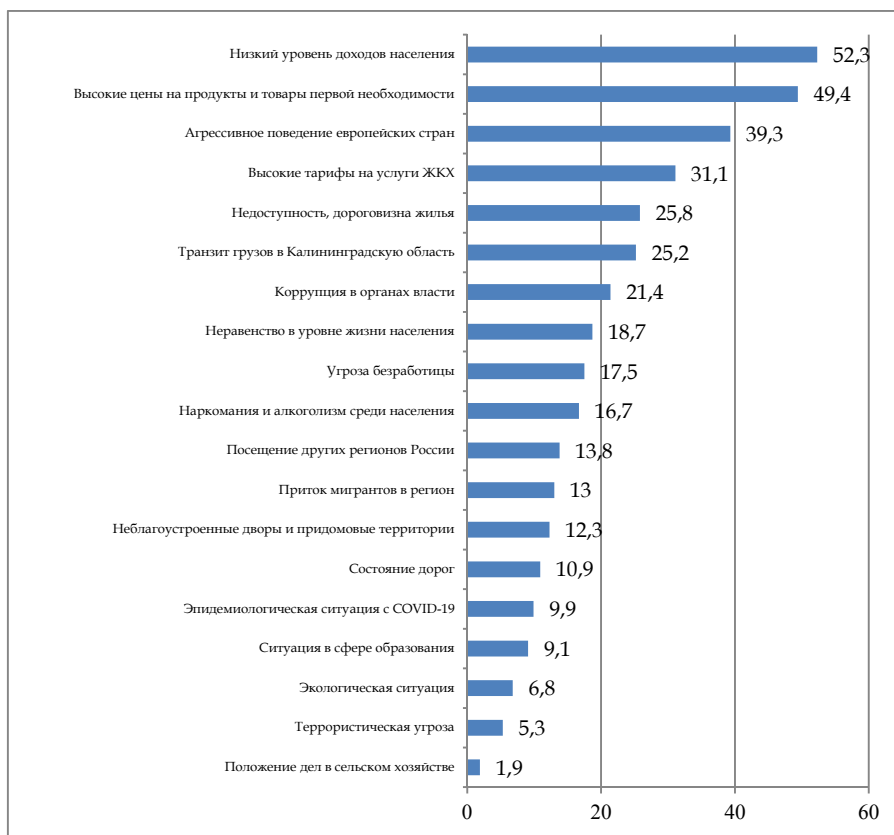


Рис. 1. Ответы на вопрос «Какие из перечисленных проблем Калининградской области вызывают лично у вас наибольшее недовольство?» (%)



Больше всего жители Калининградской области доверяют Вооруженным силам, государственным вузам, частным лечебным учреждениям, церкви, полиции, банкам и государственным больницам. Следует отметить, что уровень доверия жителей региона к частным лечебным учреждениям выше, чем к государственным, а степень доверия к частным учебным заведениям, наоборот, ниже, чем к государственным (табл. 1). Проследить, насколько увеличился уровень доверия к тем или иным общественным институтам, не удалось, так как при последнем исследовании в 2018 г. использовалась другая методика, так что сопоставлять данные этих двух исследований будет некорректно. Но при этом все также высоким остается доверие к Вооруженным силам, университетам и церкви.

Таблица 1

**Оцените уровень доверия к следующим общественным институтам
(1 – совершенно не доверяю, 5 – полностью доверяю,
99 – затрудняюсь ответить) (%)**

Общественный институт	Уровень доверия							
	1	2	3	4	5	99	-	+
Вооруженные силы	9,2	8,1	19,8	23,7	29,2	10,1	17,3	52,9
Государственные вузы	4,8	7	26,3	31,7	16,1	14,1	11,8	47,8
Частные лечебные учреждения	8,9	9	23,7	27,6	11,7	19,1	17,9	39,3
Церковь	20,4	10,8	17	12	20,9	18,8	31,2	32,9
Полиция	11,6	14	29	20,1	10,9	14,4	25,6	31
Банки	13,9	14,5	29,9	20,4	10,3	10,9	28,4	30,7
Государственные лечебные учреждения	11,7	15,2	36,5	21,4	8,2	6,9	26,9	29,6
Частные вузы	8,4	10,2	21,3	19,4	7,3	33,4	18,6	26,7
Правозащитные организации	7,8	10	20,6	18,2	7,7	35,9	17,8	25,9
СМИ (печатные, газеты, радио, телевидение и др.)	20,8	17,6	25,8	15,3	8,3	12,2	38,4	23,6
Суды	11,2	11,7	24,3	13,9	7,3	31,6	22,9	21,2
Электронные СМИ (интернет-ресурсы)	16,4	18,2	26,9	13,9	6,2	18,4	34,6	20,1

Со времени последнего замера в 2020 г. фиксируется увеличение доверия населения области к президенту РФ В.В. Путину (с 41,6 % до 70,4 %), губернатору Калининградской области А.А. Алиханову (с 45,7 % до 62,3 %), председателю Правительства РФ М.В. Мишустину (с 34,5 % до 53,5 %), Правительству РФ (с 29,1 % до 44,3 %) и Правительству Калининградской области (с 30,2 % до 40,9 %), Совету Федерации РФ (с 20,1 % до 35 %), Государственной думе РФ (с 18,2 % до 33,1 %), Областной думе (с 22,7 % до 32,1 %) и городскому Совету депутатов Калининграда (с 22,7 % до 27,4 %) (табл. 2). Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что возрос уровень доверия к местным, федеральным органам власти, президенту и армии.



На основе анализа динамики все так же прослеживается наибольшее доверие к действующему президенту России, губернатору Калининградской области, председателю Правительства России, федеральному и региональному правительству.

Таблица 2

Как вы в целом оцениваете деятельность следующих органов власти и управления? (- 2 – отрицательно, 0 – затрудняюсь ответить, + 2 – положительно) (%)

Вариант ответа	Уровень доверия						
	-2	-1	0	1	2	-	+
Президент РФ В. В. Путин	10,2	6	14,4	23,5	45,9	16,2	70,4
Губернатор области А. А. Алиханов	7,8	7,7	22,3	26,6	35,6	15,5	62,3
Председатель Правительства РФ	8,2	7,3	31,0	22,7	30,8	15,5	53,5
Правительство РФ	11,2	11,1	33,4	27,1	17,2	22,4	44,3
Правительство Калининградской области	9,8	11,6	37,7	27,9	13,0	21,4	40,9
Совет Федерации РФ	11,8	11,6	41,6	21,7	13,3	23,3	35,0
Государственная дума РФ	16,0	16,0	34,9	21,2	11,9	32,0	33,1
Областная дума	12,7	13,9	41,3	21,7	10,4	26,6	32,1
Городской совет депутатов Калининграда	11,5	15,0	46,1	18,8	8,6	26,4	27,4
Глава администрации Калининграда Е. И. Дятлова	9,5	9,7	55,6	18,6	6,6	19,2	25,2
Глава Калининграда Е. Д. Любимый	8,6	8,6	65,2	13,1	4,5	17,2	17,5

99

Политическая активность в течение текущего года в основном проявлялась в форме обсуждения политических событий с друзьями, товарищами по работе при личном общении (53,5 %), голосования на выборах всех уровней (46,4 %) и регулярного чтения новостей политического характера (40 %). Лишь 4,5 % населения области принимало участие в общественно-политических акциях, а 2,5 % – подписывали петиции политического характера. Отметим, что два этих вида политической активности могли проявляться как для протеста против действующих властей, так и для их поддержки (2,5 %). При этом 26,9 % жителей региона никаким образом не участвовали в политической жизни (рис. 2).

В целом население региона больше одобряет Специальную военную операцию: совокупный процент тех, кто скорее полностью одобряет и в чем-то одобряет, а в чем-то нет, составляет 64,4; скорее и полностью не одобряющих СВО – 24,2 % (табл. 3). По данным сентябрьского общероссийского опроса ВЦИОМ, доля поддерживающих Специальную военную операцию составляет 70 %, в не поддерживающих – 18 %. Однако социологическая компания использовала другую формулировку вопроса и вариантов ответа: «Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине вы поддерживаете или не поддерживаете?», «Скорее поддерживаю», «Скорее не поддерживаю», «Затрудняюсь ответить» [46].



Рис. 2. Ответы на вопрос «Приходилось ли вам в течение этого года участвовать в политической жизни? Если да, то в каких формах?» (%)

Таблица 3

Насколько Вы одобряете специальную военную операцию (СВО) России на Украине? (%)

Полностью одобряю	23,1
Скорее одобряю	14,2
В чем-то одобряю, а в чем-то нет	26,1
Скорее не одобряю	12,6
Совершенно не одобряю	11,6
Затрудняюсь ответить	12,4

Если говорить о миграционных установках жителей Калининградской области, то совокупный процент определенно и скорее не рассматривающих возможность эмигрировать за пределы региона составил 82,7 (табл. 4). А калининградцы, которые все-таки обдумывают это решение (таких было выявлено 12,1 %), хотели бы переехать преимущественно в другие регионы России (69 %) – Москву, Санкт-Петербург, в Московскую или Ленинградскую области; стремящиеся проживать в иностранном государстве (31 %) чаще всего выбирали европейские страны: Германию, Польшу, Испанию, Литву, Чехию. Причины переезда жители региона в большинстве своем связывали с желанием улучшить качество жизни (57,5 %), больше зарабатывать (48,7 %) и сменить обстановку (38,9 %) (табл. 5).



Таблица 4

**Рассматриваете ли возможность переезда
за пределы Калининградской области на постоянное место жительства
в ближайшие 2–3 года? (%)**

Определенно да	3,4
Скорее да	8,7
Скорее нет	18,5
Определенно нет	64,2
Затрудняюсь ответить	5,2

Таблица 5

Почему вы хотели бы уехать из Калининградской области? (%)

Хочу улучшить качество жизни	57,5
Хочу больше заработать	48,7
Хочу сменить обстановку	38,9
Хочу перебраться к своим родственникам / друзьям / близким	26,5
Хочу жить в других природно-климатических условиях	11,5

Интерпретация и выводы

Все так же наиболее важными для жителей Калининградской области остаются проблемы низкого уровня доходов, высоких цен на продукты и товары первой необходимости, высоких тарифов услуг ЖКХ. Опираясь на мнение исследователей социальных напряжений С. В. Устинкина и П. И. Куконкова, обозначенные проблемы можно отнести к универсальным основаниям социального напряжения, которые утратили специфику конкретной ситуации места и времени, так как они характерны уже долгое время для всех россиян. То есть из-за длительного напряжения некоторые его элементы могли «выпасть в осадок», образовав пассивный слой, который влияет на источник напряжения, что усложняет прогнозирование. Ученые уделяют внимание важности фиксации только появляющихся проблем, вокруг которых может аккумулироваться социальное напряжение, чтобы отслеживать его динамику и искать способы ухода от социального конфликта. К таким можно отнести следующие поводы для недовольства жителей региона: агрессивное поведение европейских стран, недоступность, дороговизна жилья, транзит грузов в Калининградскую область.

Среди общественных институтов продолжает фиксироваться высокий уровень доверия к Вооруженным силам, университетам и церкви. В условиях геополитической напряженности увеличилась доля доверяющих местным, федеральным органам власти и президенту, что повторяет тенденцию, зафиксированную во время конфликтов прошлых лет. Это свидетельствует об устойчивости в кризисный период ценно-



стей у населения, лежащих в основе одобрения внешней политики государства, которое сейчас подтверждается также поддержкой СВО большинством жителей региона.

Так как основные проблемы, которые выделяются респондентами, имеют экономическую основу, а, по мнению ученых ФНИСЦ РАН, население винит в них власти, то можно предположить, что и доверие все эти годы к ним снижалось по этой причине. В настоящий момент актуальными остаются те же проблемы, но при этом рейтинг к политическим институтам увеличивается. Это можно объяснить тем, что одобрение нынешнего внешнеполитического курса значительно выше, чем возложение на власти вины за неэффективную макроэкономическую политику. Также это можно связать с перекладыванием ответственности за трудности на Запад, что вполне возможно при институциональном отрицательном отношении к нему.

По большей части политическая активность населения, в соответствии с общероссийской тенденцией, также выражается в обсуждении политических событий с друзьями, товарищами по работе при личном общении и в голосовании на выборах всех уровней. При этом увеличивается доля людей, которые читают новости политического характера. Протестное поведение для большинства также может проявляться в форме обсуждения политических событий и голосования на выборах. Принявших участие в общественно-политических акциях оказалось немного, при том что граждане могли как поддерживать, так и не поддерживать действующую власть. Большое количество не вовлеченных в политическую жизнь и пассивно участвующих в ней граждан усложняет мониторинг процессов зарождения, становления и трансформации очагов социальной напряженности. Поэтому существует вероятность, что в некоторых случаях социальное напряжение может перерасти в социальный конфликт незаметно.

Большая часть жителей Калининградской области скорее и определенно не рассматривает возможность переезда из региона. Большинство обдумывающих это решение в качестве места перемещения выбирают Москву, Санкт-Петербург, Московскую или Ленинградскую области, что отвечает общероссийской тенденции миграции. По мнению респондентов, там они смогут улучшить качество жизни и больше зарабатывать.

Таким образом, на основе анализа социально-политических настроений жителей Калининградской области можно сделать вывод, что продолжают сохранять свою актуальность проблемы, связанные с экономической безопасностью. На основе полученных данных можно утверждать, что уровень социального напряжения находится на приемлемом уровне — признаков превращения его в открытый социальный конфликт нет.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» («Моделирование социально-политических и социокультурных факторов геополитической безопасности эксклавного региона России»).



Список литературы

1. Абылкаликов С.И. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. №12. С. 1–19.
2. Политология : энцикл. словарь / под ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993.
3. Аникин В.И., Анненков В.И., Сурма И.В. Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России в современных условиях // Национальная безопасность. 2015. №2. С. 161–176.
4. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты / отв. ред. В.С. Артамонов. Иваново, 2017.
5. Белова Л.Г. Глобальный рынок высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, №2. С. 65–76.
6. Вакуленко Е.С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. С. 113–138.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
8. Гордон Л.А. Общество «недовольных». Социальная неудовлетворенность как свойство массового сознания в переходный период // Полис. Политические исследования. 1998. №3. С. 32–47.
9. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, №3. С. 232–242.
10. Горшков М.К., Коленникова Н.Д., Кофанова Е.Н. и др. Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды : информационно-аналитический доклад. М., 2019.
11. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. Социология. Этнология. 2009. №2. С. 3–21.
12. Российское общество и вызовы времени / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017. Кн. 5.
13. Деятельность государственных институтов. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения: 09.11.2022).
14. Доверие общественным институтам. URL: <https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/> (дата обращения: 09.11.2022).
15. Жаде З.А. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №2. С. 57–61.
16. Зимовина Е.П., Проданцов К.С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. 2022. №2. С. 7–27.
17. Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №2. С. 99–101.
18. Ильина Н.Е. Влияние информационно-культурных процессов на безопасность Российской Федерации в условиях приграничья // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество, 2017. С. 179–182.
19. Калашиников К.Н., Будиллов А.П. Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // Эпоха науки. 2019. №20. С. 513–519.
20. «Калининградская проблема» в зеркале общественного мнения. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/f7d/Kaliningradskaja_problema_v_zerkale_obshhestvennogo_mnenija.pdf (дата обращения: 09.11.2022).



21. *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. №1. С. 79–99.
22. *Колосов В. А.* Российское пограничье: вызовы соседства. М., 2018.
23. *Копылов А. В.* Рец. на: Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход / под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016 // Вестник экономической безопасности. 2017. №1. С. 212–214.
24. *Костылева Е. Г., Сидорин Н. О., Слетов П. А.* Информационная и энергетическая безопасность как важная составляющая национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2020. №7. С. 425–426.
25. *Кошкин Р. П.* Современная геополитическая ситуация и национальная безопасность России // Стратегические приоритеты. 2015. №1. С. 4–9.
26. *Кришталь М. И., Щекотуров А. В.* Методология и методика анализа социально-политических настроений: учеб. пособие. Калининград, 2021.
27. *Кришталь М. И.* Электроральная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №2. С. 93–108.
28. *Кришталь М. И., Фидря Е. С., Щекотуров А. В.* Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2020621183 Российская Федерация. Социально-политические настроения жителей Калининградской области: №2020621011: заявл. 25.06.2020; опублик. 10.07.2020; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (БФУ им. И. Канта).
29. *Кулаков А. В.* О влиянии глобализационных процессов на пограничную безопасность Российской Федерации // Пространство и Время: электрон. альманах. 2013. Т. 3, №1. URL: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v1/3120.php> (дата обращения: 01.11.2022).
30. *Латов Ю. В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. №5. С. 161–175.
31. *Миграционные процессы в России* / под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М., 2014.
32. *Лычко С. К., Мосиенко Н. Л.* Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, №1. С. 160–169.
33. *Маркелов К. А.* Каспийское геополитическое пространство в системе региональной безопасности // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2021. Т. 1, №1. С. 11–34.
34. *Мастепанов А. М.* Проблемы обеспечения энергетической безопасности в новых геополитических условиях // Энергетическая политика. 2017. №. 1. С. 20–37.
35. *Матишов Г. Г.* Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности: Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке. Ростов н/Д, 2015.
36. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
37. *Национальная безопасность России в информационную эпоху Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015–2016 годы* / отв. ред. Г. В. Осипов. М., 2017.
38. *Охота в перемене мест: зачем и почему?* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1> (дата обращения: 09.11.2022).
39. *Павлюкова А. В., Гришина Е. Е.* Экономическая безопасность России // Тенденции развития науки и образования. 2017. №32–1. С. 19–22.



40. Патрушев С. В., Жаворонков А. В., Мирясова О. А. и др. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся. 2021. №19. С. 133–174.

41. Половинко В. С., Арбуз А. В. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, №1. С. 38–50.

42. Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионология. 2020. №1. С. 133–158.

43. Рудой В. В., Шутлов А. Ю., Буров А. В. и др. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень : информ.-аналит. матер. круглого стола с междунар. участием. Ростов н/Д, 2015.

44. Саблуков А. В. Политическое настроение как объект социологического анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. №3. С. 210–223.

45. Ситковский А. Л., Латов Ю. В. Социальная напряженность в контексте обеспечения национальной безопасности: мониторинг, индикаторы и перспективы использования для органов внутренних дел // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы / отв. ред. И. Г. Чистобородов. М., 2021. С. 488–492.

46. Специальная военная операция: полгода спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-polgodasprustja> (дата обращения: 09.11.2022).

47. Тонкоева М. Н. Калининградская область в отношениях России и Европейского союза (2014–2016 гг.) // Россия в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы / отв. ред. Е. Б. Мицек Е. Б. Екатеринбург, 2017. С. 53–67.

48. Устинкин С. В., Куконов П. И. Социальное напряжение: проблематизация и уточнение исследовательских подходов // Россия реформирующаяся. 2021. №19. С. 384–412.

49. Швец А. Б., Вольхин Д. А. Геополитическая и социокультурная составляющие информационной безопасности Крыма // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке / отв. ред. Л. А. Цыбульская. Севастополь, 2018. С. 245–248.

50. Шевченко О. А. Сотрудничество приграничных районов Союзного государства: основные тренды (по результатам социологических опросов агентства интеграционных инициатив) // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : матер. круглых столов / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2018. С. 112–115.

51. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012.

52. Щекотуров А. В., Кришталь М. И. Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016–2020 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, №3. С. 43–61.

53. Эмиграционные настроения – 2020: где родился, там и пригодился. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigraczionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (дата обращения: 09.11.2022).

54. Эмоциональный фон, страхи и ожидания россиян: стресс-факторы в точках бифуркации. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/Lvov_2022-03-03_ENmocialnyy_fon_strakhi_i_ozhidaniya_rossijan_fin.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

55. Bloomberg назвал Россию мировым лидером по количеству санкций. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2022/6226867a9a7947db2e9e223b> (дата обращения: 09.11.2022).



Об авторе

Константин Сергеевич Проданцов – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: KProdantsov1@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5186-0006>

K. S. Prodantsov

106

**SOCIO-POLITICAL MOODS OF THE RESIDENTS
OF THE KALININGRAD REGION AS AN INDICATOR
OF THE GEOPOLITICAL SECURITY OF THE REGION**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 12 October 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-8

To cite this article: Prodantsov K.S. 2023, Socio-political moods of the residents of the Kaliningrad region as an indicator of the geopolitical security of the region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 90–106. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-8.

The article considers one of the indicators of geopolitical security – socio-political moods. Social dissatisfaction, political trust, political activity, migration attitudes of the inhabitants of the Kaliningrad region were revealed. The study was based on the theoretical and empirical provisions of FCTAS RAS of socio-political sentiments and social tensions in Russian society. The main method is a personal semi-formalized interview of the population over 18 years old (n=915). As a result of the study, it was revealed that the significant problems of the Kaliningrad region for the inhabitants of the region continue to be problems related to economic security: low incomes of the population, high prices for food and essential goods, high tariffs for housing and communal services. The hypothesis is confirmed that in the conditions of geopolitical tensions, the population's trust in local and federal authorities, the president and the army will increase. The political activity of the population, for the most part, comes down to discussing political events with friends, workmates in person and voting in elections. Most Kaliningraders do not consider moving out of the region. It is concluded that the level of social tension in the Kaliningrad region is at an acceptable level and there are no signs of its development into a social conflict.

Keywords: geopolitical security, socio-political moods, social tensions, Kaliningrad region

The author

Konstantin S. Prodantsov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: KProdantsov1@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5186-0006>

С. Г. Ильинская

**МНОГОЛИКОЕ ЕДИНСТВО, ИЛИ ОБЩЕЕ
БЕЗ УТРАТЫ ОСОБЕННОГО
(размышления о неслучайном исследовании)**

Институт философии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 12.01.2023 г.

Принята к публикации 15.02.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-9

107

Рец. на: *Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим : коллективная монография / отв. ред. Т. А. Сенюшкина ; науч. ред. Е. А. Сенюшкин. — Симферополь : Н. Орианда, 2022. — 320 с.*

Для цитирования: *Ильинская С. Г.* Многоликое единство, или Общее без утраты особенного (размышления о неслучайном исследовании). Рец. на: *Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим : коллективная монография / отв. ред. Т. А. Сенюшкина ; науч. ред. Е. А. Сенюшкин.* Симферополь : Н. Орианда, 2022. 320 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 107–111. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-9.

Идентичность как понятие рождается тогда, когда тождественность (или аутентичность) утрачивается, ускользает или находится под угрозой. Именно в этот момент и стартует процесс идентификации — возникает некая самоопределенность, самоотнесение, самопрезентация... Вышедшая в минувшем году коллективная монография «Национальная идентичность и коллективная память» [9] — издание, которое в каких-то аспектах можно воспринимать как прогнозируемое, а в каких-то — как особенное. С одной стороны, исследователей ожидаемо волнуют проблемы, остро стоящие на повестке дня, с другой — взгляд на эти проблемы получился далеко не тривиальный.

Начнем с того, что через авторов указанной книги представлена довольно обширная российская региональная география с включением зарубежных островков того мира, который ускользает от однозначной концептуализации, представая в виде то русского, то славянского, то постсоветского. Поэтому коллективной работе присуща, с одной стороны, удивительная толерантность к ценностным приверженностям авторов, с другой — неожиданное единство. В столичных и федеральных изданиях идейная поляризация гораздо острее, а либеральный диктат в абсолютном большинстве из них гораздо жестче. Как правило, если автор подаваемой статьи бывает заподозрен в продвижении некой



(нелиберальной) идеологии, ему при рецензировании отказывают на основании публицистичности текста или каких-либо формальных придиорок. В данном случае вполне допустимой оказалась даже аполотгетика. Это прослеживается в главе об общественном идеале, а также в главах казахстанских и сербских исследователей. По сути, в книге «Национальная идентичность и коллективная память» реализован традиционный для российской цивилизации холистический подход к идентичности, в отличие от западной сугубо индивидуалистической традиции (см.: [14–16]).

Вслед за А. С. Панариным авторы монографии полагают главным кризисом постсоветской России не социальный или экономический, а самоидентификационный кризис. Рецензируемая работа была написана в основном с опорой на холистически-синтетическую методологию, что позволило авторам сказать нечто новое об идентичности уже после того, как отечественными учеными по данной тематике были выпущены подробные аналитические [10] и даже энциклопедические работы [4].

Так, в рецензируемой монографии поставлен ряд проблем интерпретации зарубежной литературы на предмет ее соответствия отечественной логике смысла — отделения эвристической ценности тех или иных концепций от их идеологических наслоений, оценки их прогностического потенциала, а также согласования в исследованиях идентичности субъективных и объективных факторов.

Отечественной научной школой социального конструктивизма в 1990–2000-х гг. были предприняты значительные усилия для того, что изжить российскую холистическую традицию в отношении таких категорий, как этнос [12] и нация [7]. «Отмена» онтологического статуса групповых субъектов осуществлялась через выделение различных методологических подходов к таким феноменам коллективной идентичности, как эссенциализм, социальный конструктивизм, инструментализм (с отрицанием первого подхода как устаревшего). Подобные интеллектуальные упражнения на базе философии постмодернизма встречали и встречают серьезные возражения [5; 8; 11], поскольку очевидно, что «социально-конструктивистские» основания для подобной отмены возникают из-за упрощения взглядов пионеров данного подхода П. Бергера и Т. Лукмана [2], согласно которым та или иная общность во многом является не просто социальным конструктом, или (словами Б. Андерсона) «воображаемым сообществом» [1], но и самовоспроизводящейся реальностью, осуществляющей самовоспроизводство во многом благодаря наличию в ней идеационного содержания.

Осознание того, что культура отмены объективного статуса научных понятий базируется на подмене естественно-исторического конструктивизма эпистемологическим (см.: [3]), произошло благодаря работам отечественных специалистов по теории познания [13]. В итоге академик В. А. Лекторский предложил метод конструктивного (деятельностного) реализма [6] как наиболее адекватный на современном этапе, в том числе для социальных наук.



В рецензируемой работе четко артикулировано, что даже в наиболее податливой молодежной среде процессы укрепления индивидуалистических ценностей не смогли уничтожить свойственный российской ментальности коллективизм. И дальнейшее развитие с опорой на индивидуалистические западные ценности порождает кризисы самоидентификации. В этом отношении слова «между прошлым и будущим» в названии работы отнюдь не случайность. На протяжении всей книги проводится ее основная мысль: культурная вариативность возможна только на базе единой идентификационной основы. В контексте исследования коллективной памяти авторы обращаются к дискуссиям славянофилов, к осмыслению гражданского раскола страны столетней давности (на фоне раскола нынешнего).

Хотя книга, очевидно, была задумана и частично реализована до начала СВО, некоторые тренды текущего момента в ней были предвосхищены. В частности, понимание, что грядущая российская идентичность будет выковываться на полях сражений, а не в кабинетной тиши. Подробно раскрыты причины идентификационного кризиса, наступившего вслед за распадом СССР на всем постсоветском пространстве.

Продемонстрировано, что национально-культурная идентичность может одновременно рассматриваться и как структурный элемент цивилизационной идентичности, и как ее своеобразная версия, и как ее альтернатива, в зависимости от концептуального контекста и политических целей. Подчеркнуто цивилизационное единство России и Сербии, а также травмирующая роль для идентичности последней агрессии НАТО в 1999 г. Проанализирована история конструирования религиозной идентичности как фактора эскалации внутривославного раскола на Украине.

На наш взгляд, крайне интересны приведенные данные региональной социологии в контексте общероссийских трендов. Так, в частности, убедительно доказано, что тренд виртуализации жизненного мира сформировался еще до пандемии, а начало проведения СВО лишь более четко обозначило задачу достижения суверенного Интернета. Поставлена в целом проблема виртуализации жизненного пространства, концентрации на техническом в ущерб духовному, приводящая к тому, что у индивида, не имеющего практики живого общения, в итоге не формируется полноценное мышление. Продемонстрировано, что киберсоциализация меняет иерархию структуры ценностной сферы личности, приспособляя ее к условиям киберпространства и превращая в настолько неприемлемо инфантильную по отношению к реальному физическому миру, что это порождает моральный и мировоззренческий хаос, разрушающий в итоге не только личность, но и социум.

Анализ причин кризиса советской, русской и православной составляющих российской идентичности, представленный в монографии, приводит к выводу о необходимости провозглашения альтернативного российского универсального проекта и замене модели нации-государ-

ства на модель государства-цивилизации с неизбежно вытекающим возвращением к имперской идентичности, основанной на ценностно-нормативных, идеократических идеалах.

Исследование кейса Украины как зоны цивилизационного разлома, двух разных миров, со всей неотвратимостью предсказало текущую реализацию сценария ее превращения в *failed state*. Среди причин такого развития событий, кроме внешнего фактора и практически полного отсутствия опыта государственности, приведено отторжение советского наследия, навязывание искусственного единообразия там, где исторически наличествовала полицентричность. Политическая элита Украины, декларируя модернизацию, сама провоцировала скатывание в архаику, вызывая тем самым перманентную нестабильность, а слабость своей экономической политики попыталась компенсировать дальнейшей эскалацией националистической повестки с целью консолидации против внешних и внутренних «врагов».

Одна из мыслей, отчетливо сформулированных в монографии, — через воссоединение с Крымом Россия получила шанс укрепления своей идентичности. Поэтому издание данной книги именно на базе Крымского федерального университета далеко не случайно. Проблемы российской идентичности гораздо острее переживаются не просто в пограничных регионах, а в тех, что имеют опыт маргинального существования в рамках украинского государства и активного сопротивления насильственной украинизации.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Гранин Ю.Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. №2. С. 68–81.
4. Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017.
5. Ильинская С.Г. Локально-цивилизационные исследования и социальный конструктивизм: возможности сопряжения // Философская мысль. 2021. №11. С. 105–118.
6. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, №2. С. 18–22.
7. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие. М., 2005.
8. Мюрберг И.И. Конструктивистский подход и актуальные альтернативы ему в современной теории идеологии: проблемы и решения // Философская мысль. 2021. №11. С. 84–102.
9. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим / отв. ред. Т.А. Сеньюшкина ; науч. ред. Е.А. Сеньюшкин. Симферополь, 2022.
10. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2011–2012.



11. Семенов Ю.И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М., 2004) // *Философия и общество*. 2006. №2. С. 94–106.

12. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

13. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М., 2018.

14. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cornwall, 1994.

15. *Identities, Affiliations, and Allegiances* / ed. by S. Benhabib, I. Shapiro, D. Petranovic. N.Y., 2007.

16. *Modernity & identity* / ed. by S. Lash, J. Friedman. Oxford ; Cambridge (USA), 1992.

Об авторе

Светлана Геннадьевна Ильинская — канд. полит. наук, доц., Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7402-5265>

S. G. Ilinskaya

MANY-FACED UNITY OR GENERAL WITHOUT LOSS OF THE SPECIAL (THE REFLECTIONS ON A NON-RANDOM RESEARCH)

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 12 January 2023

Accepted 15 February 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-9

To cite this article: Ilinskaya S.G. 2023, Many-faced unity or general without loss of the special (the reflections on a non-random research). Rev.: *Nacional'naya identichnost' i kollektivnaya pamyat': mezhdru proshly'm i budushhim [kollektivnaya monografiya]* / otv. red. T.A. Senyushkina; nauch. red. E.A. Senyushkin. Simferopol': N. Orianda, 2022. 320 s., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 107–111. doi: 10.5922/sikbfu-2023-1-9.

The author

Dr Svetlana G. Ilinskaya, Associate Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7402-5265>

ERRATA

В №4 «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» (гуманитарные и общественные науки) за 2022 г. в статье Н.П. Таньшиной на с. 42 вместо: «(вероятно, Прадт вспоминает книгу Даниэля Дефо, вышедшую в 1726 г., и обыгрывает план лилипутов в отношении Гулливера)» следует читать: «(вероятно, Прадт вспоминает книгу Джонатана Свифта, вышедшую в 1726 г., и обыгрывает план лилипутов в отношении Гулливера)».

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее и внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

114

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;
- в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2023

№ 1

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 18.05.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,1
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 57
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14